

П. Брюно
Ф. Шансе Вельмот
О. Верник

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
И НЕЗАВИСИМОСТЬ
ПРИДНЕСТРОВЬЯ

2007

Авторы:

*Патрик Брюно, Филипп Шансе Вельмот, Олег Верник
Координатор авторской группы: Олег Верник*

Перевод с французского Наталья Шульпина

Патрик Брюно – юрист, адвокат, советник международного криминального суда в Гааге, преподаватель Нью-Йоркского и Парижского университетов (Франция).

Филипп Шансе Вельмот – юрист, адвокат, представляет юридические интересы во Франции Президента Республики Конго, конфликтолог (Бельгия).

Олег Верник – юрист, преподаватель Киевского национального университета им. Т. Шевченко (Украина).

Коллективный труд международной группы авторов посвящается актуальным международно-правовым аспектам независимости Приднестровской Молдавской Республики.

Авторы, исследовав широкую нормативно-правовую базу, международно-правовые документы, текущее правовое законодательство ПМР, новейшие доктринальные новации в области правовой компаративистики, пришли к однозначному выводу о том, что суверенная приднестровская независимость полностью обоснована с точки зрения международного права.

ВСТУПЛЕНИЕ

Данный документ появляется в весьма непростое время. Международное юридическое сообщество настойчиво продолжает говорить о кризисе системы международного права, о тенденции его циничной трансформации в право сильных политических игроков на международной арене, о тенденции игнорирования основных теоретико-правовых конструкций, формировавшихся не одну сотню лет.

Безусловно, авторы предлагаемого документа отдают себе отчет в том, что проблематика международной правосубъектности Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) не только и не столько зависит от объективного международно-правового и конституционно-правового анализа оснований права приднестровского народа на самоопределение и сецессию. Сложное переплетение экономических, геополитических, военно-стратегических и прочих факторов, существующих вокруг проблемы самоопределившейся территории самоопределившегося народа, равно как и применение двойных стандартов в оценках и непрозрачности в подлинных намерениях, значительно затрудняют продвижение к этически и морально обусловленному, исторически справедливому и правовому разрешению приднестровской проблемы.

Однако, по мнению авторов данного документа, руководствуясь доброй волей, неангажированным подходом, равно как и целым рядом морально-этических и международно-правовых принципов и приоритетов, вполне возможно выстроить четкую юридическую архитектуру проблематики самоопределившейся Приднестровской Молдавской Республики и, как следствие, вы-

вести эту проблематику в область чистого права, свободную от всевозможных неюридических напластований, неправовых интересов и влияний.

Авторы предлагаемого документа руководствовались в своей работе следующими морально-этическими приоритетами и общеправовыми принципами:

- суверенная воля к самоопределению народа Приднестровья, подтвержденная на многочисленных референдумах и институционально выразившаяся в формировании государственности ПМР, является ключевым фактором в анализе данной региональной проблемы и не подлежит дальнейшему игнорированию европейскими и мировыми институциями;
- в связи с текущей трансформацией архитектуры Европейского Союза и расширением общеевропейского дома любая региональная проблема на территории Европы становится общеевропейской проблемой и подлежит своему разрешению с задействованием всех наличных организационных, правовых и иных ресурсов европейского сообщества. Именно в данном контексте суверенная Приднестровская Молдавская Республика (ПМР) может и должна стать ключевым фактором мира и стабильности в данном регионе Европы, неотъемлемым элементом системы общеевропейской безопасности;
- именно система принципов и норм международного права является основой для формирования полноценной международной правосубъектности приднестровского народа и его государства ПМР;
- с одной стороны, реальное наполнение внешнего суверенитета ПМР не может не увязываться с реализацией общедемократических европейских стандартов внутри страны. С другой стороны, само европейское сообщество должно решительно отказаться от каких-либо внешних и неправовых соображений по отношению к

применению равных демократических стандартов и критериев для разрешения как этой, так и любой другой аналогичной региональной проблемы.

Авторы данного документа констатируют, что окончательное правовое разрешение приднестровской проблемы не возможно без самого активного участия в ее обсуждении разнообразных гражданских институций европейского и мирового сообщества, представителей научной и юридической общественности, правозащитных и гуманитарных инициатив. Именно гражданские низовые структуры народной дипломатии самым решительным образом актуализировали для мирового сообщества и его международно-правовых структур в конце 40-х – начале 50-х годов XX века проблематику антиколониальной борьбы и формирования качественно новой модели мирового правопорядка, основанного на уважении к самоопределяющимся народам и нациям и их безусловной поддержке мировым сообществом.

Однако, данные правовые алгоритмы легитимизации самоопределения, раз и навсегда зафиксированные как в многочисленных международно-правовых документах ООН, так и в иных нормах международного права, оказались, практически, не задействованными (или выборочно задействованными) в условиях новой фазы антиколониальной волны, связанной с распадом СССР и Югославии. Международное и, прежде всего, европейское сообщество в начале 90-х годов XX века оказалось не готовым к адекватному правовому реагированию на новые европейские реалии.

С одной стороны, международное сообщество и его международно-правовые институции задним числом легитимизируют имперский характер бывшего СССР, фактически признавая только за Российской Федерацией (РФ) полноценный международный и правовой континуитет СССР, фиксируя Россию, тем самым, в качестве метрополии в рамках бывшего СССР. На основании этого континуитета Российская Федерация получила место в Совете Безопасности ООН, монополию на ядерное оружие среди

бывших республик СССР, записала на свой счет основную часть советского внешнего долга. С другой стороны, международное и европейское сообщество оказывается не готовым признать новую постколониальную реальность на территории бывшего СССР с ее многочисленными межнациональными конфликтами и не менее многочисленными апелляциями к самоопределению как к демократической и соответствующей принципам ООН форме разрешения этих конфликтов.

Вместо этого, ведущие международно-правовые институты выбирают весьма спорный и далекий от подлинных демократических стандартов алгоритм признания международной правосубъектности только за союзными республиками бывших СССР и Югославии. При этом, грубо игнорируются как общедемократические права народов автономных образований внутри союзных республик бывшего СССР, так и результаты демократически проведенных референдумов по самоопределению в тех или иных территориальных анклавах. Многочисленные нации и народы бывших СССР и Югославии становятся в рамках современного применения данного алгоритма фактическими заложниками произвольного и несправедливого, с точки зрения учета национального фактора и очень давнего установления внутренних федеративных границ авторитарными режимами бывших СССР и Югославии.

С одной стороны, Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) 25 января 2006 года принимает Резолюцию, в которой осуждает массовые нарушения прав человека, совершенные при тоталитарных коммунистических режимах, отмечая в документе, что «народы бывшего СССР наиболее пострадали от этих преступлений», а с другой стороны, фактически делает все для пролонгации последствий данной преступной политики. В результате, заложниками данной двусмысленности становятся на весьма продолжительное время такие свободолюбивые европейские народы как косовары, черногорцы, приднестровцы, босняки и другие. И если одни из них (черногорцы), так или иначе,

в результате благоприятного стечения обстоятельств, а отнюдь не применения равных демократических стандартов и принципов международного права, преодолевают эту ненормальную ситуацию, то такие народы как косовары, босняки и приднестровцы продолжают оставаться ее заложниками.

Авторы данного документа имеют перед собой цель не просто актуализировать проблематику международно-правовой легитимизации ПМР, но и обратить, тем самым, внимание европейской и мировой общественности на целый ряд кризисных и неоднозначных явлений, как в теории международного права, так и в его практической плоскости, которые требуют своего немедленного разрешения. А разрешение любой проблемы следует начинать, прежде всего, с ее точной и корректной постановки.

Надеемся, что наш совместный труд станет еще одним тем небольшим кирпичиком, который будет положен в прочный фундамент нашего нового общего европейского дома.

РАЗДЕЛ I

Система принципов международного права – юридическая основа государственной независимости ПМР

В условиях ожесточенных и продолжающихся атак со стороны ряда ведущих мировых игроков на традиционные устои международного правопорядка и международного права, в условиях очередных попыток отказа с их стороны от базового международно-правового подхода применения равного стандарта ко всем суверенным формированиям – именно базовые принципы международного публичного права становятся той самой силой и опорой, призванной защитить права свободлюбивого народа Приднестровья и его суверенного государства ПМР.

По нашему мнению, именно базовые принципы международного права, как юридически закрепленные начала международного права, как нормы международного права, имеющие обязательный характер для всех его субъектов – позволяют нам не только актуализировать проблематику приднестровской независимости, но также найти необходимое и достаточное количество юридически бесспорных аргументов и доказательств на этот счет.

Достаточно сложная архитектура принципов международного права, безусловно, позволяет некоторым безответственным персонажам под прикрытием ее поверхностной критики наносить удар за ударом по самой сущности текущего мирового правопорядка, основанного на консенсусе суверенных воль первичных субъектов международного права – государств и народов. В зависимости от той или иной региональной ситуации и собственной позиции относительно этой ситуации ведущие мировые игроки готовы характеризовать конфигурацию и действие базовых принципов международного права совершенно по-разному. Тут мы можем услышать как восторженные эпитеты о «гармонич-

ном единстве принципов международного права», так и тезисы о «конflikте принципов», об их «дисбалансе», о «неравном весе и весомости» тех или иных принципов для современного международного права, о необходимости отказа от некоторых из них как «устаревших».

Авторы данного документа, разумеется, не ретрограды, но приветствовать адаптацию традиционных международно-правовых норм под бурно изменяющуюся реальность готовы только исходя из своего собственного понимания и принятия векторов данных трансформаций. А они, увы, далеко не все и далеко не всегда связаны с развитием демократических стандартов и параметров международно-правового равенства и справедливости. Мы не считаем, что принципы международного права, зафиксированные в Уставе ООН и носящие характер *jus cogens*, то есть являющиеся обязательствами высшего порядка, которые не могут быть отменены государствами ни индивидуально, ни по соглашению между собой, могут стать предметами беспринципной эквилибристики или фехтования.

Международно-правовые документы ООН сегодня четко и однозначно указывают на то, что все народы и государства, независимо от размеров территории, населения, уровня развития, находятся в равном положении. Десятки мини-государств, членов ООН, пользуются суверенными правами наравне с Китаем с его миллиардным населением или такими гигантами, как США, Россия, Индия, внося свой вклад в общее дело развития международного сообщества наций. Наряду с этим на данный момент времени имеются государства, в частности, Косово и Приднестровье, равенство подобных с другими, даже подобными по численности населения и по размерам территории, странами, по мнению организаций мирового сообщества и ведущих его игроков, не дает им права не только на получение, но даже на восстановление своего суверенитета. Таким образом, нами наблюдается весьма странный подход к определению равенства между государствами. Предполагается, что реальными субъектами права могут быть только члены ООН, в то время как, согласно

публичному римскому праву, каждое государство является публичным лицом (*universalitas personarum*) и как юридическое лицо выступает субъектом права, поэтому должно быть признано законом (*lex generalis*).

По глубокому убеждению авторов данного документа, сам факт существования проблемы так называемых «непризнанных государств» указывает вовсе не на некие «внутренние противоречия» в системе принципов международного права, а на сознательный отказ от их применения ведущими мировыми игроками. Таким образом, мы фиксируем ситуацию, где не базовые принципы международного права как нормы прямого юридического действия служат основой для формирования моделей поведения тех или иных ключевых правительств и находящихся под их влиянием международных организаций, а их тактические и стратегические соображения и региональные интересы цинично попирают международно-правовые стандарты равенства и, как результат, делают заложниками и жертвами данной ситуации ряд демократически самоопределившихся народов мира.

Авторы данного документа глубоко убеждены, что независимость Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) может и должна быть обоснована и связана как раз с действительными принципами международного права, нашедшими свое выражение как в *Уставе ООН*, так и в *Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН*, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 года, а также в *Декларации принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях*, содержащейся в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 года. Не через интерес ведущих мировых игроков, не через благоприятное стечение обстоятельств, а через твердое и последовательное соблюдение и применение норм и принципов международного права.

По мнению авторов данного документа, главной особенностью базовых принципов международного права является их универсальность. Это значит, что все субъекты международного права обязаны строго соблюдать данные принципы, поскольку любое их нарушение будет с неизбежностью затрагивать законные интересы других участников международных отношений. Это значит также, что именно принципы международного права являются основным критерием законности всей системы международно-правовых норм. Принцип права – это нормативное отражение объективного порядка вещей, общественной практики, закономерностей общественного развития, а не субъективные представления об этих процессах тех или иных участников мирового сообщества. Действие данных принципов распространяется даже на те области отношений субъектов, которые по каким-либо причинам не урегулированы конкретными нормами. Принципы, таким образом, являются фундаментом международного правопорядка.

Понимая и признавая эту данность, текущее законодательство ПМР подчеркивает принципиальную важность для себя базовых международно-правовых принципов. В *Статье 10 Конституции ПМР*, принятой на всенародном референдуме 24 декабря 1995 года, устанавливается следующее:

«Внешняя политика республики исходит из *принципов суверенного равенства государств, неприменения силы, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела других государств.*

Общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Приднестровской Молдавской Республики *являются основой отношений с другими государствами и составной частью правовой системы.*

Данные ключевые тезисы также нашли свое отражение и развитие в *Законе ПМР «Об актах законодательства Приднестровской Молдавской Республики»* от 7 мая 2002 года, где в *Статье 5 «Приоритетная юридическая сила норм международного пра-*

ва на территории Приднестровской Молдавской Республики» фиксируется следующее:

«1. Общеизвестные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы Приднестровской Молдавской Республики...

2. Прямое действие общеизвестных принципов и норм международного права означает их непосредственное использование в правотворческой деятельности органов государственной власти и управления, органов местного самоуправления при разработке актов законодательства Приднестровской Молдавской Республики (которым должны следовать разрабатываемые нормы), а также в правоприменительной практике...».

Фиксация общеизвестных принципов и норм международного права в качестве части правовой системы ПМР, по нашему мнению, создает благоприятную ситуацию для дальнейшей имплементации данных принципов в текущее законодательство Приднестровья.

Ниже нами будет проведен детальный анализ базовых принципов международного права, который со всей необходимостью подтвердит правовую и морально-этическую обоснованность апелляции народа Приднестровья и его суверенного государственного формирования ПМР к международному сообществу.

Авторы данного документа еще раз подтверждают свое намерение самым решительным образом вывести вышеобозначенную проблематику из области геополитической игры ведущих игроков Востока и Запада в плоскость верховенства права как в нормативном его содержании, так и в естественно-правовом аспекте.

Глава 1

Принцип суверенитета и суверенного равенства государств – фундаментальная основа государственной независимости ПМР

Тридцатилетняя война, изменившая до неузнаваемости облик Европы, породила так называемое Вестфальское право и Вестфальскую правовую систему, основанную на всеобщем признании *принципа государственного суверенитета* в качестве основы международного права. То есть с этого времени суверенитет становится атрибутом именно государства, а не монарха, а суверенное государство признается основным субъектом международных отношений. Мир начал рассматриваться как совокупность государств, обладающих всей полнотой власти на своей территории и самостоятельных во внешней политике. Принцип государственного суверенитета становится основополагающим для всего последующего развития системы международных отношений, включая Венскую, образца 1815 года, модернизацию Вестфальской системы и Ялтинский мир 1945 года.

Именно в рамках данной Вестфальской системы координат с ее принципом государственного суверенитета и суверенного равенства государств и подходят авторы данного документа к анализу международной правосубъектности Приднестровской Молдавской Республики. Исходя именно из этой системы координат, вышеозначенный принцип является базовым органическим принципом, на основе которого и была собственно построена сама система международного права; права, являющегося результатом согласования воли суверенных государств и их народов. Исходя именно из данного стержневого элемента международного права, все государства обладают суверенитетом и равны между собой. Именно данный базовый системообразующий принцип является

верховным принципом в сложной и многокомпонентной системе принципов международного права, находящихся в рамках своей универсальности в сложном динамическом соотношении.

Мы, авторы данного документа, задаем себе вопрос: на основании чего государство способно участвовать в межгосударственных отношениях? И отвечаем на него единственно возможным образом: потому что оно суверенно. Появление на свет суверенного государства – объективная реальность, результат исторического процесса. То, что государство обладает международной правоспособностью именно в силу своего собственного суверенитета (*ipso facto* – то есть в результате факта своего существования) является не только базовой международно-правовой концепцией, но и признано в международной судебной практике. Постоянная Палата международного правосудия по делу “Уимблдон” определила: «право на вступление в международные обязательства – атрибут государственного суверенитета». Тут следует отметить, что и сама ООН возникла и существует только благодаря воле суверенных государств, которые поставили цель не допускать впредь всемирных катастроф, подобных 2-ой мировой войне. ООН является прямой наследницей и продуктом Вестфальской политико-правовой системы, в рамках которой сформировались и начали активно действовать первые межправительственные и международные неправительственные организации. Две мировые войны XX века не смогли поколебать эту систему, существенно окрепшую после создания ООН. Тут следует отметить, что в системе современного международного права не существует какой-либо нормы, наделяющей первичные субъекты правосубъектностью; имеются лишь нормы, подтверждающие наличие у них правосубъектности с момента образования. Иными словами, международная правосубъектность первичных субъектов не зависит от чьей-либо воли и имеет по своей природе объективный характер.

Суверенитет является неотъемлемым свойством государства и первичным фактором международных отношений, а не вторич-

ным фактором, то есть продуктом международного права. Отсюда, именно суверенные государства провозглашаются первичными субъектами международного права, так как их **международная правосубъектность исходит из самого факта их существования, а разнообразные международные организации в связи с этим являются лишь вторичными субъектами международного права, правосубъектность которых связывается с принятием их уставов или иных документов, регулирующих их образование и международно-правовую компетенцию.** Таким образом, по нашему мнению, стержень проблематики юридического обоснования суверенности и независимости Приднестровья следует искать как раз в основах Вестфальского мирового правопорядка суверенов и в текущих базовых международно-правовых документах, фиксирующих принцип суверенитета и суверенного равенства государств.

Считается, что государство обладает полноценным Вестфальским суверенитетом, когда его политическая организация основана на исключении иностранных факторов влияния и персоналий из властных структур на данной территории. Согласно определению юридического суверенитета, **государство считается суверенным, когда никакая другая, внешняя по отношению к нему, группа не может управлять людьми или осуществлять юрисдикцию на территории этого государства.** Сам факт образования нового суверенного государства как доминантного социального организма лежит за пределами международного права, но наличие у него всех признаков суверенитета, понимаемого не абстрактно, а конкретно, является необходимой и единственной предпосылкой для появления у этого государства полноценной международной правосубъектности.

В Конвенции Монтевидео по правам и обязанностям государств (1933 год) закреплены четыре признака государства, являющиеся критериями его состоятельности:

1. наличие постоянного населения;
2. наличие определенной территории;

3. наличие собственного правительства;
4. наличие способности к вступлению в отношения с другими государствами.

Совершенно очевидно, по нашему мнению, что **Приднестровское государство отвечает всем четырем предлагаемым этим международно-правовым документом признакам.** И если, в силу ряда причин сугубо внеправового характера, полноценная международная правосубъектность ПМР пока еще ограничена, то это абсолютно никак не сказывается на требуемом Конвенцией **«наличии способности»** к вступлению в отношения с другими государствами. Кроме того, мы утверждаем, что кроме данного вышеуказанного минимума государствообразующих признаков, Приднестровская Молдавская Республика вполне соответствует еще, как минимум, двум ключевым признакам, свидетельствующим в пользу доброкачественности ее политической системы:

1. реальное функционирование демократической системы власти, основанной не только на соблюдении формальных выборных процедур, но и на достаточно высоком уровне взаимного доверия власти и общества и широком моральном консенсусе;
2. способность следовать принципам добрососедства в случае устранения прямой внешней угрозы.

Мы, как авторы данного документа, ответственно заявляем, что органы государственной власти ПМР значительно в большей степени, чем органы власти многих суверенных государств, возникших на территории бывшего СССР в результате его распада, пользуются внутренней автономией, и, соответственно, юридическим суверенитетом. Упрощенно говоря, ни законодательство Республики Молдовы, ни какого-либо третьего государства не действует на территории Приднестровья, хотя его правительство и заявило о своем желании снизить существующий уровень суверенитета, став субъектом международных соглашений и отвечая по их обязательствам.

Для Приднестровья юридический принцип «uti possidetis» («владей чем владеешь») – принцип сохранения существующего положения вещей народом и правительством, а также непрерывный территориальный суверенитет с момента провозглашения независимости являются ключевыми элементами, подтверждающие полноценный государственный суверенитет Приднестровья. В свою очередь, способность с успехом защитить государственные границы в период вооруженной агрессии со стороны Республики Молдова (1992 год) является дополнением к вышеуказанным признакам. Эта позиция, более того, полностью согласуется с соответствующими принципами международного права. Среди них – «принцип эффективности», *effectivités*.

Следует указать, что ряд постановлений Международного Суда ООН при аналогичных обстоятельствах гласили о том, что территориальная целостность нового государства должна быть ограничена территорией, контролируемой им в момент провозглашения независимости. Другими словами, территория государства – это не та территория, на которую оно претендует или хотело бы претендовать, или которую печатает на своих картах, а та, которую государство контролирует во время провозглашения своей независимости. Ниже авторы данного документа наглядно покажут, что **во время выхода Республики Молдова (РМ) из состава СССР и Молдавской Советской Социалистической Республики (МССР), Приднестровье уже официально отделилось и суверенно управляло своей территорией независимо от Кишинева.**

Применяя принцип «uti possidetis» де-факто в отношении Молдовы во время провозглашения ее независимости, мы можем утверждать, что ее территория заканчивается там, где она прекращает осуществлять эффективный контроль на ней. Это происходит именно там, где демократически избранные органы государственной власти Приднестровья, в свою очередь, начинают осуществлять суверенный и эффективный контроль своей территории. В международном законодательстве правосубъект-

ность дается только той государственной властью (правительству), которое осуществляет эффективный контроль над своей территорией. Это напрямую связано с юридическим «принципом эффективности» правительства: следует отметить, что, с точки зрения международного права в случае эффективного, но непризнанного (проблематика т.н. «признания» ПМР авторами данного документа будет рассмотрена ниже) правительства на данной территории, важно, прежде всего, не его признание, а эффективность как основной критерий получения правительственного статуса. То есть, именно реальная ситуация на территории государства имеет большее значение и является «основным критерием» согласно норм международного права. Все остальные доводы либо не существуют, либо второстепенны.

Авторы данного документа считают возможным еще раз подчеркнуть, что среди принципов международного права «эффективное управление» (*effectivités*) является ключевым в определении суверенитета любой оспариваемой территории. Данная справедливая международно-правовая теоретическая конструкция находит свое закрепление даже в международной судебной практике, создавая тем самым прецедент. Судьями Международного Суда (*дело: Эритрея/Йемен, 1996*) было установлено, что «осуществление юрисдикции и государственных функций» является определяющим фактором суверенитета над территорией. Тут следует указать на один очень интересный и показательный факт. Ключевым обоснованием невозможности признания приднестровской государственности в *докладе главы Миссии ОБСЕ в Молдове №13 от 12 ноября 1993* года был тезис о том, что образование мини-государств приведет к появлению нежизнеспособных государственных образований, в итоге чего может возникнуть серьезная угроза политической дестабилизации и ускоренного экономического упадка. Однако с момента появления этого доклада прошло 14 лет и, очевидно, что мы являемся свидетелями абсолютно противоположной тенденции. С одной стороны, молодое приднестровское государство стало ключевым

фактором текущей стабильности в регионе, а с другой, именно отказ от полноценного признания европейским сообществом Приднестровской Молдавской Республики крайне отрицательно влияет на экономическую, гуманитарную и политическую ситуацию в регионе, несмотря на все усилия и инициативы международных посредников.

Поскольку экономическая и политическая жизнеспособность Приднестровского, равно как и любого другого государства, имеет отношение, прежде всего, к его суверенитету и определяется его соответствием международному законодательству, такие вопросы, как создание государственных институтов, должны рассматриваться наряду и в тесной взаимосвязи с формальными требованиями к государственности. Отсюда, в соответствии как с общей теорией государства, так и с доктриной международного права, **государство является организацией, занимающей определенную территорию и имеющей постоянное население, контролируемое собственным правительством, и которая участвует или может участвовать в формальных отношениях с другими организациями.** А если полностью абстрагироваться от остальных функций и характеристик государства и сосредоточиться только исключительно на его международной правосубъектности, получим следующее определение: **государство – необходимая организация населения для участия в международном сообществе, для представительства и защиты его интересов.**

Попробуем оценить реальную де-факто ситуацию в приднестровском регионе на предмет анализа реализации принципа «эффективного управления» сквозь призму объективистского доказательного фактажа:

Приднестровская Молдавская Республика (ПМР) занимает территорию протяженностью границ в 816 км. Государство ПМР осуществляет собственную юрисдикцию на этой территории, выпускает собственные деньги и имеет собственное налогообложение. Приднестровье имеет собственную Конституцию,

пограничные посты, избирает Президента, Парламент и местные власти посредством прямого народного голосования, имеет независимое судопроизводство, армию, милицию, службу безопасности и известную футбольную команду. Оно также имеет герб, государственный флаг и государственный гимн, собственные почтовые марки, выдает лицензии, паспорта. Государственное управление за последние 17 лет можно объективно оценить как эффективное. Приднестровье с успехом предоставило своим гражданам все необходимые социальные услуги, ожидаемые от государства. Среди них: право на собственность, пенсии, предупреждение преступности, инфраструктура, здравоохранение, образование.

Несмотря на объективно неблагоприятную геополитическую обстановку в Европе, Приднестровская Молдавская Республика все же сохранила настойчивость в установлении отношений с другими субъектами международной системы на основе суверенного равноправия, сотрудничества, взаимного уважения и партнерства. Она рассматривала и продолжает рассматривать себя как абсолютно суверенное государство.

26 мая 2005 года Парламент Приднестровья издал *Постановление 2241 «О Принятии Концепции Внешней Политики ПМР»*, согласно которому Приднестровье руководствуется общепринятыми принципами и нормами международного права и находится в том же статусе независимого государства, что и 2 сентября 1990 года, то есть в день принятия акта о независимости ПМР. Приднестровье, по собственному мнению, «проводит внешнюю политику как суверенное, независимое, демократическое, законное и светское государство». Оно считает себя суверенной, независимой, демократической республикой с конституционной системой сдержек и противовесов. На политическом, культурном и, в частности, коммерческом уровне Приднестровье поддерживает контакты с 99 разными странами мира. Некоторые из них имеют открытые представительства в Тирасполе, столице Приднестровья. ОБСЕ также имеет офис и постоянную делегацию в Тирасполе.

По мнению авторов данного документа, совершенно очевидно, что **лишь правительство, выражающее волю народа и эффективно осуществляющее свою власть, имеет право требовать от участников международно-правового общения своего признания.** Все вышеуказанные признаки присущи государственной власти ПМР, это является неоспоримым фактом и подлежит международно-правовой фиксации. Мы совершенно четко и основательно заявляем, что циничный отказ в признании приднестровской государственности, какими бы благовидными предложениями он не был обоснован, является не просто неким недружелюбным актом, но и нарушением общепринятых принципов международного права.

В развитие анализа принципа суверенитета и суверенного равенства государств как фундаментальной международно-правовой основы государственной независимости ПМР следует отметить, что впервые толкование термина государств было дано на **Сан-францисской конференции, принявшей Устав ООН.** Оно содержалось в докладе Комитета I/1 этой конференции, который был одобрен затем Первой комиссией и пленумом конференции. Согласно этому толкованию, **«суверенное равенство»** государств должно означать, что:

1. государства юридически равны;
2. они пользуются всеми правами, которые вытекают из их суверенитета;
3. личность государства должна уважаться, так же как его территориальная целостность и политическая независимость;
4. государство должно в международном общении добросовестно выполнять свои обязанности и международные обязательства.

Это толкование полностью сохраняет свое значение и поныне. В свою очередь, согласно *Декларации о принципах международного права 1970 года*, основное содержание рассматриваемого принципа сводится к следующему:

Все государства пользуются суверенным равенством. Они имеют одинаковые права и одинаковые обязанности и являются равноправными членами международного сообщества, независимо от различий экономического, социального, политического или иного характера (п.1).

Понятие «суверенное равенство» включает, в частности, следующие элементы:

- а) государства юридически равны;
- б) каждое государство пользуется правами, присущими полному суверенитету;
- в) каждое государство обязано уважать правосубъектность (личность) других государств;
- г) территориальная целостность и политическая независимость государства неприкосновенны;
- д) каждое государство имеет право свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы;
- е) каждое государство обязано выполнять полностью и добросовестно свои международные обязательства и жить в мире с другими государствами.

Тут нам необходимо пояснить, что выражение о том, что государства **«имеют одинаковые права и одинаковые обязанности»**, касается норм общего международного права, т.е. норм, установленных международным сообществом государств в целом. Ныне они общепризнаны в качестве не только конвенционных, но и обычноправовых норм.

Поддержание международного правопорядка может быть обеспечено лишь при полном уважении юридического равенства всех государств, реальных или потенциальных (несмотря на то, что ПМР уже является реальным участником многих международно-правовых отношений, о чем нами будет подробнее говориться ниже, международно-правовая правосубъектность приднестровского государства пока еще существенно ограничена) участников международно-правовых отношений. Это означает,

что каждое государство обязано уважать суверенитет других участников системы, то есть их право в пределах собственной территории осуществлять законодательную, исполнительную, административную и судебную власть без какого-либо вмешательства со стороны других государств, а также самостоятельно проводить свою внешнюю политику. Итак, **суверенное равенство государств составляет фундаментальную основу современных международных отношений, что в обобщенном виде отражено в п. 1 ст. 2 Устава ООН: «Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее Членов».**

Объективные закономерности развития международных отношений и их постепенная демократизация привели к расширению содержания анализируемого нами принципа. В *Декларации принципов Заключительного акта Совещения по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) 1975 года* государства приняли на себя обязательства не только соблюдать принцип государственного суверенитета и суверенного равенства, как он изложен в *Уставе ООН* и *Декларации 1970 года*, но и уважать права, присущие суверенитету. Последнее означает, что в своих взаимных отношениях государства должны уважать различия в историческом и социально-политическом развитии, разнообразие позиций и взглядов, внутренние законы и административные правила, право определять и осуществлять по своему усмотрению и согласно международному праву отношения с другими государствами. К числу элементов принципа суверенитета и суверенного равенства относится право государств принадлежать к международным организациям, быть или не быть участниками двусторонних и многосторонних договоров, включая союзные договоры, а также право на нейтралитет.

По мнению авторов данного документа, **пока существуют суверенные государства, принцип суверенитета и суверенного равенства будет оставаться важнейшим элементом системы принципов современного международного права. Строгое его соблюдение обеспечивает свободное развитие не только**

Приднестровской Молдавской Республики, но и каждого государства и народа мира.

Разумеется, оппоненты самоопределения приднестровского народа с упорством, достойным лучшего применения, продолжают утверждать, что международная правосубъектность ПМР невозможна из-за так называемой ее «непризнанности» или отсутствия членства в ООН. Ниже авторы данного документа детально рассмотрят проблематику теории международно-правового признания в контексте ситуации вокруг приднестровской суверенной независимости, однако уже сейчас можно указать на ряд существенных нормативно-правовых конструкций, категорически опровергающих данные утверждения.

Так, например, авторы *Резолюции ООН «Определение агрессии» 1974 года* в Статье 1 (а) предусмотрительно записали, что термин «государство» в ней **«употребляется, не предreshая вопроса о признании или вопроса о том, является ли государство-членом Организации Объединенных Наций»**. А *Статья 9 Устава Организации американских государств* (ОАГ), где наиболее весомую и определяющую роль играет США, например, совершенно справедливо фиксирует, что **«политическое существование государства не зависит от его признания другими государствами. Даже до признания государство имеет право на защиту своей целостности и независимости»**.

Однако даже и без этих четких и конкретных норм международного права, по мнению авторов данного документа, очевидна абсурдность подхода, при котором государство становится таковым лишь после занятия его представителем кресла в ООН или после признания кем-то извне.

Однако, с другой стороны, нас не может не тревожить отсутствие четких, не подлежащих тенденциозному или двойному толкованию, международно-правовых алгоритмов фиксации международной правосубъектности новообразованных государств. Исходя из сказанного, мы считаем, что необходима унифицированная и кодифицированная концепция легитимизации внешнего суверенитета новообразованных государств, основанная на структурно-функциональном анализе социальных и правовых систем, которая будет предусматривать:

- функциональную самодостаточность новых обществ в культурной, правовой, экономической и политической системах;
- функциональную интегрированность в отношениях с окружающим миром (внешней надсистемой);
- соблюдение общепризнанных принципов, механизмов и норм внутренней легитимизации;
- соблюдение базовых принципов международного права как во внутренней, так и во внешней политике новообразованных суверенов.

Практически все государства, возникшие в результате распада СССР, с самого момента своего рождения попали в ситуацию острого дефицита исторической и юридической легитимности. По большей части, они не имели опыта государственного существования и никогда реально не существовали в тех внутренних границах, которые были начертаны на картах СССР, и получили собственную суверенную независимость, как в результате констелляции внешних сил, так и собственных мобилизационных усилий, создающих жизнеспособную государственно-правовую общность. То есть, по существу, они возникли, как государства без естественных границ и политических наций и были поставлены перед необходимостью доказывать свою историческую и государственную состоятельность.

По мнению авторов данного документа, Приднестровская Молдавская Республика блестяще сдает пролонгированный уже на 17 лет своеобразный экзамен на зрелость. **Приднестровское государство, успешно подтверждающее собственную состоятельность, перестает быть неким “постсоветским” государственным образованием, обретая новое качество своей легитимности и полноценного суверенитета как основы своей международной правосубъектности в мире суверенных и равных демократических государств.**

Глава 2

Взаимосвязанные принципы невмешательства во внутренние дела и отказа от применения силы или угрозы силой – международно-правовые гарантии реализации суверенитета ПМР

Пожалуй, сейчас нет в системе принципов международного права других таких принципов, которые бы столь яростно подвергались атакам, как в теоретической плоскости их существования, так и в практическо-прикладной плоскости реальной международной политики. Все чаще утверждается, что в эпоху глобализации суверенитеты и соответствующие им межгосударственные границы становятся неактуальными, что вмешательство во внутренние дела суверенных государств, равно как и сопряженное с этим применение силы, допустимы и желательны. Все менее четкий и все более подвижный, подлежащий своему расширительному толкованию перечень вопросов, определяющий вероятность и возможность такого вмешательства, предлагается международному сообществу. Многочисленные оппоненты продолжают настойчиво утверждать, что сам по себе принцип невмешательства хорош, но его никто не придерживается. Отсюда, каков же смысл говорить о невмешательстве, когда оно, то есть вмешательство, все равно происходит? Увы, подчас действительно, создается впечатление что торжество древнеримского принципа «**что позволено Юпитеру – не позволено быку**» уже не за горами.

Мы вновь оказываемся перед лицом навязывания некоей двойственности международного права: с одной стороны, законность, с другой, — соотношение сил. Защита прав человека, борьба с терроризмом, поддержание общегуманитарных и экологических стандартов, предотвращение акта агрессии или угрозы миру – все эти столь замечательные вещи, подчас, используются недобросовестными мировыми геополитическими игроками с

единственной целью – с целью осуществления агрессии, то есть осуществления непосредственного вмешательства с применением силы во внутренние дела суверенных государств, которые, так или иначе, препятствуют ведущим мировым лидерам или их коалициям в реализации тех или иных региональных экономических или геополитических интересов.

Понимая и принимая задачи и принципы новейшего международного гуманитарного права, авторы данного документа остаются приверженцами строгого и четкого соблюдения универсальных взаимосвязанных международно-правовых принципов невмешательства во внутренние дела суверенных государств и неприменения силы или угрозы силой. Авторы обоснованно считают, что навязываемый нам ускоренный демонтаж устоявшейся международно-правовой структуры, базирующейся на согласовании суверенных волей государств, являющихся ее первичными источниками, не принесет ровным счетом ничего позитивного и в саму международную общегуманитарную проблематику.

Кроме того, несмотря на наличие у многих огромного искушения в разрешении приднестровской проблемы посредством силы, исходя из так называемых «геополитических реалий», мы настоятельно утверждаем, что **полное и окончательное разрешение проблемы суверенности Приднестровской Молдавской Республики лежит исключительно в плоскости базовых принципов международного права и не подлежит никакой иной форме своей регламентации.**

Обратимся к международно-правовым первоисточникам. *Пункт 7 Статьи 2 Устава Организации Объединенных наций 1945 года* впервые в самом общем порядке сформулировал данный принцип невмешательства: «Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций **права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от Членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава;** однако

этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании Главы VII». В свою очередь, *Статья 39 Главы VII Устава ООН* определяет исключительный перечень вопросов, подлежащих разрешению усилиями всего международного сообщества – **«любая угроза миру, любое нарушение мира или акт агрессии»**.

Тут следует отметить, что международное право в принципе не регулирует вопросы внутривнутриполитического положения государств, поэтому вмешательством должны считаться и считаются, в соответствии с международно-правовыми нормами, любые меры государств или международных организаций, с помощью которых последние пытаются препятствовать суверенному государству решать дела, по существу входящие в его внутреннюю компетенцию. Также следует указать на то, что принцип запрещения применения силы появился в международном праве, прежде всего, как принцип запрещения агрессивной войны. Первым многосторонним международным договором, запретившим агрессивную войну, стал *договор 1928 года «Об отказе от войны в качестве орудия национальной политики»*. В этот же период был заключен ряд двусторонних договоров, в которых формула запрещения агрессивной войны уступает место более широкой формуле, предусматривающей запрещение обращения к силе.

Чрезвычайно важным в контексте поддержки и защиты суверенного статуса Приднестровской Молдавской Республики нам представляется первичная фиксация международно-правового принципа отказа от применения силы или угрозы силой в том же Уставе ООН. *Пункт 4 Статьи 2 Устава ООН* гласит: «все члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости **любого государства**, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций». Именно используемое в описании данного принципа выражение «любое государство» определяет самым широким

образом круг государств, потенциальных жертв нарушения принципов невмешательства и неприменения силы или угрозы силой. То есть речь идет о том, что данный принцип международного права, закрепленный в Уставе ООН, защищает не только государства, являющиеся полноправными членами ООН, но и «любые» суверенные государства, могущие стать возможными объектами неправомерной агрессии, в том числе, разумеется, и суверенное Приднестровское государство.

Авторы данного документа уже отмечали выше, что законодательство Приднестровья четко и однозначно зафиксировало приоритетность принципов международного права для молодой суверенной республики, в том числе и принципов невмешательства и отказа от применения силы или угрозы силой. По мнению авторов данного документа, обязанность неприменения силы распространяется на все государства, поскольку поддержание международного мира и безопасности требует, чтобы все государства, а не только члены ООН, придерживались в отношении друг с другом указанного принципа.

Со дня провозглашения полноценного суверенитета ПМР 2 сентября 1990 года ни одна официальная или неправительственная международная организация не зафиксировали в своем мониторинге какие-либо действия со стороны государственных органов ПМР, направленные на вмешательство во внутренние дела сопредельных суверенных государств – Украина и Республика Молдова. Также не было отмечено случаев, так или иначе связанных с применением силы против данных суверенных государств или угрозы ее применения.

В то же время, с 1 марта 1992 года по 1 августа 1992 года Приднестровская Молдавская Республика стала жертвой беспрецедентной военной агрессии со стороны сопредельного государства – Республики Молдова, сопровождавшейся массовым геноцидом приднестровского народа. Гуманитарный аспект проблематики военной агрессии со стороны Республики Молдова против ПМР 1992 года будет рассмотрен авторами документа ниже. А

пока нам следует отметить, что, грубо нарушив базовые принципы международного права, букву и дух Устава Организации Объединенных наций, Республика Молдова поставила себя в чрезвычайно сложное внеправовое положение и значительно осложнила себе реализацию стратегической задачи налаживания добрососедских отношений с Приднестровской Молдавской Республикой.

Следует отметить, что в развитие вышеуказанных принципов, заложенных в Уставе ООН 1945 года, *21 декабря 1965 года Генеральная Ассамблея ООН на XX сессии приняла чрезвычайно важную резолюцию 2131 (XX)*, содержащую *«Декларацию о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета»*. Данная резолюция была одобрена 109 голосами членов ООН при одном воздержавшемся (Великобритания) и отсутствии голосов «против», что, в конечном счете, позволяет авторам данного документа рассматривать эту Декларацию как аутентичное толкование принципа невмешательства. Впервые в Статье 4 Декларации прозвучало четкое положение о том, что **«применение силы для лишения народов формы их национального существования является нарушением их неотъемлемых прав и принципа невмешательства»**.

«Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций» от 24 октября 1970 года воспроизводит применительно к принципу невмешательства положения оперативной части Декларации о невмешательстве 1965 года с некоторыми редакционными уточнениями. В частности было определено, что **«ни одно государство или группа государств не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела другого государства. Вследствие этого, вооруженное вмешательство и все другие формы вмешательства или всякие угрозы, направленные**

против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных основ, являются нарушением международного права». Кроме того, было отмечено, что «каждое государство имеет неотъемлемое право выбирать свою политическую, экономическую, социальную и культурную систему без вмешательства в какой-либо форме, со стороны какого бы то ни было другого государства».

Нашел свое выражение в данном ключевом международно-правовом документе и принцип неприменения силы и угрозы силой. В частности, **были зафиксированы следующие важные для его раскрытия тезисы:**

- **«Каждое государство в своих международных отношениях обязано воздерживаться от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом не совместимым с целями Организации Объединенных Наций. Такая угроза силой или ее применение являются нарушением международного права и Устава Организации Объединенных Наций; они никогда не должны применяться в качестве средств урегулирования международных вопросов»** *(данное требование-обязательство нарушено Республикой Молдова в ходе военной агрессии 1992 года);*
- **«Агрессивная война является преступлением против мира, которое влечет ответственность по международному праву»** *(данное требование характеризует действия Республики Молдова в ходе военной агрессии 1992 года как преступные и влекущие международно-правовую ответственность);*
- **«В соответствии с целями и принципами Организации Объединенных Наций государства обязаны воздерживаться от пропаганды агрессивных войн»** *(Публичное Обращение президента Республики Молдова М. Снегура к*

народу Молдовы от 28 марта 1992 года и Публичное Заявление от 21 июня 1992 года председателя Парламента Республики Молдова А. Мошану, призвавшие вооруженные силы РМ, подразделения полиции РМ и вооруженных волонтеров вступить на суверенную территорию Приднестровского государства, («пожертвовать собой», «проявить твердость характера») непосредственно вступают в противоречие с данным требованием);

- **«Каждое государство обязано воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью нарушения существующих международных границ другого государства или в качестве средства разрешения международных споров, в том числе территориальных споров и вопросов, касающихся государственных границ»** (требование, неоднократно нарушаемое Республикой Молдова на протяжении многих лет);
- **«Государства обязаны воздерживаться от актов репрессалий, связанных с применением силы»** (Международный общественный трибунал в своем Заявлении от 29 июня 1993 года «О нарушении норм международного права во время вооруженного конфликта в Приднестровье» зафиксировал многочисленные акты репрессалий со стороны вооруженных формирований Республики Молдова, вторгшихся на территорию суверенной Приднестровской Молдавской Республики. Были зафиксированы также грубые и серьезные нарушения Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 года и Дополнительных протоколов к ним 1970 года).
- **«Каждое государство обязано воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишаящих народы, о которых говорится в конкретизации принципов равноправия и самоопределения, их права на самоопределение, свободу и независимость»** (регулярно нарушаемый Республикой Молдова фундаментальный международно-правовой принцип, обосновывающий суверенные права Приднестровского государства).

- **«Каждое государство обязано воздерживаться от организации или поощрения организации иррегулярных сил или вооруженных банд, в том числе наемников, для вторжения на территорию другого государства»** (*правоохранительные органы Молдовы вооружили несколько десятков тысяч иррегулярных боевиков-волонтеров для осуществления акта вооруженной агрессии против суверенной ПМР. Кроме того, Международный Общественный Трибунал 1993 года запротоколировал факт создания вооруженных террористических банд, осуществлявших физическое уничтожение видных государственных и общественных деятелей Приднестровской республики*).
- **«Каждое государство обязано воздерживаться от организации, подстрекательства, оказания помощи или участия в актах гражданской войны или террористических актах в другом государстве или от потворствования организационной деятельности в пределах собственной территории, направленной на совершение таких актов, в том случае, когда акты, упоминаемые в настоящем абзаце, связаны с угрозой силой или ее применением»** (*требование, неоднократно нарушаемое Республикой Молдова на протяжении многих лет*);
- **«Все государства должны на основе общепризнанных принципов и норм международного права добросовестно выполнять свои обязательства в отношении поддержания международного мира и безопасности и стремиться к повышению эффективности, основывающейся на Уставе системы безопасности Организации Объединенных Наций»** (*требование, неоднократно нарушаемое Республикой Молдова на протяжении многих лет*).

Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 года, развивая и конкретизируя международно-правовые принципы невмешательства и отказа от применения силы, вводит в оборот в разделе VI чрез-

вычайно важную новацию – «никакие соображения не могут использоваться для того, чтобы обосновывать обращение к угрозе силой или к ее применению в нарушение этого принципа».

Безусловно, решающим международно-правовым документом, регулирующим и развивающим проблематику принципов невмешательства и отказа от применения силы или угрозы силой, является «Декларация об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях», принятая Резолюцией Резолюция 42/22 Генеральной Ассамблеи ООН 18 ноября 1987 года. Еще раз, подчеркнув необходимость того, чтобы **«все государства воздерживались от любых насильственных действий, лишаящих народы их права на самоопределение, свободу и независимость»**, данная Декларация в Статье 3 четко и однозначно заявляет: «что ничто в настоящей Декларации не может каким-либо образом наносить ущерб вытекающему из Устава праву на самоопределение, свободу и независимость народов, которые насильственно лишены этого права и о которых упоминается в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, особенно народов, находящихся под гнетом колониальных и расистских режимов или под другими формами иностранного господства, а также праву этих народов бороться за достижение этих целей и просить и получать поддержку в соответствии с принципами Устава и согласно вышеупомянутой Декларации».

Итак, именно данная нормативная конструкция вышеуказанных принципов связывает межгосударственные отношения невмешательства и отказа от применения силы с международно-правовой правосубъектностью народов, борющихся за свое самоопределение, свободу и независимость. Именно исходя из данной нормы международного права, авторы документа утверждают о самостоятельной международной правосубъектнос-

ти приднестровского народа, самоопределение которого привело к институализации его суверенного государственного образования Приднестровской Молдавской Республики.

Столь же однозначным, по мнению авторов данного документа, является и **факт вооруженной агрессии Республики Молдова против суверенного государства Приднестровская Молдавская Республика, грубо нарушивший целый ряд основополагающих принципов международного права, таких как: принцип уважения суверенитета, принцип суверенного равенства государств, принцип невмешательства во внутренние дела государств, принцип неприменения силы, принцип самоопределения народов и др.**

Ключевым документом для международно-правового анализа ситуации вокруг событий 1992 года в Приднестровском регионе является *Резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 года «Определение агрессии»*. Преамбула данного документа вновь напомнила об обязанности всех государств разрешать свои международные споры мирными средствами, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость. Кроме того, в той же преамбуле Резолюции вновь подтверждается стратегически важный для Приднестровской Молдавской Республики тезис об **обязанности государств не использовать вооруженную силу в целях лишения народов их права на самоопределение, свободу и независимость или нарушения территориальной неприкосновенности.**

Впервые в международно-правовом документе (Статья 1 данной Резолюции) мы встречаем четкое определение агрессии: **«Агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, не совместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено в настоящем определении»**. И тут же Генеральная

Ассамблея ООН делает важнейшее принципиальное уточнение в отношении возможного толкования используемых понятий. «Пояснительное примечание: **В настоящем определении термин «государство» а) употребляется, не предreshая вопроса о признании или вопроса о том, является ли государство членом Организации Объединенных Наций**». Таким образом, все возможные аргументы сторонников вооруженной агрессии Республики Молдова против Приднестровской Молдавской Республики разбиваются четкой и недвусмысленной международной нормой. Еще раз позволим себе утвердительный тезис о том, что принцип запрета на угрозу силой или ее применение может и должен быть, несомненно, отнесен ко всем стабильным эффективным суверенным государственным образованиям.

Данная Резолюция также устанавливает (Статья 2 данной Резолюции), что **«применение вооруженной силы государством первым в нарушение Устава является prima facie свидетельством акта агрессии»** (*вооруженные подразделения Республики Молдова, действительно, оказались на территории ПМР с очевидным намерением лишить народ Приднестровья права на самоопределение, что явилось грубым нарушением принципов международного права и свидетельством акта вооруженной агрессии*).

Согласно *Статье 3 данной Резолюции*, в качестве акта агрессии квалифицируются такие действия:

«а) вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы территории другого государства или части ее;

б) бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства...

г) засылка государством или от имени государства воору-

женных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам, или его значительное участие в них».

Непреложный факт нападения в 1992 году вооруженных подразделений Республики Молдова на Приднестровскую Молдавскую Республику, несомненно, является основанием для фиксации Республики Молдова в качестве государства-агрессора, грубого нарушителя норм и принципов международного права. Как указывает нам *пункт 1 Статьи 5 данной Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН*, **«Никакие соображения любого характера, будь то политического, экономического, военного или иного характера, не могут служить оправданием агрессии»**. И, наконец, приведем полностью Статью 7 данной Резолюции: **«ничто в настоящем определении, и, в частности, в статье 3, не может каким-либо образом наносить ущерба вытекающему из Устава праву на самоопределение, свободу и независимость народов, которые насильственно лишены этого права и о которых упоминается в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, в частности народов, находящихся под господством колониальных и расистских режимов или под другими формами иностранного господства, а также праву этих народов бороться с этой целью и испрашивать и получать поддержку в соответствии с принципами Устава и согласно вышеупомянутой Декларации»**.

Агрессия Республики Молдова против Приднестровской Молдавской Республики 1992 года, безусловно, создала новую правовую реальность, в рамках которой молодое Приднестровское государство вынуждено было воспользоваться своим неотъемлемым международно-правовым правом на самооборону. Данное право «индивидуальной и коллективной самообороны»

предусматривается *Статьей 51 Устава ООН* и процедурой, установленной в *Главе VII Устава ООН*. В случае вооруженного нападения государство, подвергшееся агрессии, вправе применить силу в целях законной самообороны. Формулировка «неотъемлемое» право указывает на то, что право на самооборону является нормой обычного права, в частности, зафиксированная в ряде решений Международного суда ООН, и, таким образом, применяется ко всем государствам, членство которых в ООН не является определяющим, согласно вышеприведенному документу ООН «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 года. Самооборона должна быть направлена на прекращение вооруженного нападения, восстановление status quo, предотвращение будущих нападений и должна прекратиться с прекращением вооруженного нападения.

Именно факт вооруженной агрессии и, как следствие, возникшее право ПМР на самооборону окончательно вывели фиксацию ситуации вокруг Приднестровского конфликта на международно-правовой уровень. **21 июля 1992 года** Российская Федерация, уполномоченная представлять интересы ПМР в переговорном процессе, и Республика Молдова подписывают международно-правовой документ *«Соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова»*. А начиная с совместного *Заявления руководителей Молдовы и Приднестровья от 28 апреля 1994 года*, которое было подписано президентами Молдовы М. Снегуром и Президентом ПМР И. Смирновым, а также завизировано официальным представителем Миссии СБСЕ Р.С. Самюэлем и Полномочным представителем президента Российской Федерации Чрезвычайным и полномочным послом В. Васевым, Приднестровская Молдавская Республика **окончательно получила свою собственную международно-договорную правосубъектность** и все международные соглашения с этого времени подписывают исключительно ее собственные уполномоченные официальные лица.

Авторы данного документа вынуждены констатировать, что гипертрофия силы – в ущерб повсеместно попираемому праву – превратилась в зловещего спутника современных международных процессов. **В этих условиях особую важность приобретает целенаправленный возврат к международно-правовым принципам невмешательства и неприменения силы при решении конфликтов между государствами. Совершенно очевидно, что полноценное введение Приднестровского государства в международную орбиту Организации Объединенных наций и Европейского сообщества могло бы стать ключевой гарантией невозобновления военного конфликта в этом регионе Европы, благоприятно воздействовало бы на всю архитектуру Европейской безопасности, способствовало бы возвращению ситуации в русло базовых принципов международного права и уважения общеевропейских стандартов прав человека.**

Глава 3

Принцип самоопределения народов – онтологическая база и ключевая юридическая гарантия независимости Приднестровья

Данная глава документа, безусловно, не может быть написана с позиций голого юридического объективизма. Вопиющее нарушение данного принципа международного права в отношении Приднестровской республики имеет много измерений, среди которых преобладают, в силу ряда причин, морально-этические императивы. Категории «порядочности», «чистоплотности», «справедливости» и «совести», понимаются, не формируют каких-либо отдельных юридических конструкций, однако морально-этический аспект международно-правового принципа самоопределения в контексте суверенных прав приднестровского народа для авторов данного документа является определяющим.

В истории права вообще и международного права в частности мы очень часто сталкиваемся с ситуациями, когда провозглашается некий исходный общий принцип, о логических следствиях которого и необходимости подчиняться ему и вытекающим из него следствиям, подчас, глубоко и всерьез не думают. И, тем не менее, через некоторое время оказывается, что этот принцип, если он выражает реальные базовые ценности современного ему мира, если он соответствует потребностям развития человечества, оказывается вполне реальной, а подчас и решающей силой. Вероятно, великий Уинстон Черчилль также не думал, что провозглашение им права на самоопределение будет означать, в самом скором времени, ликвидацию Британской империи, как советские руководители, в свою очередь, не думали, что фиктивным правом на отделение, зафиксированным в Конституции СССР, кто-нибудь и когда-нибудь воспользуется. Но принципы, которые в момент провозглашения казались скорее риторикой, на деле оказались силой значительно большей, чем даже сила великих империй.

Право наций и народов самим решать свою судьбу уже вполне ясно изложено в *Декларации независимости США 1776 года* и во французской *Декларации прав человека и гражданина 1789 года*. вполне очевидно уже в этих первичных документах прослеживается мысль о **неразрывном взаимодействии принципа суверенитета нации с принципом ее самоопределения как непосредственного проявления ее суверенной воли**. Передавая суверенитет народу (нации), то есть, провозглашая народ (нацию), а не монарха источником власти, великие революции XVII–XIX веков справедливо решали задачу идеологического и теоретического обоснования своей практической деятельности, противоправной с точки зрения действовавших тогда законов абсолютизма. Источником законов был, в конечном счете, монарх как носитель суверенитета, но если лишить монарха суверенитета, то делегитимизируется и монархическое законодательство. **Суверенитет нации, таким образом, есть право народа самостоятельно выбирать то или иное общественное устройство.**

Итак, возникнув исторически как характеристика государства, категория «суверенитет» достаточно скоро пополнилась новой, не менее глубокой и ценной, разновидностью – **народным суверенитетом**, а стремительный рост национального самосознания во второй половине XVIII века заставил задуматься ведущих теоретиков конституционализма и о **национальном суверенитете**. Тут следует отметить, что **народ** отличается от обычной совокупности людей тем, что становится общностью. Ключевыми моментами для самоидентификации народа является не только проживание людей на определенной территории, но и внутреннее сознание своего духовного и культурного родства. Именно на первичных этапах народной самоидентификации появляется не только восприятие общественных проблем как своих, но и потребность принять участие в их решении. В результате стремления людей сообща управлять своей жизнью рождается самоопределение (самоуправление), являющееся сутью так называемой «власти народа». Право на самоопределение, таким образом, сле-

дует понимать, прежде всего, как **право на самоорганизацию соответствующих общностей людей на их самоуправление своими внутренними делами, своей жизнью.**

Авторы данного документа считают чрезвычайно важным пресечь разнообразные варианты эквилибристики понятиями «нация» и «народ», часто используемой противниками государственного самоопределения народа Приднестровья. Периодически, в обход здравого смысла и формальной логики, они то пытаются доказать, что многонациональный народ Приднестровья не является единой нацией, а потому, дескать, не имеет право на самоопределение, то, вспоминая четкие формулировки международно-правовых документов о «праве народов на самоопределение», пытаются вообще отказать приднестровскому народу в праве быть народом как таковым.

Под этой лингвистической путаницей «нация»/«народ» лежит восходящее опять-таки к эпохе великих революций XVIII века представление о неразрывной связи категория «нация» с государственным строительством. Борьба с европейскими монархиями была одновременной борьбой за национальные государства. В результате, как в Западной Европе, так и в США сложилось представление о **нации как о народе, организовавшем государство на своей территории** (или, в крайнем случае, неизбежно организующем такое государство в будущем). Представление о внутренней связи нации и государства без труда обнаруживается у любого классика политической мысли того времени. Возникает формула «одна нация – одно государство».

Собственно, если заглянуть в современную справочную литературу, то мы обнаружим унаследованную от Американской и Великой Французской революций характеристику нации как совокупности граждан какого-либо государства вне зависимости от их этнического происхождения. Тут часто используется синонимичная категория “политическая нация”. Поскольку в XVII-XIX веках возникновение таких наций было сопряжено именно с возникновением национальных государств (то есть мононациональных,

часто за счет поглощения малых народов большими достаточно мало кто сегодня во Франции институционально помнит об авиньяках или нормандцах), то как раз тут мы и видим очевидный пример совпадения нации с народом.

Аналогично обстояло дело и во Франции. Французская революция, которая ввела в употребление в качестве политического термина конструкцию «французская нация», смело чередовала слова «nation» и «peuple», отдавая, впрочем, приоритет словосочетанию «le peuple français». Американцы до сих пор пишут «французская нация» исключительно как «the French people». В состав единой «французской нации» включалось, естественно, все население Франции, которому революция предоставила равные права, независимо от происхождения и вероисповедания. В состав «французской нации» оказались включены и баски, и бретонцы, и корсиканцы. Проблемы, с которыми республиканские власти столкнулись в Вандее или на Корсике, были, помимо прочего, связаны с тем, что само население Бретани и Корсики себя «французской нацией» поначалу абсолютно не считало. Одной из основных задач французской революции в этой связи стала задача слома региональной этнической самоидентификации.

Таким образом, по мнению авторов данного документа, **лексическое совпадение категорий «приднестровский народ» и «приднестровская нация» после формирования суверенной Приднестровской Молдавской Республики является научным и неоспоримым фактом, обусловленным самим ходом исторического развития.**

А в контексте проблематики самоидентификации проживающих на территории ПМР жителей можно указать на результаты социологического опроса, проведенного Центром социальных и политических исследований «Перспектива», которые показали, что абсолютное большинство опрошенных жителей (77%) отождествили себя именно как **приднестровский народ**. Эта самоидентификация населения Приднестровской Молдавской Республики – весомый аргумент в пользу того, что именно **приднестровский**

народ, как суверен, вправе воспользоваться своим правом на самостоятельное учреждение своего политического статуса в форме независимого суверенного государства.

Конституция Приднестровской Молдавской Республики, принятая на всенародном референдуме 24 декабря 1995 года, в своей Преамбуле четко фиксирует категорию **«многонациональный народ Приднестровской Молдавской Республики»** в качестве конституционно-правовой категории, а Статья 1 Конституции ПМР фиксирует данный народ в качестве единственного **«носителя суверенитета и единственного источника власти»**.

Следует отметить, что понятие «самоопределение народов» широко распространилось в политическом и международно-правовом дискурсе во время первой мировой войны (1914-1918 гг.). Оно связано, в первую очередь, с именем Президента США Вудро Вильсона, активно отстаивавшего право народов на самоопределение в тесной взаимосвязи с западными либерально-демократическими ценностями и возникшими на Европейском континенте национально-освободительными движениями. Еще в разгар первой мировой войны он заявил, что «никто не правомочен осуществлять передачу народов от одного государства к другому, как будто бы они являются чей-то собственностью». 8 января 1918 года Президент Вудро Вильсон изложил Конгрессу США свое понимание принципа самоопределения народов и предложил пути политического переустройства послевоенной Европы. При этом он рассматривал принцип самоопределения народов в качестве **«императивной и руководящей нормы, которую государственные деятели отныне могут игнорировать только с риском для себя»**. Также тут следует указать на его знаменитое высказывание о том, что **«ни один народ не должен быть удерживаем силой в государстве, где он не хочет жить»**.

Заметьте, что именно в этом контексте большинство государств мира приобрело государственный суверенитет в течение последних пятидесяти лет и именно этот принцип «самоопределения народов» лежит в основе многих современных миро-

политических реалий. В частности, он является единственным правовым основанием сегодняшней независимости бывших республик Советского Союза, так как их право выхода из состава федерации базировалось именно на данном принципе. Принцип права народов на самоопределение явился для ООН достаточным основанием также для того, чтобы объявить систему апартеида в Южной Африке вне закона. Получение независимости бывшими югославскими республиками (Словения, Хорватия, Македония) стало возможным только благодаря тому, что международное сообщество также признало за народами данных государств право на самоопределение. Очевидно, что современные государства, обязанные своим рождением этому принципу, не могут отказаться от уважения к нему, не вставая на путь международно-правового нигилизма – путь, на котором их аргументы в пользу незыблемости их «территориальной целостности» становятся весьма двусмысленными, если не сказать, – откровенно сомнительными. Проблематика приднестровского конфликта нам наглядно подтверждает данный тезис.

При принятии тех или иных решений, связанных с реализацией права на самоопределение, структурно организованное международное сообщество уже на протяжении столетия постоянно сталкивается с вопросом: кому оно должно принадлежать, то есть с вопросом **определения надлежащего субъекта права на самоопределение**. Ученые, общественные и политические деятели, дипломаты приложили немало усилий для того, чтобы разобраться в этом вопросе и установить некие общие рамки и алгоритмы анализа и разрешения данной проблемы.

Еще на заре антиколониальных революций XX века было предложено следующее определение: **«Субъектом права на самоопределение являются народы, нации и народности, а также народы, состоящие из нескольких наций, народностей или национальных групп, имеющие общую территорию, одну или несколько других общностей (историческую, культурную, языковую, религиозную и т.п.) и объединенные общностью**

цели, которую они хотят достичь посредством самоопределения». Эта дефиниция была подтверждена практикой и подводила известную правовую базу под международное регулирование длительного процесса деколонизации. Однако четкое международно-правовое закрепление было еще впереди. Каким же образом оно закрепляло данный принцип?

Обратимся к фиксации принципа самоопределения в ключевых международно-правовых документах. В пункте 2 Статьи 1 Устава Организации Объединенных наций 1945 года подчеркивается стремление **«развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов»**. Как видим, в данной формулировке упоминаются не только «народы», но и «нации», однако принцип самоопределения фиксируется, исходя из данной формулировки, **именно за народами**. Тут, разумеется, возникает вопрос: «А как же традиционный принцип «права наций на самоопределение, вплоть до отделения»? По нашему мнению, ответ очевиден. **Исходя из трех основных традиций использования лексической категории «нация» мы получаем нижеследующее.**

1. **Нация, традиционно употребляемая в качестве синонима категории «народ, организованный в государство» («политическая нация»)**, соответственно, полностью приравнивается в своей правосубъектности к категории «народ», как единственный субъект реализации международно-правового принципа самоопределения.
2. **Нация, употребляемая тут в качестве синонима категории «этнос»**, действительно, может быть субъектом права на самоопределение в том случае, когда она одна проживает на самоопределяющейся территории, то есть, когда по своему субъектному составу она фактически совпадает с категорией «народ». Если же на этой территории проживают и другие этносы (нации), то правом на самоопределе-

ние наряду с ней обладают и они, а субъектом этого права является все население данной территории (народ), то есть, используя древнегреческие термины, «демос, а не этнос».

3. **Нация, употребляемая тут в качестве синонима слова «государство»,** разумеется, в принципе, не может рассматриваться в качестве субъекта права на самоопределение, так как государство само по себе уже является результатом реализации данного принципа.

Свое дальнейшее развитие международно-правовой принцип права народов на самоопределение получил в *Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам*, принятой *Резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1960 года*. В Преамбуле данного документа указывается, что Генеральная ассамблея ООН принимает данный документ **«сознавая необходимость создания условий устойчивости и благосостояния и мирных и дружественных отношений на основе уважения принципов равноправия и самоопределения всех народов и всеобщего уважения и соблюдения прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии,**

признавая горячее стремление всех зависимых народов к свободе и решающую роль этих народов в достижении своей независимости,

зная об усилении конфликтов, вызываемых отказом в свободе или созданием препятствий на пути к свободе таких народов, что представляет собой серьезную угрозу всеобщему миру...».

Последний аргумент звучит чрезвычайно современно и сейчас, и не только в контексте Приднестровского вооруженного конфликта 1992 года. Еще в 90-е годы XX столетия ведущие международные социологи и конфликтологи показали, что после ликвидации политической системы колониализма, распада Со-

ветского Союза и Югославии число межгосударственных войн сократилось, а число гражданских войн и внутригосударственных конфликтов значительно увеличилось. За 1917–1984 годы в Европе произошли две межгосударственные войны и двенадцать гражданских, то есть внутригосударственных. Как видим, в шесть раз больше. А что говорить о современной ситуации в Восточной Европе, где с начала 90-х годов была отмечена целая волна кровопролитных гражданских войн.

Представляется, что указанная неблагоприятная тенденция в мировом развитии может продолжиться. Этому, в частности, по мнению авторов документа, содействуют следующие факторы:

— переход от биполярного мира, в котором одна сверхдержава со своими союзниками угрозой «взаимно гарантированного уничтожения» сдерживала агрессивные устремления другой сверхдержавы с ее союзниками, к многополярному миру ослабляет или вообще устраняет указанный сдерживающий фактор;

— задачи антиколониальных революций, зафиксированные в свое время, в том числе и в рассматриваемой нами *Резолюции 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1960 года*, оказались до конца не решенными. С одной стороны, мы видим, что абсолютное большинство новых самоопределившихся государств не получили ни экономической независимости, ни условий для развития, ни желанных их народом общественно-экономических систем. А с другой стороны, мировое и европейское сообщества оказались не готовыми дать адекватный международно-правовой ответ на очередной вызов времени – распад СССР и Югославии в контексте демократического права на самоопределение всех народов, их населяющих;

— возникновение на обломках колониальных режимов свыше ста новых государств не решило и многих других их политических задач. Речь тут может идти о целесообразном межнациональном размежевании, преодолении межэтнических антагонизмов, устойчивых и справедливых границах, благоприятных условиях для развития национальных языков и культур и др.;

— права человека в большинстве стран остаются незащищенными. Смертность превышает рождаемость, продолжительность жизни сокращается, жизнь не защищена.

Однако, безусловно, наиболее важным фактором постоянной региональной напряженности и фактором угрозы войны остается, словами анализируемого документа, «отказ в свободе или создание препятствий на пути к свободе ... народов, что представляет собой серьезную угрозу всеобщему миру». Именно безответственная имперская антидемократическая политика отказа от принципа самоопределения народов и является основным источником гражданских войн и вооруженных конфликтов, которые часто продолжают цинично именоваться «внутренними».

Преамбула *Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам* также приветствует и учитывает «стремление к свободе, проявляющееся все с большей силой в тех территориях, которые еще не достигли независимости, исходя из убеждения, что все народы имеют неотъемлемое право на полную свободу, осуществление своего суверенитета и целостность их национальной территории» и «торжественно провозглашает необходимость незамедлительно и безоговорочно положить конец колониализму во всех его формах и проявлениях». Данные справедливые стремления Декларации становятся базовыми для ее резолютивной части, где впервые в международно-правовом документе развернуто презентуется принцип самоопределения:

« 1. Подчинение народов иностранному игу и господству и их эксплуатация являются отрицанием основных прав человека, противоречат Уставу Организации Объединенных Наций и препятствуют развитию сотрудничества и установлению мира во всем мире.

2. Все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие.

3. Недостаточная политическая, экономическая и социальная подготовленность или недостаточная подготовленность в области образования никогда не должны использоваться как предлог для задержки достижения независимости.

4. Любые военные действия или репрессивные меры какого бы то ни было характера, направленные против зависимых народов, должны быть прекращены, с тем чтобы предоставить им возможность осуществить в условиях мира и свободы свое право на полную независимость, а целостность их национальных территорий должна уважаться.

5. В подопечных и самоуправляющихся территориях, а также во всех других территориях, еще не достигших независимости, должны быть незамедлительно приняты меры для передачи всей власти народам этих территорий, в соответствии со свободно выраженной ими волей и желанием, без каких бы то ни было условий или оговорок и независимо от расы, религии или цвета кожи, с тем чтобы предоставить им возможность пользоваться полной независимостью и свободой».

Понимая необходимость и важность экономической основы самоопределения зависимых народов, уже *14 декабря 1962 года Генеральная Ассамблея ООН принимает Резолюцию 1803 (XVII) «Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами»* в которой фиксирует, что **«право народов и нации на неотъемлемый суверенитет над их естественными богатствами и ресурсами должно осуществляться в интересах их национального развития и благосостояния населения соответствующих государств».**

Итак, радикальное утверждение права на равенство и самоопределение народов происходит в 1960 году с принятием Генеральной Ассамблеей ООН обозначенной выше резолюции о предоставлении независимости колониальным народам. Резолюция зафиксировала как эволюцию колониальных народов, их возросшее самосознание, усвоение ими базовых современных ценнос-

тей, не позволявших мириться с колониальным положением, так и колоссальную морально-правовую эволюцию, произошедшую в самих государствах-колонизаторах, отказ развитых обществ от самых фундаментальных традиционных представлений о ценностях и о самом смысле существования государств.

Но переход от признания права на независимость колоний до признания абсолютности международного права на независимость вообще всех народов (не просто как декларативно провозглашенного принципа, но как реально действующего права, предполагающего процедуру и условия его реализации) – чрезвычайно трудный, но необходимый следующий шаг, который не сделан и до сих пор.

Трудность его связана с тем, что если освобождение колоний в 50 – 60-е годы XX века не только соответствовало новому уровню правосознания в развитых обществах, но и поддерживалось так называемым “советским блоком” и всеми, уже независимыми странами “третьего мира”, то **современное признание права на независимость вообще за всеми народами мира реально будет встречено в штыки основными геополитическими игроками.** А ведь это, не более и не менее, просто требование четкого выполнения норм международного права. Именно поэтому, авторы данного документа в деле обоснования справедливого и демократического характера Приднестровской республики, основанной на принципе самоопределения ее народа, апеллируют, прежде всего, не к ведущим мировым доминантам, а к структурам международной и европейской общественности.

Принятые общей *Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 года «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах»* и *«Международный пакт о гражданских и политических правах»* в своих тождественных Статьях 1 Части 1 **подтверждают принцип самоопределения:**

«1. Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический

статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие.

2. Все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами без ущерба для каких-либо обязательств, вытекающих из международного экономического сотрудничества, основанного на принципе взаимной выгоды, и из международного права. Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования.

3. Все участвующие в настоящем Пакте государства... должны, в соответствии с положениями Устава Организации Объединенных Наций, поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право».

И вновь, как видим, нормы международного права устанавливают корреспондирующую права на самоопределение обязанность поощрения реализации этого права и обязанность его уважения. Тут еще раз подчеркнем, что современное нормативное содержание самоопределения включает в себя как права народов, так и соответствующие им обязанности государств. Приднестровский конфликт наглядно нам демонстрирует грубое нарушение данной международно-правовой обязанности уважения и поощрения права на самоопределение со стороны Республики Молдова, выражающееся как в акте открытой вооруженной агрессии 1992 года, так и в многочисленных актах экономического шантажа и блокады суверенной самоопределившейся Приднестровской Молдавской Республики.

Безусловно, решающим вкладом в дело международно-правовой регламентации принципа самоопределения народов явилось принятие *24 октября 1970 года «Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций»*. Приведем здесь полностью блок документа, посвященный принципу равноправия и самоопределения народов:

Принцип равноправия и самоопределения народов

В силу принципа равноправия и самоопределения народов, закрепленного в Уставе, все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава.

Каждое государство обязано содействовать с помощью совместных и самостоятельных действий осуществлению принципа равноправия и самоопределения народов в соответствии с положениями Устава и оказывать помощь Организации Объединенных Наций в выполнении обязанностей, возложенных на нее Уставом в отношении осуществления данного принципа, с тем чтобы:

а) способствовать дружественным отношениям и сотрудничеству между государствами; и

б) незамедлительно положить конец колониализму, проявляя должное уважение к свободно выраженной воле заинтересованных народов, а также имея в виду, что подчинение народов иностранному игу, господству и эксплуатации является нарушением настоящего принципа, равно как и отказом в основных правах человека, и противоречит Уставу Организации Объединенных Наций.

Каждое государство обязано содействовать путем совместных и самостоятельных действий всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод в соответствии с Уставом.

Создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединению с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются способами осуществления этим народом права на самоопределение.

Каждое государство обязано воздерживаться от любых насильственных действий, лишающих народы, о которых говорится выше, в конкретизации настоящего принципа, их права на самоопределение, свободу и независимость. В своих действиях против таких насильственных мер и в сопротивлении им эти народы, добиваясь осуществления своего права на самоопределение, вправе испрашивать и получать поддержку в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций.

Территория колонии или другая самоуправляющаяся территория имеет согласно Уставу Организации Объединенных Наций статус, отдельный и отличный от статуса территории государства, управляющего ею; такой отдельный и отличный согласно Уставу статус будет существовать до тех пор, пока народ данной колонии или самоуправляющейся территории не осуществит свое право на самоопределение в соответствии с Уставом и в особенности с его целями и принципами.

Ничто в приведенных выше абзацах не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше; и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи.

Каждое государство должно воздерживаться от любых действий, направленных на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства или страны».

По мнению авторов данного документа, чрезвычайно важным представляется отметить тот факт, что в двух обозначенных выше конвенциях ООН 1966 года и «Декларации о принципах международного права» 1970 года говорится о **праве на самоопределение всех народов, без ограничения его колониальными народами**. Этот же принцип подтверждается решениями Международного Суда по Намибии и Западной Сахаре. Это, безусловно, значительный шаг вперед, но отсюда до реального применения этого декларируемого принципа к неколониальным народам – едва ли не так же далеко, как далеко было от провозглашения правового равенства всех людей при создании США до реального обеспечения прав черных американцев.

Однако четкая нормативно-правовая фиксация возможности **«создания суверенного и независимого государства»** в качестве «способа реализации» принципа самоопределения народа, равно как и нормативно-правовая фиксация обязанности государств **«воздерживаться от любых насильственных действий, лишаящих народы их права на самоопределение, свободу и независимость»** создали раз и навсегда прочнейший демократический фундамент международно-правовой регламентации принципа равенства и самоопределения народов.

Очередное подтверждение на Европейском континенте данный принцип получает в *Заключительном акте Сессии по безопасности и сотрудничеству в Европе 1 августа 1975 года*. В разделе VIII данного документа вновь утверждается о том, что правом на самоопределение пользуются **абсолютно все народы**. Приведем полный объем данного текста:

«VIII. Равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой

Государства-участники будут уважать равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой, действуя постоянно в соответствии с целями и принципами Устава ООН и соответствующими нормами международного права, включая те, которые относятся к территориальной целостности государств.

Исходя из принципа равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие.

Государства-участники подтверждают всеобщее значение уважения и эффективного осуществления равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой для развития дружественных отношений между ними, как и между всеми государствами; они напоминают также о важности исключения любой формы нарушения этого принципа».

Как видим, данный фундаментальный европейский документ вместо традиционной категории «самоопределение» впервые активно вводит в международно-правовой оборот ее фактическую расшифровку – «право народов распоряжаться своей судьбой».

Последним хронологически международно-правовым документом, фиксирующим принцип самоопределения и равенства народов, является *Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы, принятая Резолюцией 53/144 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1998 года*. Декларация фиксирует, что массовые, грубые и систематические нарушения прав и свобод человека являются **«результатом отказа признать право народов на самоопределение и право каждого народа на осуществление полного суверенитета над своими богатствами и природными ресурсами».**

Авторы данного документа, как уже говорилось выше, настаивают на взаимозависимости и взаимообусловленности международно-правовых принципов. Не эквилибристика принципами, а их гармонизация; не перетягивание канатов между ними, а их тотальная универсальность и общеобязательность!

Очевидно, что без строгого уважения и соблюдения принципа самоопределения народов невозможно выполнить многие жизненно важные задачи, стоящие перед ООН, например, задачу реализации другого принципа международного права – **содействие всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии**. Без строгого соблюдения принципа самоопределения невозможно также поддержание уже упоминавшегося принципа мирного **сосуществования между государствами**. В связи с этим, еще раз обратим внимание, что каждое государство в соответствии с выше упоминавшейся *Декларацией 1970 года* обязано воздерживаться **от любых насильственных действий, которые могли бы помешать народам осуществлять их право на самоопределение**.

Не только на примере приднестровского народа, но и на десятках других примеров, мы наглядно видим подтверждение того, непреложного с точки зрения международного права, тезиса, что если народ создает орган, который его официально представляет и выполняет публично-правовые функции, то всякие насильственные действия, препятствующие извне процессу самоопределения, могут и должны рассматриваться как нарушающие принципы невмешательства и суверенного равенства государств.

Еще в 1989 году в условиях начавшегося процесса дезинтеграции и распада Советского Союза, приднестровский народ начал формировать свои собственные представительные органы, возглавившие народное движение к самоопределению. Так, летом 1989 года был создан **Объединенный Совет Трудовых Коллективов (ОСТК)**, объединивший подавляющее большинство трудовых коллективов Приднестровского региона. 2 июня 1990 года в селе Парканы прошел **I съезд депутатов Приднестровья всех уровней**, взявший курс на построение собственного демократического суверенного государства. **II чрезвычайный съезд депутатов всех**

уровней Приднестровья 2 сентября 1990 года провозгласил образование Приднестровского государства. Демократически избранный Верховный Совет (парламент) Приднестровья стал ведущим органом народного представительства, консолидировавший приднестровский народ, в качестве полноценного субъекта своего самоопределения и формирования суверенной государственности.

Очевидно также, что право народов и наций на самоопределение теснейшим образом связано со свободой их политического выбора. Самоопределение означает право народов выбирать такой путь развития и такой политический выбор, которые в наибольшей степени соответствуют их историческим, географическим, культурным, религиозным и т.п. традициям и представлениям. Самоопределившиеся народы свободно выбирают не только свой внутривнутриполитический статус, но и свою внешнеполитическую ориентацию. Уважение свободы политического выбора, безусловно, должно становиться фундаментом сотрудничества, а не соперничества и противоборства. Приднестровский народ динамично формирует свою внешнеполитическую ориентацию. **И если ранее данная ориентация была одновекторной, то есть ориентацией исключительно на Восток, исходя из традиционно сильных экономических и культурных связей Приднестровья с Российской Федерацией и Украиной, то в последнее время суверенная приднестровская государственность все отчетливее поворачивает свой внешнеполитический курс в сторону Запада, то есть в сторону интеграции с европейским сообществом, в сторону вхождения Приднестровья в единый демократический европейский дом.**

Как известно, борющиеся за свое самоопределение народы и нации также являются первичными субъектами международного права, как и государства. Но, тут следует указать, что правосубъектность борющихся за свое самоопределение народов или наций, имеет специфику, отличающую такую международную правосубъектность от международной правосубъектности госу-

дарств. Любой народ, в том числе и приднестровский, в процессе борьбы за создание независимого государства способен участвовать в международных отношениях лишь по «вопросам, касающимся реализации права на самоопределение».

Правосубъектность борющегося народа или нации включает в себя комплекс следующих основных прав:

1. право на самостоятельное волеизъявление;
2. право на международно-правовую защиту и помощь со стороны других субъектов международного права;
3. право на участие в международных организациях и конференциях;
4. право участвовать в создании норм международного права и самостоятельно выполнять принятые на себя международные обязательства.

Итак, в связи с этим, самоопределяющийся народ имеет право заключать с государствами, международными организациями, с другими реализующими свой национальный суверенитет народами международные договоры, присоединяться к многосторонним международным соглашениям.

Правомерно ли международное и европейское сообщество грубо проигнорировало и продолжает игнорировать международную правосубъектность приднестровского народа? С точки зрения базовых принципов международного права, данное игнорирование, очевидно, неправомерно и подлежит в самом скором времени своей трансформации.

Народы, борющиеся за создание своего собственного независимого государства, объективно, как нами было показано выше, находятся под защитой международного права; они объективно могут применять меры принуждения в отношении тех сил, которые препятствуют обретению народом полной международной правосубъектности и оформлению в государство. События, связанные с отражением военной агрессии Республики Молдова против самоопределяющегося Приднестровья в 1992 году, как раз нам наглядно продемонстрировали решительность и

принципиальность приднестровского народа в деле защиты своего права на самоопределение. Но применение принуждения — не единственное и, в принципе, не главное проявление международной правосубъектности борющихся народов и наций. Субъектом международного права может быть признан только тот народ или нация, которые имеют свою политическую организацию, самостоятельно осуществляющую квазигосударственные функции. Иначе говоря, они должны иметь определенную догосударственную форму своей организации.

В Приднестровье догосударственные формы народной самоорганизации получили свое развитие в чрезвычайно разнообразных и интересных формах. По мнению авторов данного документа, приднестровцы на протяжении первой фазы борьбы за свое самоопределение показали целый ряд самобытных и ярких форм прямой непосредственной инициативной демократии. Чрезвычайно важную роль на протяжении 1989-1992 годов играли такие структуры народной самоорганизации, как **сходы жителей сел Приднестровского региона**. В инициативном демократическом порядке на этих сходах избирались Председатели сельских Советов и принимались основополагающие политические решения, определяющие будущее данных сел в составе суверенной Приднестровской республики. Уже упоминавшийся выше **Объединенный Совет Трудовых Коллективов (ОСТК)** продемонстрировал яркие примеры рабочего самоуправления, которое сыграло очень важную роль в деле самоопределения народа данного промышленного региона. Приднестровские рабочие впервые на территории распадавшегося Советского Союза наглядно показали, что готовы выйти из многолетней тоталитарной спячки и решительно взять судьбу своего самоопределяющегося народа в собственные руки. **Съезды депутатов Приднестровского региона всех уровней** также являются феноменальными формами политико-правового представительства самоопределяющегося народа. Данные форумы занимают свое специфическое место в системе догосударственного управления Приднестровским регио-

ном, находясь между парламентской формой демократии и формой прямой непосредственной демократии.

Ниже мы еще будем говорить о международно-договорной правосубъектности приднестровского народа, а пока отметим наш ключевой тезис этого блока документа – **правосубъектность борющихся народов; как и правосубъектность государств, носит объективный характер, т.е. существует независимо от чьей-либо дружественной или недружественной воли. Отсюда и суверенитет борющегося народа характеризуется тем, что он не зависит от признания его субъектом международного права со стороны других государств; права борющегося народа охраняются международным правом; народ от своего имени вправе применять принудительные меры против нарушителей его суверенитета.**

По мнению авторов данного документа, фиксация сразу двух первичных носителей международной правосубъектности – **приднестровского народа, как борющегося за свое самоопределение народа, и Приднестровского государства, как государства, явившегося результатом народного самоопределения,** позволяет вывести проблематику ПМР на прочный фундамент норм международного права. Именно данный фундамент рассматривается нами как необходимое условие обретения полной международной правосубъектности молодой Приднестровской республикой.

Глава 4

Принцип самоопределения народов и принцип территориальной целостности государств: конфликт или гармония? (Приднестровский срез проблемы)

Рассматриваемый нами принцип самоопределения народов является частью единой международной правовой системы, а система поэтому и является системой, что все части ее взаимосвязаны и вырывать из нее один ее элемент без учета других – значит нарушать всю систему в целом. Это для авторов данного документа является очевидным. Взаимный учет интересов достигается путем регулирования указанного процесса на основе не только принципа самоопределения, но и других фундаментальных принципов международного права, и, прежде всего, такого принципа, как **принцип территориальной целостности государств**.

Именно этот принцип, в силу целого ряда причин, оказался главным и, пожалуй, единственным аргументом в руках противников самоопределения народа Приднестровья. Мы уже говорили выше о том, что в рамках нашего документа мы максимально абстрагируемся от неправовых аргументов и неправовых факторов объективно сложившейся ситуации вокруг Приднестровского конфликта. С одной стороны, мы прекрасно понимаем неюридическую проблематику ситуации вокруг независимости Приднестровской Молдавской Республики, а с другой стороны, абсолютно искренне считаем, что государственная суверенность Приднестровья может и должна быть обоснована только правовым образом. Мы считаем, что система принципов и норм международного права нам вполне позволяет это сделать. И если это будет сделано, то все иные аспекты конфликта и препятствования обретению ПМР своей полной международной правосубъектности будут лежать вне поля международного права, а тому будут являться исключительно неправовыми, то есть ничтожными

и грубо нарушающими международно-правовой режим. Именно в этой связи нам необходимо самым серьезным образом рассмотреть вопрос об одновременном действии в международно-правовой системе принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств (к последнему принципу примыкает факультативный по отношению к нему принцип нерушимости границ).

Большое число юристов-международников фиксирует конфликтность ситуации вокруг одновременного действия данных принципов. Они часто задаются вопросом: **каким образом возникнет новое государство в результате народного самоопределения, если принцип территориальной целостности будет соблюдаться? И нет ли здесь противоречия?** Ответ на эти вопросы не может быть поверхностным и скороспелым. Тут необходим серьезный анализ как международно-правовой нормативной базы, так и самой международной правоприменительной практики.

Международная правоприменительная практика, на первый взгляд, 1) фиксирует данную конфликтность и 2) отдает явное предпочтение принципу народного самоопределения, то есть в некоем, потенциально возможном, конфликте между принципом нерушимости границ и принципом права народов и наций на самоопределение последний берет верх над первым.

Действительно, территориальная целостность государств и нерушимость границ в Европе была гарантирована и Ялтинскими, и Хельсинкскими соглашениями. Ну, и где сегодня ГДР, Югославия, СССР, Чехословакия, чьи подписи стоят под *Хельсинкским соглашением 1975 года*, которое вроде бы достаточно четко и однозначно зафиксировало подписями 35 государств «нерушимость» их границ? На их месте закономерно возникли новые самоопределившиеся государства. А демократическое самоопределение населения ГДР привело к ликвидации собственного государства и объединение в единую суверенную Гер-

манию. Несмотря на то, что в 1975 году ряд стран, участников Хельсинкского соглашения, впервые в своей истории, исходя из принципа территориальной целостности, признали юрисдикцию СССР над Эстонией, Литвой и Латвией, чего они избегали делать в предшествующие десятилетия, принцип самоопределения и тут взял верх. Прошло немногим более 15 лет и данные страны обрели свою суверенную независимость, воспользовавшись международно-правовым принципом самоопределения. С учетом антиколониальной волны самоопределений борющихся наций в 50-60 годах XX века возникает предположение о полном торжестве принципа самоопределения народов.

Однако, наряду с этим, есть и другие образцы международной правоприменительной практики. Так, например, ни одно ведущее европейское государство в XX веке не позволило применить к себе принцип самоопределения народа, который, по мнению ряда ведущих специалистов по международному праву, «нарушает суверенитет каждого окончательно образовавшегося государства» (*Etat definitivement constitue*) и «поэтому не принадлежит ни части, ни какому-либо другому государству». Еще до II мировой войны эксперты Лиги Наций установили, что в передовых западных государствах «право на самоопределение» противоречит «самой идее государства как единицы территориальной и политической» и праву остального народа и государства на единство, что в качестве компромисса рождает лишь культурно-национальную автономию. Исключение ими было сделано только для «стран, охваченных революцией». И хотя нам сейчас уже совершенно очевидно, что подавляющее большинство государств мира в течение последних 50 лет приобрело свой суверенитет исключительно благодаря принципу самоопределения – по отношению к себе ведущие европейские государства по-прежнему придерживаются традиционного понятия суверенитета и территориальной целостности.

Связан ли этот факт с определенным опасением ведущих европейских государств, что какие-либо центробежные

тенденции на Европейском континенте могут прийти и в их собственный дом? Разумеется, да. Является ли это обоснование правовым? Разумеется, нет. Тем более что данная логика не играла какой-либо существенной роли, например, в 1999 году при активном гуманитарном военном вмешательстве ведущих европейских государств во внутренний югославский конфликт. А с точки зрения принципа территориальной целостности, данный конфликт был исключительно внутренним делом **суверенной Югославии, государства-учредителя ООН, государства-подписанта Хельсинкского соглашения 1975 года**, территориальную целостность которого обязались уважать и не нарушать все государства, поставившие свою подпись под *Заключительным актом Сессии по безопасности и сотрудничеству в Европе*. Еще раз подчеркнем, что участники Заключительного Акта в Хельсинки гарантировали территориальную целостность именно Югославии, а вовсе не самоопределившимся на основании принципа самоопределения ее субъектам федерации. Однако именно принцип самоопределения субъектов югославской федерации стал решающим аргументом в поддержке мировым и европейским сообществом формирования таких новых суверенных государств как Словения, Хорватия, Македония, Босния и Герцеговина, Черногория, а в обозримом будущем к ним добавится и суверенная Республика Косово. Не будем, в связи с этим забывать, что подавляющее большинство существующих сегодня в мире государств сформировались как раз на основе принципа права наций на самоопределение, начиная от США и кончая десятками государств современной Европы.

С точки зрения принципа территориальной целостности, данные самопровозглашения независимости югославскими республиками были ничем иным как актами сепаратизма, которые европейским сообществом никогда не признавались. Тем не менее, Европейский Союз справедливо признал отделившиеся республики. Впервые абстрактное право на самоопределение, право народа (в данном случае, не колониального народа) освободиться

от национального угнетения стало правом, которое можно реализовать и без согласия государства, от которого происходит отделение. А принцип территориальной целостности, в свою очередь, вновь нарушен многократно, масштабно и радикально.

И вот теперь противники Приднестровского суверенного государства старательно пытаются актуализировать и противопоставить принцип территориальной целостности, после того как он неоднократно нарушался ими самими в отношении целого ряда стран, принципу самоопределения народов и наций.

Им, конечно, сейчас чрезвычайно не выгодно в своей аргументации ссылаться на тот безупречный факт, что хельсинкский *Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе* с его чрезвычайно жесткими требованиями по защите территориальной целостности государств-участников Совещания не носит нормативно-правовой характер (то есть его нормы не являются нормами *jus cogens*), а носит рекомендательный характер, то есть является документом так называемого международного «мягкого права». В данном случае отсутствие общеобязательности и нормативности документа корректируется желанием сторон-участников соглашения его соблюдать. Мы позже вернемся к анализу проблематики международной нормативности тех или иных документов, касающихся Приднестровского урегулирования, а пока зафиксируем тот непреложный факт, что:

А) современная нам международная правоприменительная практика не предлагает какого-либо четкого алгоритма одновременного применения двух рассматриваемых принципов;

Б) современная нам международная правоприменительная практика является крайне субъективизированной и, увы, регулярно поддающейся влиянию разнообразных «двойных стандартов» и иных неправовых факторов в оценке той или иной региональной ситуации.

При применении принципов международного права к государственно самоопределившемуся Приднестровью общая неоднозначность, равно как и нарочито навязанная двусмысленность рассматриваемых нами принципов усугубляется особенностями исторических обстоятельств. Конфликт притязаний, приведший к образованию государства *de facto*, произошел в ситуации своего рода правового вакуума. Он не подлежал своему регулированию ни в рамках конституционного права СССР, поскольку это государство находилось в начале 90-х годов XX века в процессе своего распада и прекратило свое суверенное существование в декабре 1991 года, ни в международно-правовом пространстве. Поскольку на момент возникновения Приднестровского конфликта союзные республики, то есть субъекты советской федерации еще не обрели полноценной международной правосубъектности. Так, формирование Приднестровской Молдавской Советской Социалистической Республики (позже переименованной в Приднестровскую Молдавскую Республику) произошло в 1990 году, то есть еще до обретения Молдавской Советской Социалистической Республикой (позже переименованной в Республику Молдова) полноценной государственной и международной правосубъектности.

Поэтому даже в рамках внесистемно отдельно взятого «принципа территориальной целостности», применимого только к субъектам международных отношений, этот конфликт, объективно, не имеет однозначной квалификации. И это в случае полного и тотального абстрагирования в анализе ситуации от очевидного права приднестровцев на самоопределение.

Что же касается общей и весьма спорной установки на признание произвольно установленных в свое время старых внутрифедеративных границ в качестве новых межгосударственных, принятой ведущими государствами мира в ситуации распада СССР и СФРЮ, то она не имела и не имеет характера международно-правовой нормы. По мнению авторов данного документа, она является в чистом виде проявлением той самой «политической целесообразности», которая является жесткой антитезой не-

когда «незыблемому» международно-правовому принципу «территориальной целостности». Сказанное нами ни в коей мере не означает допустимости пренебрежения международным правом. Очевидно, что вопрос о будущем статусе Приднестровского суверенного государства de facto не может быть решен на основе одной лишь «политической целесообразности». Это решение, которое требует глубокого и системного обоснования на уровне рассматриваемых нами основополагающих принципов международного права.

Оппоненты самоопределения приднестровского народа часто упрекают его сторонников в том, что принцип самоопределения рассматривается ими чрезвычайно узко и, фактически, **сводится только к сецессии**. Разумеется, данный упрек не имеет ничего общего с действительностью. Авторы данного документа, например, проанализировав весь нормативно-правовой массив международно-правовых документов с участием ПМР в качестве самостоятельной стороны не склонны соглашаться с данным тезисом.

Более того, совместное принятие Республикой Молдова и Приднестровской Молдавской Республикой абсолютно приемлемой для переговоров и желательной обеими сторонами формулы **«общего государства»** как раз свидетельствует об обратном, то есть об искреннем желании суверенного народа Приднестровья, реализовавшего свое право на самоопределение в рамках ПМР, сформировать новое единое федеративное государство с Республикой Молдова. А, кроме того, по нашему мнению, **совершенно очевидно и то, что самоопределение приднестровского народа (тут синонимично ускоренно формирующейся полиэтнической политической нации) в 1990 году не является сецессией от Республики Молдова, поскольку Республика Молдова тогда еще не имела своего собственного суверенитета и международной правосубъектности и была частью единого суверенного государства Советский Союз. Таким образом, и ПМР и РМ, практически, одновременно осуществляли на**

основе принципа народного самоопределения процесс своей сецессии от государства СССР, а вовсе не один от другого. Тут следует указать, что исторически никогда не существовало суверенного государства Молдова в границах несuverенного, зависимого и искусственного образования МССР в составе СССР.

Кроме того, авторы данного документа указывают на то, что международно-правовой принцип самоопределения народов своим острием может быть часто направлен как раз против сецессии от той или иной страны. Это может быть в том случае, когда суверенная воля самоопределяющегося народа направлена как раз на пролонгацию совместного с другими народами государственного проживания. Возьмем, например, Гибралтар и Фолклендские острова, жители которых на референдумах подтвердили свое желание остаться под властью британской короны. Жители Гибралтара сделали это дважды. 10 сентября 1967 года они проголосовали против независимости от Британии. А 7 ноября 2002 года 99% гибралтарцев отвергли план перехода под совместный англо-испанский суверенитет. Хотя в обоих случаях реакция Мадрида на результаты плебисцита была весьма жесткой, Великобритании с радостью пришлось «принять во внимание волю жителей» своей заморской территории, некогда отторгнутой ею у своего главного морского соперника. В сентябре 2006 года с решением референдума фактически была вынуждена согласиться и Испания, снявшая воздушную блокаду Гибралтара, упорядочив и упростив процедуру пересечения границы и согласившись выплачивать пенсии испанцам, работавшим на территории колонии. **При чем, для нас совершенно очевидно, почему страны ЕС практически, дружно признают права гибралтарцев не выходить из бывшей метрополии. И тут право народа на самоопределение оказывается минимум на 2 шага впереди права на территориальную целостность, к которой апеллирует одинокая в этом вопросе Испания.**

Комментируя результаты Гибралтарского референдума, британский Форин Офис заявил, что «Соединенное Королевство никогда не вступит в такие соглашения, в соответствии с которыми жители Гибралтара могли бы попасть под суверенитет другой страны **против их свободно и демократическим путем выраженной воли**» («UK will never enter into arrangements under which the people of Gibraltar would pass under the sovereignty of another state against their freely and democratically expressed wishes»).

Малочисленное население Фолклендских островов также подтвердило свое желание оставаться в составе Великобритании на плебисците, состоявшемся после поражения Аргентины в войне с Англией в 1983 году. **На основании результатов плебисцита жителям Фолклендов было предоставлено гражданство Великобритании.**

Точно такую же политику по отношению к колониальным территориям пыталась проводить и Франция в 1960-х годах. Территории, которые не желали быть частью новых независимых государств, получали статус заморских департаментов Французской республики. Федеративная Исламская Республика Коморские Острова получила независимость от Франции в 1966 году. Однако бывшая метрополия оставила в своем владении остров Майотта с расположенной на нем военно-морской базой. Жители **Майотты дважды, в 1974 и 1976 годах, подавляющим большинством голосовали против независимости острова, а впоследствии – против его включения в состав исламской республики.** Хотя ООН и не признает французских прав на Майотту, Франция настаивает на соблюдении законных прав ее жителей. Майотта признана заморским департаментом Франции и на этом основании даже считается территорией Европейского Союза. Разумеется, никто не накладывает на Францию никаких санкций за одностороннее признание острова частью своей территории. **Жителям маленького острова в Индийском океане был предоставлен шанс остаться в том государстве, к которому они хотели принадлежать в рамках реализации их суверенного права на самоопределение. Не забываем также и об уже упоминавшемся вари-**

анте реализации права на самоопределение немецкого народа государства ГДР, который был связан с ликвидацией собственного государства и присоединением к государству ФРГ.

Авторы данного документа хотят подчеркнуть, что они самым категорическим образом связывают проблематику независимости Приднестровья с реализацией права Приднестровского народа на самоопределение. Мы уважаем не столько результат самоопределения, сколько реализацию самого данного принципа. Разумеется, мы бы приветствовали абсолютно любой результат самоопределения приднестровского народа, как приветствуем результат самоопределения народов Гибралтара, Фолклендов, ГДР и острова Майотта. Однако по нашему мнению, распадающийся авторитарный Советский Союз, от которого, фактически, совершили в 1989-91 годах сецессию Приднестровье, Молдова и еще значительное количество самоопределившихся в варианте сецессии новообразованных суверенных государств, имел куда меньше аргументов своей привлекательности для самоопределявшихся народов, чем Великобритания для гибралтарцев и фолклендцев, Федеративная Республика Германия для немцев ГДР или Франция для жителей острова Майотта. Тем более, в условиях начала 90-х годов прошлого столетия самоопределившаяся в своем варианте сецессии от СССР аграрная Республика Молдова не имела каких-либо серьезных шансов на ускоренный объединительный процесс с самоопределившейся в аналогичном варианте сецессии от СССР индустриально развитой Приднестровской Молдавской Республикой.

Более того, по нашему мнению, в начале 1990 года сама Республика Молдова, осуществляющая свою сецессию от СССР, своими агрессивными и малопонятными действиями свела вероятность варианта объединения двух самоопределяющихся государств в единое государство, фактически, до нуля. **Ведь первая вооруженная и кровопролитная операция специальных частей молдавской полиции против самоопределяющегося Приднестровья была проведена в городе Дубоссары 12 июня 1990**

года, то есть еще до провозглашения суверенитета Приднестровского государства 2 сентября 1990 года. Разумеется, данная бессмысленная бойня только способствовала эскалации напряженности в регионе и, как вариант ее минимализации, ускоренному формированию суверенной Приднестровской государственности на основе реализации права народа Приднестровья на свое самоопределение. Целый ряд аспектов гуманитарного и международно-правового порядка в контексте вооруженной агрессии Республики Молдова против Приднестровья будет авторами данного документа рассмотрен ниже.

А вот что действительно объединяет самоопределившиеся различным образом народы Приднестровья, Гибралтара, Фолклендских островов, ГДР и острова Майотта, так это использование в качестве основного фиксатора воли самоопределяющегося народа такого демократического инструмента прямой непосредственной демократии как референдум (плебисцит).

Если мы обратимся к мировому опыту реализации права на самоопределение и последующего международного признания вновь образованных государств, то увидим, что в 1952 году Пуэрто-Рико провел общенациональный референдум, в ходе которого определил себя как свободно присоединившаяся к США территория. В 1960 году Сенегал перестал быть частью государства Мали также посредством референдума о независимости. В 1965 году Сингапур, также используя мирный путь, путем референдума вышел из состава Малайзии. Уже упоминавшийся 1991 год привел к формированию целого букета самоопределившихся в результате референдумов государств на территории бывшего Советского Союза. Но, разумеется, наибольший интерес для нас представляют **примеры самоопределения Эритреи и Восточного Тимора**, с одной стороны, как одни из наиболее свежих по времени, с другой стороны, как такие примеры, где референдум сыграл не просто значительную роль в деле реализации права на самоопределение, а фундаментальную роль в деле последовав-

шего международного признания данных суверенных самоопределившихся государств.

Вооруженная и дипломатическая борьба эритрейцев за свою независимость начинается еще с 1961 года. Данная борьба продолжалась более 30 лет и унесла жизни более 100 000 человек. Эритрейская армия нанесла ряд крупных поражений войскам Эфиопии, что фактически поставило под вопрос существование самого эфиопского государства. Критическая ситуация привела к падению многолетнего режима Менгисту Хайле Мириама в 1991 году. Новое правительство Эфиопии, стараясь не допустить окончательного развала своей страны и находясь под давлением Организации Объединенных Наций, согласилось на проведение всенародного референдума в Эритрее, справедливо усмотрев в этом единственную возможность урегулирования кровопролитного конфликта. **27 апреля 1993 года на референдуме, который проходил под эгидой ООН, эритрейцы практически единогласно проголосовали за независимость своей страны. В 2002 году самоопределившееся государство Эритрея получила официальное международное признание.**

При посредничестве ООН и под давлением всего международного сообщества Индонезия оказалась вынуждена договориться с Португалией о предоставлении Восточному Тимору «широкой автономии» и о проведении под контролем ООН референдума о его будущем статусе. **30 августа 1999 года состоялся референдум, проведенный, как и в случае с Эритреей, под эгидой ООН. 78,5% жителей Восточного Тимора высказались за его независимость.** Демократическое голосование народа Восточного Тимора сопровождалось всплеском насилия, инспирированного Индонезией. В результате, в Восточный Тимор были введены «голубые каски» ООН, которым удалось установить относительный порядок. Подразделения ООН были со временем заменены на многонациональные миротворческие силы во главе с Австралией. **22 марта 2002 года была принята Конституция нового независимого государства, и Восточный Тимор стал признанным членом мирового сообщества.**

Понимание ведущей роли всенародных референдумов в деле признания международной правосубъектности Приднестровской Молдавской Республики находит свое выражение в законодательстве ПМР и, прежде всего, в Конституции страны, которая была принята, в свою очередь, на всенародном референдуме **24 декабря 1995 года**. В *Статье 1 Конституции ПМР* четко фиксируется, что референдум является «высшим непосредственным выражением власти народа». Органические законы ПМР развивают данный конституционный принцип. Закон «*О всенародном голосовании (референдуме) от 22 октября 1991 года*» определяет, что «референдум понимается как способ принятия гражданами Приднестровской МССР всенародным голосованием законов Приднестровской МССР и иных решений по наиболее важным вопросам государственной жизни. Решения, принятые референдумом, обладают высшей юридической силой, в каком-либо утверждении не нуждаются и обязательны для применения на той территории, на которой проводился референдум». А *Избирательный Кодекс Приднестровской Молдавской Республики от 9 августа 2000 года* в *Статье 144* устанавливает:

«1. Республиканский референдум проводится в целях реализации власти народа и обеспечения его непосредственного участия в руководстве и управлении государственными делами.

2. Республиканский референдум проводится на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном и свободном голосовании в соответствии с Конституцией Приднестровской Молдавской Республики и положениями настоящего Кодекса.

3. Выносимые на республиканский референдум вопросы предварительно рассматриваются Конституционным судом Приднестровской Молдавской Республики на предмет правильности их юридического оформления.

4. Принятые путем республиканского референдума правовые акты обладают высшей юридической силой, в каком-либо утверждении не нуждаются и обязательны для выполнения на всей территории Приднестровской Молдавской Республики».

В отношении первого и решающего *Референдума Приднестровской республики о независимости от 1 декабря 1991 года* мы считаем важным отметить, что его нельзя воспринимать вне контекста политической ситуации, которая сложилась к тому времени в Приднестровском регионе. Фактически, осуществленная Приднестровьем **сецессия от СССР 9 сентября 1990 года** оказалась под серьезным испытанием, исходя, с одной стороны, из факта исчезновения самого СССР, а, с другой стороны, из факта прихода к власти в Молдове радикальных националистических сил, ориентированных на немедленное объединение Молдовы с Румынией. Приднестровцы вовремя успели вынести вопрос о своем государственном самоопределении на всенародный референдум, так как уже спустя 2 месяца после него в феврале 1992 года II съезд Народного Фронта Молдовы, ведущей политической и парламентской силы в РМ, провозгласил Молдову, включая район Приднестровья, неотъемлемой частью Румынии. Разумеется, в такой сложной внешнеполитической ситуации абсолютно закономерным выглядел вопрос всенародного референдума о независимости Приднестровья. **В условиях, когда сопредельное суверенное государство Молдова, с одной стороны, выдвигает территориальные претензии к Приднестровью, а, с другой стороны, фактически, провозглашает свое собственное присоединение целиком к иностранному государству Румыния, именно всенародный референдум о независимости явился ключевым фактором в деле фиксации суверенной воли приднестровского народа к своему самоопределению.**

Еще более усилило международно-правовое значение референдумов, как единственно возможных фиксаторов реализации права народов на самоопределение, Решение Верховного Суда

Канады, который рассмотрел политический конфликт между Квебеком и Канадой. В своем акте от 20 августа 1998 года Верховный суд постановил, что, с одной стороны, провинция Квебек не имеет права на одностороннее провозглашение независимости от Канады, но с другой, **Квебек может получить такое право на самоопределение, если большинство населения провинции путем референдума выразит свою волю о государственной независимости. При этом Квебек сможет выйти из состава Канады и стать независимым суверенным государством.**

Как видим, ни о каком принципе «территориальной целостности Канады» ее Верховный Суд и не вспоминает в контексте варианта реализации провинцией Квебек своего права на самоопределение, потенциально могущее возникнуть исходя из позитивных для сецессии результатов референдума. Тут следует отметить, что многочисленные сторонники теории так называемой «либеральной сецессии» справедливо отмечают в своем анализе, что любые изменения государственных территорий вполне возможны на основании реализации права на самоопределение, а территориальная целостность, в свою очередь, должна основываться исключительно на согласии входящих в состав конкретного государства народов и наций. Соглашаясь абсолютно с этим ключевым тезисом, авторы данного документа категорически не могут согласиться с выводом, который часто делается из вышеприведенного тезиса. Вывода о том, что, дескать, право на самоопределение народов имеет приоритет по отношению к принципу территориальной целостности государства. **Для нас является очевидным тот факт, что никакого ни приоритета, ни противоречия между данными принципами тут нет и не может быть.** Именно об этом и пойдет речь ниже.

Давайте теперь внимательно проанализируем международно-правовое регулирование принципа территориальной целостности. *Пункт 4 Статьи 2 Устава ООН* 1945 года только обозначил самое начало процесса нормативно-правовой фиксации

принципа территориальной целостности государств. Хотя непосредственно сама категория «территориальная целостность» еще в активный оборот Уставом ООН введена не была. Вместо нее употребляется термин «территориальная неприкосновенность».

«Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом несовместимым с Целями Объединенных Наций». Важно отметить, что данный принцип впервые появляется именно в связи с международными отношениями, подлежащими своему дальнейшему регулированию в соответствии с требованиями Устава ООН. И, с другой стороны, данный принцип никак не связывается текстуально с нормой, которая обязывает все государства-участники ООН строить отношения между нациями **«на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов»** (пункт 2 Статьи 1 Устава ООН), контроль за соблюдением которого провозглашает своей обязанностью ООН (пункт 6 Статьи 2 Устава ООН). То есть, странами-учредителями ООН данные принципы изначально не рассматривались как противоречивые или взаимно ограничивающие друг друга каким-либо образом.

Уже упоминавшаяся **«Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам»**, принятая Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 1514 (XV) от 14 декабря 1960 года впервые в международном праве обозначает ключевые аспекты принципа территориальной целостности. Пункты 6 и 7 данного документа устанавливают:

«6. Всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, не совместима с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций.

7. Все государства должны строго и добросовестно соблюдать положения Устава Организации Объединенных Наций, Всеобщей декларации прав человека и настоящей Декларации на основе равенства, невмешательства во внутренние дела всех государств, уважения суверенных прав всех народов и территориальной целостности их государств».

Обратим особое внимание на то, что субъектами этой потенциальной «попытки разрушения территориальной целостности», исходя из пункта 7 Декларации, рассматриваются исключительно государства, при чем государства «добросовестно соблюдающие положения Устава ООН». **То есть, исходя из вышеназванных статей, нет никаких оснований распространять действие Пункта 6 данной Декларации на сами самоопределяющиеся народы, то есть каким-либо образом недобросовестно пытаться ограничить сам принцип самоопределения. Очевидно, что тут речь идет именно о межгосударственных отношениях, а не о проблематике отношений самоопределяющегося народа и государства, которое как раз обязано признать данное самоопределение. Пункт 4 данной Декларации как раз указывает на эту последовательность. Итак, алгоритм применения данных принципов совершенно очевиден. Самоопределяющиеся народы:**

- 1) должны иметь полную «возможность осуществить в условиях мира и свободы свое право на полную независимость» и,
- 2) как следствие реализации принципа самоопределения, «целостность их национальных территорий должна уважаться» всеми государствами.

В этом же абсолютно контексте принцип территориальной целостности отмечается и в **«Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости»**, принятой Резолюцией ООН 2131 (XX) 21 декабря 1965 года. Данная Декларация фиксирует, что Объединенные Нации «создали организацию, основанную на суверенном равенстве государств, дружественные отношения между которыми строятся на уважении принципа равноправия

народов и их права распоряжаться своими делами, а также на **обязательстве ее членов воздерживаться от угрозы или применения силы против территориальной целостности** или политической независимости любого государства». Итак, вновь абсолютно четко фиксируется в контексте принципа «территориальной целостности» тот факт, что именно государства-члены ООН берут на себя обязательства воздерживаться от применения силы против «территориальной целостности» любого государства. И чтобы не было искушения у недобросовестных интерпретаторов пытаться использовать принцип территориальной целостности для какого-либо ограничительного толкования принципа самоопределения, Генеральная Ассамблея ООН в данной Декларации в Пункте 6 четко и однозначно зафиксировала: **«все государства должны уважать право народов и наций на самоопределение и независимость, и это право должно осуществляться свободно и без какого-либо внешнего давления и при полном соблюдении прав человека и основных свобод...»**. Впервые в международно-правовом документе появившаяся прямая увязка реализации права на самоопределение с полным соблюдением прав человека и его основных свобод явилась новым и важным шагом вперед в деле развития принципа самоопределения народов.

Свое дальнейшее развитие принцип территориальной целостности получает в таком ключевом документе международного права, как *«Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций»* от 24 октября 1970 года. Авторы данного документа считают чрезвычайно важным обратить внимание на точную формулировку названия данной Декларации, в которой четко зафиксирован предмет международно-правового регулирования данного документа. Он касается, исходя из самого названия, именно **отношений между государствами** в соответствии с Уставом ООН. Уже в преамбуле документа упоминается принцип

территориальной целостности в контексте напоминания «**об обязанности государств воздерживаться в своих международных отношениях от военной, политической, экономической или какой-либо другой формы давления, направленного против политической независимости или территориальной целостности любого государства**». И вновь фиксируем, в который уже раз, что речь в контексте принципа территориальной целостности государства идет не о чем ином как **именно о межгосударственных отношениях**, и все тот же тезис, перенесенный без изменений в данную Декларацию с Декларации 14 декабря 1960 года, о «любой попытке», направленной на «частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности государства или страны или их политической независимости», относится исключительно к межгосударственным отношениям. То есть, согласно единственно возможному толкованию данного тезиса, только суверенное государство может стать субъектом вышеуказанной «любой попытки».

А вот что действительно нового внесла *Декларация 1970 года* в развитие принципа территориальной целостности, так это более широкое и развернутое его описание, вводящее в международно-правовой оборот некоторые новые и важные его аспекты. В частности, «Декларация о принципах международного права...» указывает:

«Ничто в приведенных выше абзацах не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше; и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи.

Каждое государство должно воздерживаться от любых действий, направленных на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства или страны».

Итак, аспект защиты территориальной целостности государства впервые в международно-правовой практике увязывается с двумя требованиями к самим защищаемым государствам. **Итак, чтобы получить искомое право на защиту территориальной целостности:**

1. сами эти государства должны соблюдать принцип равноправия и самоопределения народов;

2. правительства этих государств должны представлять весь народ, принадлежащий к данной территории.

Противники самоопределения Приднестровского народа попадают в собственную же западню. В своей исторически и юридически бессильной аргументации, что Приднестровье осуществило сецессию не от СССР, а от Республики Молдова (напоминаем, что суверенным формированием и носителем международной правосубъектности Республика Молдова стала только в декабре 1991 года, то есть сразу после прекращения существования СССР, а процесс своей сецессии от СССР Приднестровье начало еще провозглашением суверенной Приднестровской государственности 2 сентября 1990 года), апологеты неокOLONиализма XXI века совершенно упускают в своем анализе необходимость соблюдения самой Молдовой вышеперечисленных международно-правовых требований.

По пункту 1 – уже сам факт вооруженной агрессии Молдовы против самоопределившегося народа Приднестровья и его суверенного государства ПМР в 1992 году выводит Республику Молдова за рамки государств, имеющих право апеллировать к международному сообществу о защите их территориальной целостности. Данная апелляция невозможна как раз в силу того, что Республика Молдова грубо нарушила международно-правовой принцип добросовестного исполне-

ния своих международных обязанностей, грубо поправ при этом:

- принцип невмешательства,
- принцип добрососедских отношений,
- принцип суверенитета и суверенного равенства,
- принцип отказа от применения силы и угрозы силой,
- принцип территориальной целостности,
- принцип соблюдения прав человека и основных свобод,
- принцип самоопределения народов.

По пункту 2 – правительство Республики Молдова не представляло приднестровский народ и не могло его представлять, начиная с 2 сентября 1990 года. Еще в 1989 году депутаты Верховного Совета МССР от Приднестровья периодически жестоко избивались в Кишиневе сторонниками правящего «Народного фронта». В этих условиях ими было принято решение воздержаться от участия в работе Верховного Совета МССР, а после обретения полного суверенитета 2 сентября 1990 года государственные органы Республики Молдова прекратили осуществлять контроль над территорией сопредельного им суверенного государства ПМР. Соответственно, органы власти Республики Молдова больше не формировались на территории ПМР и, соответственно, репрезентовать приднестровский народ они больше не могли.

Итак, как видим, международно-правовые требования Декларации 1970 года, связанные с принципом территориальной целостности, с одной стороны, полностью отрицают какие-либо основания для претензий Республики Молдова по отношению к суверенному самоопределившемуся Приднестровскому государству, а, с **другой стороны**, ставят саму Республику Молдова за рамки уважающего и соблюдающего Устав ООН, а также принципы и нормы международного права цивилизованного сообщества государств.

Вышеуказанные доктринальные аспекты принципа самоопределения, впервые появившиеся в Декларации 1970 года, нашли свое продолжение и в так называемой «Венской декларации и Программе действий», принятой на Всемирной конференции по правам человека 25 июня 1993 года в Вене.

Просто процитируем тут для иллюстрации корректной взаимной увязки принципа самоопределения и принципа территориальной целостности *пункт 2 Раздела 1 Венской декларации*:

«Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно определяют свой политический статус и беспрепятственно осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие.

Принимая во внимание особое положение народов, находящихся под колониальным или другими формами чужеземного господства или иностранной оккупации, Всемирная конференция по правам человека признает право народов предпринимать любые законные действия в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций для осуществления своего неотъемлемого права на самоопределение. Всемирная конференция по правам человека считает отказ в праве на самоопределение нарушением прав человека и подчеркивает важность эффективного осуществления этого права.

Согласно Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, вышесказанное не должно истолковываться как разрешение или поощрение любых действий, нарушающих или подрывающих, полностью или частично, территориальную целостность или политическое единство суверенных и независимых государств, которые соблюдают принцип равноправия и самоопределения народов и в силу этого имеют правительства, представляющие интересы всего народа на их территории без каких-либо различий».

Еще более четкую идентификацию принципа территориальной целостности, именно как принципа межгосударственного общения проводит *Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 года, Раздел IV* так и назван был: «Территориальная целостность государств». В нем фиксируется нижеследующее:

«Государства-участники будут уважать территориальную целостность каждого из государств-участников.

В соответствии с этим они будут воздерживаться от любых действий, не совместимых с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций, против территориальной целостности, политической независимости или единства любого государства-участника и, в частности, от любых таких действий, представляющих собой применение силы или угрозу силой.

Государства-участники будут равным образом воздерживаться от того, чтобы превращать территорию друг друга в объект военной оккупации или других прямых или косвенных мер применения силы в нарушение международного права или в объект приобретения с помощью таких мер или угрозы их осуществления. Никакая оккупация или приобретение такого рода не будет признаваться законной». И так, вновь очевидно, что речь в контексте данного принципа идет именно о межгосударственных отношениях и межгосударственных взаимных обязательствах.

Таким образом, авторы данного документа приходят к совершенно однозначному выводу о том, что никакого противоречия между принципами территориальной целостности и нерушимости государственных границ и принципом права наций на самоопределение вообще нет. Противоречия никакого нет, поскольку принципы территориальной целостности и нерушимости государственных границ лежат в сфере межгосударственных отношений, то есть, направлены против попыток одного государства изменить в односторон-

нем порядке границы с другим государством в свою пользу и аннексировать часть территории другого государства. Отсюда, самоопределение приднестровского народа никоим образом не может оспариваться неправомерными апелляциями к принципу территориальной целостности Республика Молдова в силу комбинации следующих причин:

1. Самоопределение приднестровского народа осуществлялось в виде сецессии от Советского Союза. Данный процесс юридически был начат объявлением государственного суверенитета 2 сентября 1990 года и был завершен в декабре 1991 года с прекращением существования СССР.

2. Территория и народ Приднестровской Молдавской Республики никогда исторически и юридически не входили (не самоопределялись) в суверенную Республику Молдова, а входили в несuverенное формирование МССР как часть суверенного Советского Союза. Поэтому сецессия от несuverенного образования невозможна.

3. Республика Молдова является грубым нарушителем большого числа международно-правовых документов, касающихся неотъемлемого права народа Приднестровья на свое самоопределение, а потому является недобросовестным исполнителем своих международно-правовых обязательств.

4. С сентября 1990 года государственные органы Республики Молдова не формируются на территории ПМР, а потому не представляют данный народ.

5. Принцип территориальной целостности начинает действовать только для самоопределившегося народа на территории его проживания, снимая, таким образом, все напластования о конфликтности данных принципов. Все иные интерпретации действия данного принципа юридически ничтожны и связаны с недопустимыми в XXI веке рецидивами колониализма.

Глава 5

Принцип всеобщего уважения прав человека и аспекты международного гуманитарного права: контекст Приднестровского урегулирования

По мнению авторов данного документа, наиболее четкую формулировку гармоничного сочетания рассмотренного нами выше принципа неотъемлемого права народов на самоопределение и принципа прав человека дает нам уже упоминавшаяся выше *«Венская декларация и Программа действий»*, принятые на *Всемирной конференции по правам человека 25 июня 1993 года в Вене. Пункт 2 Раздела 1* устанавливает: **«всемирная конференция по правам человека признает право народов предпринимать любые законные действия в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций для осуществления своего неотъемлемого права на самоопределение. Всемирная конференция по правам человека считает отказ в праве на самоопределение нарушением прав человека и подчеркивает важность эффективного осуществления этого права»**. Данная формулировка, безусловно, значительно развивает ключевой тезис по данному вопросу *Резолюции 637 (VII) «Право народов и наций на самоопределение» Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1952 года*: **«право народов и наций на самоопределение является предпосылкой для пользования всеми основными правами человека»**.

Разумеется, что самоопределение любого народа, в том числе и приднестровского народа – не самоцель, а лишь средство согласования интересов различных народов и защиты прав человека, личности. Не человек для народа, а народ для человека – именно такой подход диктует нам современное международное право, основанное на подлинно гуманистическом мышлении. Международным опытом свидетельствуют: если во внимание принимаются только интересы нации, права личности зачастую

попираются, страдают люди, десятки, сотни тысяч лишаются родины, крова, близких, а то и самой жизни. Именно поэтому проблематика неразрывной связи прав народов и прав человека сейчас чрезвычайно актуализирована в международном праве, и, в первую очередь, в международном гуманитарном праве.

В международном сообществе уже довольно давно осознавалась необходимость формирования правовой системы защиты прав человека. Согласно традиционным принципам уже упоминаемой выше вестфальской системы, гражданские права долгое время являлись сугубо внутренним делом государств. Однако, начиная с запрета пиратства в XVIII веке и работорговли в XIX веке, этот принцип стал постепенно трансформироваться. Венский конгресс 1815 года был, пожалуй, первым в новое время обращением международных элит к проблеме гражданских прав. На конгрессе обсуждались вопросы религиозной свободы, гражданских и политических прав и отмены рабства. За ним последовал ряд договоров по отмене рабства. К примерам относятся Берлинская конференция по Африке 1885 года, Брюссельская конференция 1890 года, Женевская конференция 1926 года. Уже Гаагские мирные конференции 1899 и 1907 годов ввели принцип права индивидов обращаться в апелляционный суд.

Но в качестве одного из основных принципов международного права – Принцип уважения прав человека – утвердился только в 1945 году с принятием Устава ООН. В Уставе ООН формально он не назван среди принципов международного права. Однако считается, что, поскольку в пункте 3 Статьи 1 Устава указывается, что одной из целей ООН является осуществление международного сотрудничества «в поощрении уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии», то Устав ООН косвенно закрепил этот принцип. Это подтверждается Статьей 55 Устава ООН, где говорится о том, что ООН содействует «всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии». Свое дальнейшее развитие данный принцип

получил в международно-правовых документах, развивающих гражданские стандарты, таких как: «*Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него*» от 9 декабря 1948 года (принята Резолюцией ООН 260 А (III)), «*Всеобщая декларация прав человека*» (принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 года), уже указанные выше «*Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах*» и «*Международный пакт о гражданских и политических правах*» (приняты резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года), а также во многих других международно-правовых документах, формирующих конструкцию современного международного гуманитарного права.

Авторы данного документа вынуждены констатировать, что, к огромному сожалению и, вопреки здравому смыслу, противники приднестровского самоопределения предпринимают недобросовестные попытки противопоставить проблематику самоопределения приднестровского народа проблематике защиты прав человека и гражданских стандартов, а кровавую вооруженную агрессию Республики Молдова против Приднестровской Молдавской Республики 1992 года выдать чуть ли не за гуманитарную интервенцию. Разумеется, каких-либо правовых оснований для данных безосновательных утверждений нет. Международно-правовая проблематика гармоничного сочетания принципа защиты универсальных прав человека и неотъемлемого права народов на самоопределение решительно опровергает данные посылки.

Для этого рассмотрим сложившуюся в международном праве традиционную классификацию прав человека. Согласно принятой в международных документах классификации, права человека подразделяются на **гражданские, политические, экономические и социальные**, культурные. Приблизительно с конца 70-х годов XX века в международной практике получила распространение так называемая концепция **«трех поколений»** прав человека.

Такой хронологический подход мотивируется тем, что вначале под правами человека имели ввиду только гражданские и политические права, которые составляют так называемое **«первое поколение»** прав человека. Это была концепция, идея, порожденная Великой Французской революцией. Далее, в понятие прав человека стали включаться социально-экономические и культурные права, начиная с «Всеобщей декларации прав человека». Именно этот блок и составил так называемое **«второе поколение»** прав человека. И, наконец, предполагается рассматривать в качестве важного вклада развивающихся стран в дело развития международно-правовой регламентации прав человека такие важные юридические конструкции как право на мир, право на разоружение, право на самоопределение, право на развитие, право на здоровую окружающую среду и т.п. Именно права данного блока и составили так называемое **«третье поколение»** прав человека или «права солидарности», связанных с коллективной правосубъектностью.

Тут следует указать, что права первого и второго поколения существенно отличаются по своей природе. В правах первого поколения речь идет о **защите индивидуальной свободы**: слова, совести, религии и т.д.

Иная природа у социальных прав. Для их осуществления недостаточно воздерживаться от вмешательства в данную сферу. **Только постоянная солидарная деятельность государства способна гарантировать провозглашенные социально-экономические и культурные права.** А права человека «третьего поколения» вообще выводят данную проблематику на уровень сложного диалектического единства, взятого в противоречии – «индивида» и «коллектива».

Выше рассмотренное нами неотъемлемое право народа на самоопределение является **правом коллективного субъекта** – народа. Тут важно и необходимо проанализировать соотношение коллективных и индивидуальных прав.

- **Индивидуальное право** – это естественное право человека, присущее ему от рождения.

- **Коллективные права** (права народа, нации, общности, ассоциации) тут не являются «естественными», то есть их нельзя рассматривать как сумму индивидуальных прав.

Очевидно, нельзя отделять права человека от прав народов. Права народов (коллективные права), таким образом, также могут и должны рассматриваться как разновидность прав человека. Что касается мифа, будто коллективные права якобы ослабляют права человека, то ни один международно-правовой документ не является изолированным или одиночным явлением. Любой документ, касающийся коллективных или индивидуальных прав, должен рассматриваться как часть уже существующей международной системы правовых стандартов по правам человека.

Если мы наблюдаем картину, где реализация коллективных прав ведет к ущемлению прав одной личности, значит цели, объединения такой общности – антигуманны и противоправны. Но также верна и обратная диалектика – если знамя борьбы за права отдельного человека используется для отказа в реализации тех или иных неотъемлемых коллективных прав, то мы имеем дело лишь с хорошо скрываемой формой репрессии против все тех же прав человека.

Безусловно, что постановка вопроса о «третьем поколении» прав человека, то есть о возможности их «коллективной формы», чрезвычайно важна и актуальна. И дискуссии, разворачивающиеся вокруг этой проблематики, равно как и принятие международных документов, включающих в себя эти права или раскрывающих содержание некоторых из них, например, в «Декларации о праве на развитие» от 4 декабря 1986 года, свидетельствуют о том, что перечень прав человека не представляет собой что-то застывшее и может быть продолжен.

Итак, на основании вышеизложенного, по мнению авторов данного документа, реализация народом Приднестровья своего суверенного права на самоопределение является ничем иным как одновременной реализацией и принципа всеобщего уважения и защиты прав человека.

Однако тут нам необходимо самым тщательным образом выяснить ситуацию с соблюдением (в рамках обозначенной нами выше правовой диалектики) прав человека и унифицированных гражданских стандартов внутри самого государства, возникшего на карте Европы в результате народного самоопределения – Приднестровской Молдавской Республики. Ведь, исходя из современного понимания принципа уважения к правам человека, молодому самоопределившемуся государству невозможно достичь никакой полной международной правосубъектности, не имплементируя в свое внутреннее законодательство базовых международных стандартов гражданских прав.

Авторы данного документа считают необходимым выделить следующие ключевые уровни и элементы имплементации базовых международно-правовых стандартов прав человека во внутреннее законодательство Приднестровской Молдавской Республики.

1. Конституционный уровень гарантированности прав и свобод человека в ПМР

Конституция Приднестровской Молдавской Республики, принятая на всенародном референдуме 24 декабря 1995 года, в своем *Разделе 2 «Права, свободы, обязанности и гарантии человека и гражданина»* устанавливает объем прав и свобод граждан Приднестровья. С точки зрения проблематики международного регулирования прав и свобод человека ключевой является **Статья 45: «Государство обеспечивает права и свободы граждан, закрепленные в Конституции. Перечисление в Конституции прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека»**. Таким образом, зафиксирована концепция не ограничительного и окончательного списка прав и свобод, а концепция связанная, с возможностью его расширения и корректировки, исходя из имплементации новых норм международного права в текущее

законодательство ПМР. Это, безусловно, важная и прогрессивная фиксация.

Также следует обратить внимание на следующие конституционные тезисы защиты прав и свобод граждан ПМР, имеющие выходы на те или иные документы международно-правового порядка:

Статья 16 Конституции ПМР: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью общества и государства. Защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства. Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». Очевиден контекст, желание и намерение соблюдения базовых тезисов *Преамбулы «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года.*

Статья 17 Конституции ПМР: «Все имеют одинаковые права и свободы и равны перед законом без различия пола, расы, национальности, языка, религии, социального происхождения, убеждений, личного и общественного положения». Отражение базового принципа *Статьи 2 «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года.*

Статья 19 Конституции ПМР: «Каждый имеет право на жизнь. Государство защищает право на жизнь человека от любых противоправных посягательств. Смертная казнь до ее отмены может применяться в соответствии с законом как исключительная мера наказания за тяжкие преступления против жизни и только по приговору суда». Имплементация *Статьи 3 «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года, Статьи 6 «Международного пакта о гражданских и политических правах» 1966 года и Статьи 2 «Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод» 1950 года.*

Статья 20 Конституции ПМР: «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут аресту или содержанию под стражей иначе как на основании закона. Лицо, заключенное под стражу, имеет право на судебную проверку законности его задержания или ареста».

Имплементация *Статьи 3 «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года и Статьи 9 «Международного пакта о гражданских и политических правах» 1966 года.*

Статья 21 Конституции ПМР: «Никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению и наказанию, а также без его согласия подвергаться медицинским и другим опытам». Тут мы видим четкое следование в Конституции ПМР духу и букве международной *«Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» 1984 года*, а также *Статьи 5 «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года, Статьи 7 «Международного пакта о гражданских и политических правах» 1966 года и Статьи 3 «Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод» 1950 года.*

Статья 22 Конституции ПМР: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность». Имплементация *Статьи 11 «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года и Статьи 14 «Международного пакта о гражданских и политических правах» 1966 года.*

Статья 24 Конституции ПМР: «Каждый имеет право на защиту доброго имени, защиту от посягательств на его честь и достоинство, вмешательства в его частную жизнь, на личную и семейную тайну, на неприкосновенность жилища. Никто не вправе войти в жилище, производить обыск или осмотр, нарушать тайну переписки и телефонных переговоров иначе как в случае и порядке, предусмотренном законом». Имплементация *Статьи 12 «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года, Статьи 17 «Международного пакта о гражданских и политических правах» 1966 года, Статьи 5 «Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод» 1950 года и Статьи 8*

«Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод» 1950 года.

Статья 25 Конституции ПМР: «Граждане Приднестровской Молдавской Республики имеют право свободно передвигаться и выбирать место жительства в пределах республики, покидать ее и беспрепятственно возвращаться обратно». Имплементация *Статьи 13 «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года, Статьи 12 «Международного пакта о гражданских и политических правах» 1966 года и Статьи 2 Страсбургского Протокола N 4 (1963 год) к «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» 1950 года.*

Статья 26 Конституции ПМР: «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей. Трудо-способные дети, достигшие 18 лет, обязаны заботиться о нетрудоспособных родителях». Имплементация *пункта 2 Статьи 25 «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года и Статьи 10 «Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах» 1966 года.*

Статья 27 Конституции ПМР: «Каждый имеет право на свободу мысли, слова и убеждений. Каждый имеет право любым законным способом искать, получать и распространять любую информацию...». **Статья 29 Конституции ПМР:** «Гражданам Приднестровской Молдавской Республики гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической и международной жизни, состоянии окружающей среды...». Имплементация *Статьи 19 «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года, Статьи 19 «Международного пакта о гражданских и политических правах» 1966 года и Статьи 9, 10 «Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод» 1950 года.*

Статья 28 Конституции ПМР: «Средства массовой информации не подвергаются цензуре». Хотя данная статья и не является непосредственно имплементированной с международно-правового документа, однако она является чрезвычайно показательной в контексте общедемократического вектора Конституции ПМР.

Статья 30 Конституции ПМР: «Свобода совести гарантируется для всех. Каждый имеет право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Недопустимо принудительное насаждение религиозных взглядов». Имплементация *Статьи 18 «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года и Статьи 18 «Международного пакта о гражданских и политических правах» 1966 года.*

Статья 31 Конституции ПМР: «Граждане Приднестровской Молдавской Республики имеют право участвовать в управлении делами общества и государства как непосредственно, так и через своих представителей. Такое участие осуществляется посредством местного самоуправления, проведения референдумов и демократического формирования государственных органов. Граждане Приднестровской Молдавской Республики могут свободно избирать и быть избранными в государственные органы на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании». Имплементация *Статьи 21 «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года, Статьи 25 «Международного пакта о гражданских и политических правах» 1966 года и Статьи 8 «Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы» 1998 года.*

Статья 32 Конституции ПМР: «Свобода собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования, не нарушающих правопорядок и права других граждан Приднестровской Молдавской Республики, гарантируется государством. Порядок проведения указанных мероприятий определяется законом». Имплементация *пункта 1 Статьи 20 «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года, Статьи 21 «Международного пакта*

о гражданских и политических правах» 1966 года, пункта «а» Статьи 5 «Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы» 1998 года и Статьи 11 «Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод» 1950 года.

Статья 33 Конституции ПМР: «Граждане Приднестровской Молдавской Республики имеют право объединяться в профессиональные союзы, политические партии и другие объединения, участвовать в массовых движениях, не запрещенных законом». Имплементация *Статьи 20, пункта 4 Статьи 23 «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года, Статьи 8 «Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах» 1966 года, Статьи 22 «Международного пакта о гражданских и политических правах» 1966 года, пункта b Статьи 5 «Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы» 1998 года, Конвенции Международной Организации Труда (МОТ) №87 «О свободе ассоциации и защите права на организацию» 1948 года.*

Статья 35 Конституции ПМР: «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Принудительный труд запрещен. Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы. Признается право на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием установленных законом способов их разрешения, включая право на забастовку. Каждый имеет право на отдых. Работающему по трудовому договору гарантируются установленные законом продолжительность рабочего времени, выходные и праздничные дни, оплачиваемый ежегодный отпуск». Имплементация

Статей 23, 24 «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года, Статей 6, 7, 8 «Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах» 1966 года, пункта 3 Статьи 8 «Международного пакта о гражданских и политических правах» 1966 года, пункта в Статьи 5 «Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы» 1998 года, Конвенций №№29, 87, 98, 100, 105, 111 Международной Организации Труда (МОТ), Статьи 4 «Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод» 1950 года.

Статья 37 Конституции ПМР: «Государство гарантирует каждому право собственности. Собственник по своему усмотрению владеет, пользуется и распоряжается принадлежащим ему имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества, иначе как по решению суда. Осуществление права собственности не должно наносить вреда окружающей среде, историко-культурным ценностям, ущемлять права и защищаемые законом интересы других лиц, либо государства. Право наследования гарантируется». Имплементация *Статьи 17 «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года и Статьи 1 Парижского Протокола N 1 (1952 год) к «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» 1950 года.*

Статья 38 Конституции ПМР: «Каждый имеет право на социальное обеспечение в старости, в случае утраты трудоспособности, а также утраты кормильца и в других предусмотренных законом случаях. Пенсии, пособия и другие виды социальной помощи не могут быть ниже официально установленного государством уровня». Имплементация *пункта 1 Статьи 25 «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года и Конвенции Международной Организации Труда (МОТ) №128 «О пособиях по инвалидности, по старости и по случаю потери кормильца» 1967 года.*

Статья 39 Конституции ПМР: «Гражданам Приднестровской Молдавской Республики гарантируется право на охра-

ну здоровья, включая бесплатное медицинское обслуживание и лечение в государственных учреждениях здравоохранения». Имплементация *пункта 1 Статьи 25 «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года и Статьи 12 «Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах» 1966 года.*

Статья 41 Конституции ПМР: «Каждый имеет право на образование. Гражданам гарантируется получение бесплатного среднего общего и среднего профессионального образования в государственных образовательных учреждениях. Каждый вправе на конкурсной основе в соответствии со своими способностями бесплатно получить высшее образование в государственных образовательных учреждениях. Основное общее образование обязательно. Приднестровская Молдавская Республика устанавливает государственные образовательные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования». Имплементация *Статьи 26 «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года, Статьи 13 «Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах» 1966 года и Статьи 2 Парижского Протокола N 1 (1952 год) к «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» 1950 года.*

Статья 42 Конституции ПМР: «Каждый гражданин Приднестровской Молдавской Республики имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища. Органы государственной власти поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище. Малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно, или за доступную плату из государственных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами». Имплементация *Пункта 1 Статьи 25 «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года и пункта 1 Статьи 11 «Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах» 1966 года.*

Статья 44 Конституции ПМР: «Граждане Приднестровской Молдавской Республики имеют право на свободу художест-

венного, научного и технического творчества. Интеллектуальная собственность охраняется законом. Государство заботится о культурном, научном и техническом развитии общества». Имплементация Статьи 27 «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года и Статьи 15 «Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах» 1966 года.

Статья 46 Конституции ПМР: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, право обжалования в суд незаконных решений и действий государственных органов, должностных лиц, общественных объединений». Имплементация *Статей 8, 9, 11 «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года и пункта 3 Статьи 2, Статей 9, 14 «Международного пакта о гражданских и политических правах» 1966 года и Статьи 6, 7, 13 «Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод» 1950 года.*

Авторы данного документа констатируют, что законодатель Приднестровской Молдавской Республики провел очень серьезную и значительную работу по имплементации международно-правовых норм в области защиты прав человека в свое внутреннее конституционное законодательство. Непосредственная регламентация и защита прав и свобод человека по-прежнему остаются внутренним делом каждого государства. Международные нормы в области прав человека в подавляющем большинстве не могут применяться непосредственно на территории государства и требуют от него определенных конкретных шагов по своей имплементации, что мы и видим на примере Приднестровья. Как правило, сами международные документы не определяют, каким образом то или иное государство будет выполнять принятые на себя обязательства. Вместе с тем стандарты поведения, содержащиеся в международных документах, в значительной мере связывают свободу поведения государств в такой сфере национального законодательства как законодательство о правах человека. Данные добровольные конституционные обязательства Приднестровья выглядят чрезвычайно весомыми в контексте

стремления молодого государства получить полный объем своей международной правосубъектности.

2. Институционные механизмы гарантированности прав и свобод человека в ПМР

Среди институционных механизмов гарантированности прав и свобод человека в ПМР следует выделить такие специализированные органы как: 1) Конституционный суд ПМР, 2) суды ПМР, 3) Прокуратура ПМР и 4) Уполномоченный по правам человека в ПМР.

1. *Закон о Конституционном суде Приднестровской Молдавской Республики был принят Верховным Советом ПМР 30 октября 2002 года.* Среди полномочий Конституционного суда как органа конституционного контроля и гаранта верховенства Конституции ПМР есть полномочия, непосредственно связанные с защитой конституционных прав и свобод человека. Так, например, *Статья 102* данного Закона «*Право на обращение в Конституционный суд Приднестровской Молдавской Республики*» устанавливает, что **«правом на обращение в Конституционный суд Приднестровской Молдавской Республики с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина обладают граждане, чьи права и свободы нарушаются законом, нормативным актом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле, и объединения граждан, а также иные органы и лица».**

2. *Конституционный закон «О судебной системе в Приднестровской Молдавской Республике» от 22 июня 2005 года в пункте «в» Статьи 3* фиксирует, что судебная система ПМР основывается на применении всеми судами **«общепризнанных принципов и норма международного права, а также международных договоров Приднестровской Молдавской Республики».** А *Статья 4* данного Закона «*Задачи судов*» прямо

устанавливает, что «суды при осуществлении правосудия призваны защищать от противоправных посягательств гарантированные Конституцией Приднестровской Молдавской Республики и законодательными актами Приднестровской Молдавской Республики права, свободы и законные интересы человека и гражданина, общественных объединений, конституционный строй Приднестровской Молдавской Республики, государственные и общественные интересы, права юридических лиц независимо от форм собственности».

3. Конституционный закон «О Прокуратуре Приднестровской Молдавской Республики» от 12 июля 2006 года среди других полномочий Прокуратуры как системы органов, осуществляющих надзор за точным и единообразным исполнением Конституции и законов ПМР на территории государства, в пункте 2 «Б» Статьи 3 «Задачи прокурорской деятельности» фиксирует, что «смыслом прокурорской деятельности является защита от неправомерных посягательств на... гарантированные Конституцией, другими законодательными актами Приднестровской Молдавской Республики, международными договорами Приднестровской Молдавской Республики социально-экономические, политические, личные права и свободы человека и гражданина».

4. Институт Уполномоченного по правам человека (омбудсмена) был учрежден Конституционным законом «Об уполномоченном по правам человека в Приднестровской Молдавской Республике» от 28 сентября 2005 года в соответствии с Конституцией ПМР в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, их соблюдения и уважения всеми органами власти и их должностными лицами. В текущей ситуации модернизации и дальнейшей демократизации конституционно-правового регулирования государственности ПМР данный институт становится ключевым институтом в деле защиты прав человека и имплементации международно-правовых стандартов в этой сфере. Принципиальную ориентированность

на международно-правовые стандарты мы видим уже в Статье 1 вышеуказанного Закона, где указывается, что Уполномоченный по правам человека, помимо Конституции ПМР, руководствуется **«общепризнанными принципами и нормами международного права»**, а пункты «Г» и «Д» Статьи 2 среди целей государственного контроля за соблюдением конституционных прав и свобод человека и гражданина указывают на **«содействие приведению законодательства Приднестровской Молдавской Республики о правах и свободах человека и гражданина в соответствие с Конституцией Приднестровской Молдавской Республики, международными стандартами в этой области»** и **«улучшение и дальнейшее развитие международного сотрудничества в области защиты прав и свобод человека и гражданина»**.

В то же время, по мнению авторов данного документа, является важным и тот факт, что Приднестровье абсолютно открыто для любого международного мониторинга в области соблюдения гражданских прав и стандартов прав человека. Так, например, с 15 по 17 марта 2006 года в Приднестровье был проведен международный мониторинг Европейского комитета по предупреждению пыток (ЕКПП) и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания в рамках Статьи 7 «Европейской конвенции о предупреждении пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания». В заключительном докладе делегации подчеркивалось, что все встречи с уполномоченными в ПМР курировать пенитенциарную систему прошли в открытой и позитивной атмосфере, а само сотрудничество с делегацией ЕКПП было осуществлено «в полной мере». Кроме того, в отчете указывается о **«динамике в улучшении условия содержания заключенных»** и предлагается местным органам власти сохранять данную динамику, придерживаясь в этих целях *Рекомендаций 2 (2006) Комитета Министров Совета Европы о Европейских тюремных правилах*.

Итак, по нашему мнению, достаточное количество данных свидетельствует о самом серьезном отношении молодого суве-

ренного Приднестровского государства к имплементации международно-правовых норм в сфере защиты прав человека, что, в свою очередь, является самой серьезной заявкой на получение полной международной правосубъектности.

Возвращаясь к проблематике взаимосвязи прав человека и прав общностей, еще раз подчеркнем, что права и свободы отдельного человека теснейшим образом связаны с правами и свободами социальных, национальных и иных общностей. Только через расцвет свобод коллектива, общности возможно обеспечение прав и свобод индивида. Вместе с тем, еще раз утверждаем, что не следует изолировать коллективные права от индивидуальных. В процессе реализации коллективных прав отдельное лицо, входящее в состав того или иного народа, используя свои гражданские и политические права и свободы (право участвовать в выборах, свободу слова, печати, собраний и т.п.), выражает свое отношение к тому или иному вопросу. Мнение большинства, выраженное таким образом, и составляет, в конечном счете, волю всего народа. **Следовательно, коллективными правами может пользоваться как весь народ, вся нация, так и отдельные лица, их образующие.**

В то же время коллективные права имеют свою специфику. Коллективные права (право народа, право нации, право общности, ассоциации), в отличие от индивидуальных, не являются естественными правами, поскольку формируются и кристаллизуются по мере становления интересов той или иной общности или коллектива. Их нельзя рассматривать как сумму индивидуальных прав лиц, входящих в ту или иную общность или коллектив. Они имеют качественно иные свойства, определенные целями и интересами коллективного образования. Однако как бы ни были многообразны эти права, их правомерность должна неизменно проходить проверку человеческим измерением - правами индивида. Коллективные права не должны игнорировать права человека, противоречить либо подавлять их. Если коллективные права ведут к ущемлению прав отдельного человека, значит, цели, объединяющие такую общность, антигуманны и противоправны.

Ценностный смысл выработанного тысячелетним опытом цивилизации набора универсальных прав человека состоит в том, что в них заложен потенциал тех естественных и непреходящих свойств, которые необходимы для нормальной жизнедеятельности человека и человечества в целом. Поэтому коллективные права не могут ранжироваться выше индивидуальных прав, а должны находиться с ними в гармонии, проверяться ими на своего рода «качество».

С другой стороны, международная практика показывает, что в современных условиях экономические и социальные права, право на мир и безопасность, право на удовлетворительную окружающую среду стали такими же неотъемлемыми правами человека, как и его политические и гражданские права. **Такие права человеческой личности могут быть реализованы лишь через коллективные права народов – носителей таких прав, которые, в свою очередь, получают свою правосубъектность путем реализации своего коллективного права на самоопределение.**

В международно-правовых пактах о правах человека нигде не говорится о приоритете прав человека над правами нации, народа. Напротив, как отмечается, например, в *Резолюции №637 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1952 года* именно «**право народов и наций на самоопределение является предпосылкой для пользования всеми основными правами человека**». Коллективные права народов, направленные на экономическое, социальное и культурное развитие народа в целом, укрепляют, таким образом, права и свободы отдельной личности. **Нарушение коллективных прав народов и, прежде всего, неотъемлемого права на самоопределение, неизбежно приводит к нарушению прав и свобод и отдельного человека, что наглядно нам и было продемонстрировано в ходе вооруженной агрессии Республики Молдова против Приднестровской Молдавской Республики в 1992 году.**

Авторы данного документа вновь утверждают, что **права человека рассматриваются в современном международном праве как права если не приоритетные, то, по меньшей мере, равные правам народа. Но права народа – в частности, право на самоопределение – суть всего лишь коллективные права человека. Следовательно, покушения на право народа на самоопределение – это массовые нарушения прав человека.**

По нашему мнению, более конструктивным тут был бы не поиск приоритетов, а выявление и установление оптимальных форм соотношения коллективных и индивидуальных прав, их гармоничного взаимодействия. Необходимо, чтобы во вновь принимаемых международных документах, через признание которых осуществляется защита национальных меньшинств, формулировать и закреплять не только права отдельных лиц, принадлежащих к меньшинству, но и **права самих национально-целостных общностей, обладающих своими особыми потребностями и интересами и поэтому нуждающихся в правовых средствах их защиты.**

Право народов и наций на самоопределение потому и относится к правам человека, что дает гарантию от дискриминации (даже косвенной) личности по национальному (языковому, культурному, образовательному и т.п.) признаку, то есть от национального неравенства, национального угнетения. Разумеется, этот принцип должен проводиться последовательно по отношению ко всем народам, но это уже вопрос демократичности институтов власти, а не вопрос совершенства или несовершенства самого принципа самоопределения народов и наций. Показательным в осознании мировым сообществом необходимости создания системы защиты прав народов является положение одного из посланий недавно ушедшего от нас Папы Иоанна Павла II, в котором сказано о необходимости соблюдать не только права человека, но и коллективные права человеческих сообществ, то есть права народов и этносов.

Авторы данного документа не считают нужным для обоснования своих юридических аргументов в пользу необходимости наделения Приднестровской Молдавской Республики полным объемом международной правосубъектности применять личностный пафос или руководствоваться субъективными эмоциями. Однако объективно следует признать, что при детальном и самом тщательном нашем изучении разнообразных аспектов вооруженной агрессии Республики Молдова против Приднестровской Молдавской Республики 1992 года именно общегуманитарный аспект данной трагедии не мог оставить нас в полной мере хладнокровными и отстраненными юристами-аналитиками. Нарушения прав человека и базовых норм международного гуманитарного права, сопровождавшие военную агрессию Республики Молдова, зверства, чинимые агрессором против мирного населения, равно как и сами значительные жертвы среди мирных граждан Приднестровья – все это вряд ли способствует нейтральному и взвешенному юридическому анализу. Однако именно в таком нашем объективном анализе заинтересованы европейское и мировое сообщество, именно такого анализа требует проблематика Приднестровского урегулирования.

Уже через год после кровавых событий в Приднестровье 28 июня 1993 года был создан **Международный общественный трибунал**, по анализу ситуации с соблюдением норм международного гуманитарного права в ходе вооруженной агрессии Республики Молдова против Приднестровской Молдавской Республики 1992 года. Ведущие ученые юристы-международники из США, России, Швейцарии, Пакистана, Азербайджана, Казахстана зафиксировали многочисленные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженного конфликта в Приднестровье.

Заслушав заявления свидетелей и мнения экспертов, представленных как общественными организациями, так и государственными структурами, ознакомившись с вещественными доказательствами и задокументированными материалами, Международный общественный трибунал отметил, что в ходе вооружен-

ного конфликта в Приднестровье в марте-июле 1992 года были совершены грубые и серьезные нарушения *Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 года и Дополнительных протоколов к ним 1977 года*, равно как и других международно-правовых актов, содержащих гуманитарные нормы международного права. **Со стороны вооруженных формирований Республики Молдова:**

- преднамеренные убийства гражданского населения, включая женщин и детей;
- пытки гражданского населения;
- уничижающие человеческое достоинство обращение (изнасилование женщин, в том числе несовершеннолетних девочек, избивание граждан и т.д.);
- принуждение граждан служить в Вооруженных силах Республики Молдова, под угрозой применения сурового уголовного наказания за отказ;
- взятие заложников из числа лиц, принадлежащих гражданскому населению;
- произвольное и производимое в больших масштабах разрушение зданий, сооружений и имущества, не вызываемое военной необходимостью;
- незаконное присвоение имущества, принадлежащего гражданам, государственным, общественным и частным организациям, не вызываемое военной необходимостью;
- нападение на гражданские объекты, сооружения и установки, в том числе содержащие опасные силы;
- неприменение мер предосторожности при осуществлении и планировании военных операций;
- осуществление нападений на необороняемые местности;
- преднамеренные убийства, пытки и бесчеловечное обращение с военнопленными;
- причинение увечий и избивание военнопленных;
- вероломство;

- неказание мер по погребению мертвых, препятствование захоронению, а также глумление над трупами погибших и замученных;
- преднамеренные убийства раненых и больных, а также пытки и бесчеловечное обращение с ними;
- нарушение прав санитарного персонала.

Практически сразу после окончания кровопролитной фазы приднестровского конфликта были найдены документальные свидетельства о формировании Республикой Молдова двух диверсионно-террористических групп «Бужор» и «Бурундуки» для осуществления убийств и диверсий на территории Приднестровья и о соответствующей преступной деятельности данных групп, что само по себе согласно *пункту «г» Статьи 3 Резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 года «Определение агрессии»* является квалифицирующим признаком акта агрессии: *«г) засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам, или его значительное участие в них».*

Столь же очевидно наличие в сложившейся в 1992 году ситуации и двух других основных признаков вооруженной агрессии, согласно вышеприведенной Резолюции: **«а) вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы территории другого государства или части ее; б) бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства».**

28 июня 1993 года в своем выступлении на Международном общественном трибунале доктор права, профессор, ректор При-

днестровского государственного университета В.Н. Яковлев впервые огласил цифры потерь среди военнослужащих, ополченцев и мирных жителей Приднестровья за период боевых действий по отражению агрессии Республики Молдова против суверенитета и территориальной целостности ПМР: **убитых приднестровцев – 695 человек, из них мирных жителей – 231 человек. Раненых – 2485 человек, из них мирных жителей – 91 человек.** Данные профессора Яковлева были окончательно уточнены и откорректированы в Книги памяти (Белой книге) ПМР. Увы, окончательное число жертв агрессии оказалось еще большим: **всего погибших приднестровцев – 812 человек, из них мирных жителей – 310 человек.**

Согласно пунктам 1 и 2 Статьи 5 Резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 года «Определение агрессии» **«Никакие соображения любого характера, будь то политического, экономического, военного или иного характера, не могут служить оправданием агрессии. Агрессивная война является преступлением против международного мира. Агрессия влечет за собой международную ответственность».** Однако авторы данного документа констатируют, что Республике Молдова уже на протяжении многих лет удается благополучно избегать ответственности за грубые нарушения норм международного гуманитарного права в ходе агрессии 1992 года, равно как и за сам факт данной кровопролитной вооруженной агрессии.

В своем *Заявлении от 29 июня 1993 года* Международный общественный трибунал принял решение обратиться к Генеральному секретарю ООН с просьбой о включении в повестку дня очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН пункта о случаях серьезных нарушений норм международного гуманитарного права (Женевских конвенций и Дополнительных протоколов) в вооруженных конфликтах, протекающих на территории бывшего СССР. А сама Приднестровская Молдавская Республика вправе была, в соответствии с *«Декларацией о принципах междуна-*

ного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций» от 24 октября 1970 года, в порядке осуществления своего права на самоопределение «испрашивать и получать поддержку в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций». Однако, в силу стечения целого ряда обстоятельств, преимущественно неправового порядка, Генеральная Ассамблея ООН проигнорировала как обращение в свой адрес Международного общественного трибунала, так и самой Приднестровской Молдавской Республики.

Авторам данного документа представляется необходимым уточнить ряд аспектов международного гуманитарного права, связанного с *Женевскими конвенциями и Дополнительными протоколами* к ним, в контексте агрессии Республики Молдова против Приднестровской Молдавской Республики 1992 года.

Международное гуманитарное право признает **две категории вооруженных конфликтов**. Различительным признаком служит здесь государственная граница: военные действия между двумя или большим числом государств считаются международным вооруженным конфликтом, а вооруженные столкновения, происходящие внутри одного государства, - немеждународными, внутренними вооруженными конфликтами, часто также называемыми гражданскими войнами. *Женевские конвенции 1949 года*, в основном, регулируют именно международные конфликты, однако в них есть общая для всех *Статья 3*, которая устанавливает ключевые принципы гуманитарного регулирования вооруженного конфликта, не носящего международного характера. Разумеется, что в нашем анализе мы будем справедливо с юридической точки зрения утверждать, что конфликт 1992 года носил именно **межгосударственный характер и был связан с агрессией одного государства против другого**, а значит, что конфликтная ситуация подлежит регулированию полным объемом *Женевских конвенций 1949 года и Дополнительным протоколом №1*,

касающимся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года, регулирующим, в отличии от *Дополнительного протокола №2, касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера от 8 июня 1977 года, именно международные конфликты.* Наша точка зрения на то, что действия сторон в данном конфликте следовало и следует рассматривать исходя из норм именно *Первого дополнительного протокола к Женевским конвенциям*, который посвящен защите жертв международных вооруженных конфликтов, основывается на том, что *пункт 4 Статьи 1* этого Протокола гласит, что к его компетенции относятся **«вооруженные конфликты, в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов в осуществлении своего права на самоопределение, закрепленного в Уставе ООН и Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН».**

Но даже с заведомо неправовой точки зрения наших оппонентов, лицемерно утверждающих о так называемом «внутреннем характере» вооруженного конфликта между РМ и ПМР 1992 года и, соответственно, ограниченном его международно-правовом регулировании (только *унифицированная Статья 3 Женевских конвенций от 12 августа 1949 года и Дополнительный протокол к Женевским конвенциям №2 от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера от 8 июня 1977 года*) мы все же имеем возможность определить тот объем преступлений против принципов гуманитарного права и приднестровского народа, совершенных вооруженным агрессором в 1992 году.

Мы ознакомились с сотнями запротоколированных фактов, наглядно свидетельствующих о грубейшем нарушении со стороны агрессора – т.е. Республики Молдова, конкретных положений *Женевских конвенций и Дополнительных протоколов* к ним. Не

останавливаясь на цитировании столь ужасных свидетельств очевидцев данных преступлений против человечности, мы только обозначим некоторые конкретные нормы международного права, вероломно нарушенные вооруженными подразделениями Республики Молдова в период вооруженной агрессии 1992 года (как по жесткой версии Дополнительного протокола № 1, так и по мягкой версии Дополнительного протокола № 2).

Нарушения в отношении военнопленных

1. Статья 3 Женевской конвенции от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными.

«В случае вооруженного конфликта, не носящего международного характера и возникающего на территории одной из Высоких договаривающихся сторон, каждая из находящихся в конфликте сторон будет обязана применять, как минимум, следующие положения:

1. Лица, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях, включая тех лиц из состава вооруженных сил, которые сложили оружие, а также тех, которые перестали принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения, задержания или по любой другой причине, должны при всех обстоятельствах пользоваться гуманным обращением без всякой дискриминации по причинам расы, цвета кожи, религии или веры, пола, происхождения или имущественного положения или любых других аналогичных критериев.

С этой целью запрещаются, и всегда и всюду будут запрещаться следующие действия в отношении вышеуказанных лиц:

- а) посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности, всякие виды убийства, увечья, жестокое обращение, пытки и истязание,**
- б) взятие заложников,**

с) посягательство на человеческое достоинство, в частности, оскорбительное и унижающее обращение,

д) осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями.

2. Раненых и больных будут подбирать, и им будет оказана помощь...».

2. Статья 13 Женевской конвенции от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными.

«С военнопленными следует всегда обращаться гуманно. Любой незаконный акт или бездействие со стороны держащей в плену державы, приводящие к смерти военнопленного, находящегося в ее власти, или ставящие здоровье военнопленного под серьезную угрозу, запрещаются и будут рассматриваться как серьезные нарушения настоящей Конвенции. В частности, ни один военнопленный не может быть подвергнут физическому калечению или же научному или медицинскому опыту какого бы то ни было характера, который не оправдывается соображениями лечения военнопленного и его интересами.

Военнопленные равным образом должны всегда пользоваться защитой, в особенности от всяких актов насилия или запугивания, от оскорблений и любопытства толпы.

Применение к ним репрессалий воспрещается».

3. Статья 14 Женевской конвенции от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными.

«При любых обстоятельствах военнопленные имеют право на уважение к их личности и чести.

К женщинам следует относиться со всем полагающимся их полу уважением, и обращаться с ними должны во всех случаях не хуже, чем с мужчинами.

Военнопленные полностью сохраняют свою гражданскую правоспособность, которой они пользовались во время захвата в плен. Держащая в плену держава может ограничивать осуществление прав, предоставляемых этой правоспособностью, на своей собственной территории или вне ее лишь в той степени, в какой этого требуют условия плена».

4. Пункт 4 Статьи 17 Женевской конвенции от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными.

«Никакие физические или моральные пытки и никакие другие меры принуждения не могут применяться к военнопленным для получения от них каких-либо сведений. Военнопленным, которые откажутся отвечать, нельзя угрожать, подвергать их оскорблениям или каким-либо преследованиям или ограничениям».

Увы, буквально каждый их выше обозначенных запретов многократно нарушался участниками вооруженных подразделений Республики Молдова. Задokumentированные расстрелы без суда и следствия взятых в плен приднестровцев, нанесение им увечий, оскорбления, нечеловеческие пытки и истязания - все это красноречиво свидетельствует о подлинных намерениях вооруженного агрессора в отношении народа Приднестровья.

Нарушения в отношении мирного населения

Статья 27 Женевской конвенции от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны.

«Покровительствуемые лица (тут речь идет о гражданском населении – авторы) имеют право при любых обстоятельствах на уважение к их личности, чести, семейным правам, религиозным убеждениям и обрядам, привычкам и обычаям. С ними будут всегда обращаться гуманно, и, в частности, они

будут охраняться от любых актов насилия или запугивания, от оскорблений и любопытства толпы.

Женщины будут специально охраняться от всяких покушений на их честь, и, в частности, от изнасилования, принуждения к проституции или любой другой формы покушений на их нравственность.

С учетом положений, касающихся состояния здоровья, возраста и пола, состоящая в конфликте сторона, во власти которой находятся покровительствуемые лица, будет со всеми ими обращаться одинаково, без какой-либо дискриминации, в частности по причинам расы, религии или политических убеждений».

Статья 31 Женевской конвенции от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны.

«Никакие меры принуждения ни физического, ни морального порядка не должны применяться к покровительствуемым лицам, в частности, с целью получения от них или от третьих лиц сведений».

Статья 33 Женевской конвенции от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны.

«Ни одно покровительствуемое лицо не может быть наказано за правонарушение, совершенное не им лично. Коллективные наказания, так же как и всякие меры запугивания или террора запрещены.

Ограбление воспрещается.

Репрессалии в отношении покровительствуемых лиц и их имущества воспрещаются».

Статья 34 Женевской конвенции от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны.

«Взятие заложников запрещается».

Пункт 1 Статьи 51 Женевской конвенции от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны.

«Оккупирующая держава не сможет принуждать покровительствуемых лиц служить в ее вооруженных или вспомогательных силах. Всякое давление или пропаганда в пользу добровольного поступления в армию воспрещается».

Пункты 1 и 2 Статьи 35 Дополнительного протокола №1 1977 года к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов.

«В случае любого вооруженного конфликта право сторон, находящихся в конфликте, выбирать методы или средства ведения войны не является неограниченным.

Запрещается применять оружие, снаряды, вещества и методы ведения военных действий, способные причинить излишние повреждения или излишние страдания».

Пункты 2 и 4 Статьи 51 Дополнительного протокола №1 1977 года к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов.

«Гражданское население как таковое, а также отдельные гражданские лица не должны являться объектом нападений. Запрещаются акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население...

Нападения неизбирательного характера запрещаются...»

Подпункты а, в, с пункта 3 Статьи 85 Дополнительного протокола №1 1977 года к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов.

«В дополнение к серьезным нарушениям, определенным в статье 11, следующие действия рассматриваются как серьезные нарушения настоящего Протокола, когда они совершаются умышленно в нарушение соответствующих положений настоящего Протокола и являются причиной смерти или серьезного телесного повреждения или ущерба здоровью:

а) превращение гражданского населения или отдельных гражданских лиц в объект нападения;

б) совершение нападения неизбирательного характера, затрагивающего гражданское население или гражданские объекты, когда известно, что такое нападение является причиной чрезмерных потерь жизни, ранений среди гражданских лиц или причинит ущерб гражданским объектам...;

в) совершение нападения на установки или сооружения, содержащие опасные силы, когда известно, что такое нападение является причиной чрезмерных потерь жизни, ранений среди гражданских лиц или причинит ущерб гражданским объектам...».

В связи с этим данным и далеко не полным перечнем нарушенных вооруженными подразделениями Республики Молдова и запроотоколированных надлежащим образом норм Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним в отношении гражданского населения ПМР следует, прежде всего, вспомнить массированный обстрел жилых кварталов города Дубоссары из всех видов артиллерии со стороны Республики Молдова, приведший к многочисленным жертвам среди мирного гражданского населения, равно как и бомбардировку Военно-воздушными силами Республика Молдова мирного села Парканы.

По обнаруженным в ходе работы **Международного Общественного Трибунала** данным, 17 мая 1992 года в результате массированного обстрела города Дубоссары из всех видов оружия, включая минометы и ракетные установки, возникла угроза экологической катастрофы: в верхнем блоке дубоссарского во-

дохранилища накопилось более тридцати разлагающихся трупов людей, убитых членами диверсионных вооруженных формирований Республики Молдова, с привязанными к ногам грузами для воспрепятствования всплыванию и обнаружению. Этими трупами была заблокирована сетка, что препятствовало пропуску через нее воды. Данное преступление, в свою очередь, вступает в противоречие с Пунктом 3 Статьи 35 Дополнительного протокола №1 1977 года к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов – **«Запрещается применять методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде».**

Авторы документа в заключении данной главы считают, что волюнтаристски решить национальный вопрос, мгновенно «защитив» права человека «окончательно и бесповоротно», как демагогически утверждается кое-кем и сегодня, невозможно, и, более того, как видим на примере горячих комбатантов Республики Молдова образца 1992 года, чрезвычайно опасно. Этим вопросом следует заниматься чрезвычайно серьезно и постоянно. Нужно своевременно разрешать порождаемые жизнью противоречия и проблемы, не только политического, но социально-экономического характера, не допуская их перерастания в антагонизмы. Вооруженные конфликты неизмеримо легче предотвращать, чем прекращать. От улаживания такого рода конфликтов следует переходить к регулированию межнациональных отношений в планетарном плане, к управлению ими в границах государств. **Правовой основой таких подходов был и остается принцип самоопределения народов и наций в современном, реалистическом его толковании. А ООН должна максимально использовать для этого все имеющиеся политико-дипломатические возможности и сохраняться в качестве единственной организации, дающей санкции на применение силовых методов.**

РАЗДЕЛ II

Международная правосубъектность ПМР – вопросы теории и практики формирования

Глава 6

Международно-правовое признание ПМР: теоретические и прикладные аспекты проблемы

Авторы данного документа исходят из того, что бесконечное словесное жонглирование оппонентами приднестровской независимости категориями «непризнанное государство» и «самопровозглашенное государство» обуславливает для нас необходимость самым серьезным образом углубиться в проблематику международно-правового признания государств. Приднестровский контекст так называемой «непризнанности», разумеется, не является абсолютно уникальным феноменом для международного сообщества. Более того, нам следует утверждать, что весьма значительное количество, если не абсолютное большинство ныне суверенных государств, так или иначе, после обретения своего государственного суверенитета, находились еще довольно длительное время в состоянии «непризнанности». А целому ряду государств древнего мира так никогда и не удалось в своей истории получить статус «признанных» из-за полного отсутствия вокруг даже потенциальных субъектов такого признания. Было бы довольно странным требовать, например, от весьма диких и далеких от формирования своей полноценной государственности нубийских племен международно-правового признания соседнего полноценного Древнеегипетского государства.

Однако существующая система международного права со всей очевидностью требует современных методологических разработок и нахождения единых универсальных алгоритмов в области анализа и применения категории «признание». Следует

констатировать, что и по сей день на международно-правовом уровне институт признания до сих пор не кодифицирован. Хотя некоторые шаги в этом направлении все же предпринимались. Еще в 1949 году Комиссия международного права ООН включила вопрос о признании государств и правительств в список тем, подлежащих первоочередной кодификации, однако эта проблема так и не получила своего разрешения.

На сегодняшний день так называемых «непризнанных» или «самопровозглашенных» государств уже насчитывается около полтора десятка. Есть среди них вполне устойчивые, такие как Тайвань, Северный Кипр или Приднестровская Молдавская Республика. Есть вполне экзотические, например, самопровозглашенная Маркеталия на территории Колумбии. Провозгласили свое отделение от Индии и существуют в автономном режиме Нагаленд и Манипур. В свою очередь, 14 февраля 2006 года свое отделение от Пакистана провозгласила Исламская Республика Вазиристан. Не устают заявлять о своем суверенитете национальные меньшинства в Бирме. «Тигры» Тамил Илама в Шри Ланке также считают ареал расселения тамилы независимым государством. Подобные образования есть и в Индонезии: Республика Южно-Молуккских островов, Республика Ачех и Свободное Папуа. Бывшее государство Сомали фактически распалось на две непризнанные республики: Пунталенд и Сомалиленд. Территориально недалеко от них существует считающая себя независимой Западная Сахара. Как бы то ни было, но сам факт существования проблемы непризнанных государств подтверждает наличие определенного внутреннего противоречия, несогласованности некоторых ключевых положений системы международного права.

Сугубо теоретически, под признанием мы можем понимать односторонний добровольный акт государства или определенного полномочного международно-правового органа, в котором прямо или косвенно они заявляют либо о том, что рассматривают другое государство как субъект международ-

ного права и намерены поддерживать с ним официальные отношения. В виду наличия множества разнообразных определений категории «признание» сущность данного института остается весьма туманной, на что, впрочем, постоянно обращали внимание юристы-международники, квалифицируя его как «неуловимый», «сомнительный» и даже «великий неизвестный». До сегодняшнего времени единства по этому вопросу не существует, возможно, из-за того, что международно-правовое признание как никакой другой институт связан с текущими политическими проблемами, то есть с достаточно динамичными интересами существующих государств на внешней арене, в том числе и за счет вновь возникающих субъектов. Посредством акта признания государство соглашается с соответствующими изменениями в международном правопорядке и международной правосубъектности. Признание, в частности, констатирует выход на международную арену нового государства и направлено на установление между признающим и признаваемым государствами правоотношений, характер и объем которых зависит от вида и формы признания.

Разумеется, признание государства непосредственно связано как с его международной правосубъектностью, так и с ее объемом. В науке международного права существуют весьма разнообразные суждения о значении признания для нового государства, а в международной практике - совершенно различные правовые решения, отражающие ту или иную доктрину признания.

Исторически в международном праве сложились две теории признания – декларативная и конститутивная.

Декларативная теория традиционно исходила и исходит из того, что государство является субъектом международного права с момента своего возникновения в силу самого факта своего суверенного существования, то есть рождение нового государства и появление нового субъекта международного права – процессы одновременные. Тут само по себе появление на между-

народной арене нового государства как социального организма позволяет считать его субъектом международного права, если образование государства произошло в соответствии с правом наций на самоопределение и другими общепризнанными принципами международного права. То есть, признание, собственно, не наделяет государство международной правосубъектностью. Оно лишь констатирует такую правосубъектность и способствует вхождению нового государства в систему межгосударственных отношений. В этой связи часто цитируют Наполеона Бонапарта, сказавшего: «Франция, как Солнце, не нуждается в признании». На вновь возникшее государство автоматически распространяется действие норм общего международного права. Разумеется, при этом, новое государство само должно признавать и соблюдать эти нормы. Так, например, в уже упоминаемой *Статье 9 Устава Организации американских государств* указывается, что **«политическое существование государства не зависит от признания его другими государствами. Даже до своего признания государство имеет право на защиту своей целостности и независимости, на обеспечение своей безопасности и процветания...»**. Как последовательные демократы и последовательные сторонники реализации права всех народов нашей планеты на свое самоопределение авторы данного документа являются приверженцами именно данной демократической международно-правовой теории признания государств – декларативной теории.

Конститутивная теория традиционно базировалась и базируется на противоположном постулате, согласно которому возникновение государства не равнозначно возникновению субъекта международного права; таковым оно становится только после получения признания со стороны других государств. Таким образом, данная теория ставит международную правосубъектность государства в зависимость от его признания другими государствами. Признание, таким образом, «конституирует» государство в качестве субъекта международного права. Из данной

концепции, например, исходил **Парижский конгресс 1856 года**, утверждая зависимость выхода государства на международную арену от согласия ведущих держав. Именно таким путем Турция на этом конгрессе была «допущена» к сотрудничеству с ведущими европейскими странами. Хорошо известна ситуация вокруг значительно затянувшегося в свое время признания возникшего в 1922 году СССР. До сих пор не утихают политические и международно-правовые дискуссии относительно затянувшегося на долгие годы признания возникшей в 1949 году Китайской Народной Республики, которое, в свою очередь, породило проблематику фактического отказа в признании признанного ранее субъектом международного права Тайваня.

Авторы данного документа считают существенным тот факт, что данная конститутивная теория, к сожалению, весьма часто в истории международного права была использована для оправдания произвола и вмешательства во внутренние дела вновь возникших государств со стороны ведущих государств мира, получающих монополию на признание или непризнание новообразованных государств. Отсюда часто вытекала и вытекает излишняя политизация данного вопроса в ущерб четкому следованию нормам и принципам международного права, равно как и политика двойных стандартов, где подчас в аналогичных ситуациях принимались совершенно разные по своей смысловой нагрузке решения. Совершенно очевидно, что и проблематика независимости молодого Приднестровского государства в рамках данной теории не могла не попасть под прицел сугубо неправовых и политизированных соображений ведущих мировых игроков. Исходя из своих геополитических соображений в начале 90-х годов против суверенной независимости Приднестровской Молдавской Республики выступили как представители Европейского Союза и США, так и Российская Федерация, обусловившая свое внешне лояльное отношение к ПМР категорическим отказом в ее международно-правовом признании.

Разумеется, и «непризнанное» государство имеет возможность в определенной мере осуществлять свою правосубъектность, участвовать в многосторонних или двухсторонних конференциях, договорах, международных организациях. Данный тезис наглядно подтверждает реализация своей международной правосубъектности Приднестровской Молдавской Республикой, что будет нами детально проанализировано в следующей главе документа. Причем не будем забывать того, что, **устанавливая норму о том, что членом ООН может быть только государство, Устав ООН не требует, чтобы этому обязательно предшествовало его признание.** Вместе с тем, прием непризнанного государства в международную организацию также не означает его признания со стороны тех государств, которые голосовали за его принятие, а лишь подтверждает, что оно является субъектом международного права с момента своего возникновения. В данном контексте от противного чрезвычайно показательной является международно-правовая практика Великобритании, которая признала в одностороннем порядке КНР, однако при этом еще долгое время всячески препятствовала ее полноценному вхождению в Организацию Объединенных Наций и восстановлению законных прав правительства КНР.

Не создавая государства в качестве субъекта международного права, признание констатирует наличие юридического факта, связанного с появлением нового государства. Признание, таким образом, все же позволяет государству наиболее полно участвовать в создании и обеспечении международно-правовых норм. По мнению авторов данного документа, во **второй половине XX века в международном праве безоговорочно доминировала декларативная доктрина признания. Именно данная доктрина сыграла свою ключевую роль в деле фиксации результатов нескольких волн антиколониальных революций и обретения своей независимости значительным числом государств.**

Однако в последнее время, на наш взгляд, в практике международного общения наметилась определенная тенденция воз-

врата к конститутивной теории, когда непризнание новых государств со стороны ведущих держав мира означает фактическое невключение их в круг субъектов международного права. Разумеется, данное обстоятельство во многом обусловлено распадом Югославии, СССР, равно как и изменением соотношения геополитических сил на международной арене. Однако следует отметить, что собственно юридических алгоритмов или юридически аргументированных оснований для массового возврата к конститутивной теории мы пока не имеем. Более того, исходя из данной весьма политизированной конститутивной доктрины признания поиск каких-либо универсальных, то есть максимально независимых от текущих геополитических интересов тех или иных ведущих держав, моделей или алгоритмов международно-правового признания, практически невозможен.

Действительно, в рамках конститутивной теории признания государств остается ряд совершенно безответных на данный момент времени практических вопросов и не разрешенных общетеоретических проблем.

1. Как показывает практика, **государства могут вполне комфортно существовать и вступать в те или иные контакты с другими государствами и без официального признания.** Так, например, вполне стабильно существует и динамично развивается суверенное африканское государство Сомалиленд, пока непризнанное международным сообществом с **точки зрения конститутивной теории признания.** Но исходя из декларативной теории признания, в которой принято считать, что признание является обоснованным в том случае, если признаваемое государство эффективно осуществляет власть на территории страны или на большей ее части и контролирует в целом ситуацию в стране, Сомалиленд имеет куда больше оснований быть признанным, нежели де-факто уже не существующее как единое, но признанное международным сообществом государство-участник ООН Сомали. Следует тут также указать на то, что с Сомалилендом активно работает Израиль, разумеется, не объявляя об офи-

циальной поддержке бывшего британского протектората. Естественно, и сама Великобритания «работает» со своими бывшими подданными. Факт юридического признания, как видим, здесь тоже не является ключевым.

Юридически не признавая Тайвань, после того как КНР стала полноправным членом ООН, США фактически узаконили свои с Тайванем политические и экономические отношения специальным *Законом «О защите демократии»*, равно как и развивают свои гуманитарные и экономические программы в пока непризнанной международным сообществом Нагорно-Карабахской Республике.

Абсолютно стабильной и прогнозируемой выглядит ситуация в анализируемой нами и временно непризнанной международным сообществом Приднестровской Молдавской Республике.

2. Признание полноправными субъектами международного права таких образований, которые объективно не могут быть ими, например, экстерриториальный Мальтийский рыцарский орден, также значительно подрывает авторитетность конститутивной теории признания государств. В данном случае речь может идти даже о некоем квазиконститутивном признании, в рамках которого придается некая видимость приобретения качества, которое признающее государство желает видеть у признаваемого субъекта. Мальтийский орден, имеющий свою штаб-квартиру в Риме и занимающийся благотворительной деятельностью, был признан суверенным образованием еще в 1889 году. Он имеет дипломатические отношения со многими государствами, однако ни своей территории, ни населения у ордена нет. Его суверенитет и международная правосубъектность – пример правовой фикции. Самые благие пожелания и намерения, разумеется, не могут послужить оправданием с точки зрения международного права абсурдности подобных квазиконститутивных признаний.

3. И, наконец, отсутствие какого-либо четкого ответа на вопрос «Какое количество признаний необходимо для того чтобы то или иное суверенное государство получило полный объем своей международной правосубъектности?», то есть определение перехода количества признаний в некое «качество признанности», по мнению авторов данного документа, является сейчас наиболее уязвимым местом этой теории. Как известно, турецкую республику Северный Кипр официально признала одна только Турция. В то же время это абсолютно не мешает Северному Кипру в последнее время вполне динамично развивать свои экономические отношения, например, с юридически непризнающим его Азербайджаном. Однако, безусловно, хрестоматийным примером данной уязвимости конститутивной теории признания выступает все тот же Тайвань.

Данный прецедент возник в 1971 году, когда абсолютно полноправный до этого и признанный ключевыми западными державами член международного сообщества Тайвань, перестав быть членом ООН, начал неуклонно терять международное признание. Меньше чем за десять лет процесс был практически завершен: сегодня Тайвань формально сохраняет дипломатические отношения с 26 маловлиятельными странами (исключение составляет весьма влиятельный Ватикан), но повсеместно воспринимается и по всем признакам на самом деле является непризнанным государством. **Разумеется, что этот странный феномен принято объяснять тем, что ни одна из великих держав не признает Тайвань в качестве государства, то есть, как видим, исключительно с точки зрения конститутивной теории признания.**

В принципе тут, однако, уместно и даже более актуально другое объяснение: Тайвань лишен международного признания, потому что не состоит в ООН. В настоящее время трудно ожидать, что какая-то из великих держав вдруг решится по собственной инициативе снова признать Тайвань. Нетрудно зато представить, как большинство великих держав сделают именно это, когда если и Тайваню удастся вернуться в ООН.

Возможно, где-то в данном направлении и следует искать вариант будущего алгоритма международно-правового признания.

Пока, действительно, международное право не дает однозначного ответа на способы международно-правовой легитимации и легализации фактически существующих в течение длительного времени государств. Данное обстоятельство указывает на определенные кризисные тенденции, которые существуют в таком институте социальных отношений как международное право, которое в данных обстоятельствах, фактически, не способно выполнять свою основную функцию – регулятивную.

Достаточно распространенные в последнее время попытки соединения декларативной и конститутивных теорий признания государства, к сожалению, лишь оправдывают политику двойных стандартов в этом вопросе. Они наилучшим способом позволяют ведущим мировым игрокам осуществлять своеобразную неправоую и несправедливую эквилибристику, в одних случаях, формируя свою позицию по признанию того или иного государства на аргументах декларативной теории признания, а в других, аналогичных по сути случаях, оправдывая непризнание, вытаскивать из запасников аргументы конститутивной теории. Весьма показательна в данном контексте мысль бывшего **Генерального Секретаря ООН Бутроса Гали** о том, что если бы Объединенные Нации согласились с признанием независимости всех тех стран, которые хотят стать независимыми, то уже через полгода число членов ООН, которое сегодня составляет 185, достигло бы 400, то есть увеличилось бы более чем в два раза. Как видим, господина Гали тут волнует исключительно технический вопрос проблемности увеличения численности государств, а вовсе не реализация угнетенными народами их права на самоопределение. Нам же гораздо белее важно проанализировать соответствие такой технократической позиции, которую исповедует господин Гали, базовым нормам и принципам международного права.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что международное право, сформулированное в значительной мере в эпоху ялтинско-потсдамских и хельсинских согла-

шений XX века, в настоящее время, во многом перестает отражать социальные реалии и нуждается в серьезной модернизации. Как уже отмечалось нами ранее, блестяще справившись с юридическим обеспечением нескольких волн антиколониальных революций 50-60-х годов XX века, международное право оказалось абсолютно не подготовленным к распаду СССР и Югославии на европейском континенте, равно как и к распаду Сомали в Африке. Оно оказалось, с одной стороны, заложником в руках ведущих геополитических игроков, а с другой стороны, невольной марионеткой в их руках, где действие международно-правовых норм определялось не смысловым их наполнением, а интересами или, в крайнем случае, балансом интересов ведущих мировых игроков в ущерб справедливым чаяниям освободившихся народов. В этом смысле можно утверждать, что проблема «непризнанных» государств является не только политической, практической и правовой, но и научно-политической, научно-практической, научно-правовой.

Авторы данного документа считают, что стратегия разрешения «замороженных» конфликтов вокруг «непризнанных» государств, их легитимации, легализации должна основываться на определенной научной доктрине, которую необходимо разработать, используя уже существующие теоретические документы в этой области. Разумеется, универсальные критерии признания новых государств и механизм их применения появятся очень не скоро, но это не означает, что уже сейчас нельзя самым решительным образом реанимировать работу международного сообщества в данном направлении. Ведь речь, в сущности, идет о крупнейшей с 1945 года реформе системы управления международными отношениями, требующей согласования интересов десятков государств. Нам очевидно, что реформа назрела. Это, однако, совсем не означает, что у международного сообщества в самое ближайшее время все же хватит зрелости и политической воли за нее приняться. Достаточно посмотреть, в каком глухом

тупике находится, например, давно обсуждаемая реформа ООН, чтобы понять, как непросто даются международному сообществу едва ли не любые осознанные перемены.

Между тем время не ждет: проблема так называемых «непризнанных» государств существует уже сегодня. Что с ней делать? Иными словами, что делать с уже возникшими «непризнанными» государствами? И что делать самим этим государствам? Авторы данного документа тут хотят высказать несколько мыслей в направлении возможного разрешения выше обозначенной проблемы:

1. Возможно, в самом начале теоретического и практического разрешения проблемы «непризнанных» государств следует изучить **вопрос о фиксации в рамках международно-правовых норм некоего специального временного международного статуса для таких государств.** Смысл предоставления некоего временного международно-правового легального статуса пока еще в полной мере непризанному государству заключается в том, чтобы по возможности предотвратить его вероятную криминализацию. Последняя же рано или поздно может возникнуть как следствие пребывания «непризнанного» государства вне действия международного закона. В данный момент времени для временной и частичной легализации «непризнанных» государств до настоящего времени в основном используется международно-правовой статус так называемого **«восставшего района»** (area in revolt). По нашему мнению, такое нарочито «одномерное» наименование статуса, очевидно, нуждается в уточнении. Однако сам этот статус, предполагающий наличие у его носителя большинства признаков государства – способности управлять подконтрольной территорией через орган правительственного типа, поддерживать цивилизованные отношения с внешним миром, а главное, способности отвечать за свое поведение – выглядит вполне эффективным, если не оптимальным на то время, пока соответствующие органы международного сообщества рассматривают вопрос о формах и методах полноценного признания данного суверенного государства.

А что пока делать самим «непризнанным» государствам? Ведь они не могут должным образом влиять на темпы и методы разрешения мировым сообществом данной проблемы. Вероятно, уже сейчас данные государства должны принять для себя такую форму внутреннего устройства и такую модель внешнего поведения, которые бы наиболее благоприятным образом воздействовали на международное сообщество в плане ускорения принятия им единственно правильного решения в контексте признания того или иного временно «непризнанного» государства.

Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к опыту Приднестровской Молдавской Республики, одного из самых эффективных и ответственных временно непризнанных государств мира. Уникальный опыт Приднестровья, как представляется, дает отчасти ответ на поставленный вопрос: что делать самим «непризнанным» государствам? Этот ответ прост – **брать пример с Приднестровья, учиться быть суверенным государством, преодолевать нездоровые инстинкты и иждивенческие настроения, проявлять здоровый прагматизм, последовательно имплементировать во внутреннее законодательство нормы и принципы международного права. Приднестровью также удалось еще на данной стадии «непризнанного» государства достичь полной гармонизации отношений между населяющими ее тремя основными этносами (молдаване, украинцы, русские) и подойти к моменту своего признания с полностью сформированным единым народом и единой политической нацией – приднестровцы.**

Понятно, что никакие успехи Приднестровской Молдавской Республики или ее возможных последователей из числа «непризнанных» государств нового поколения при существующем положении вещей явно не гарантируют никому из них автоматического международного признания. Но, с другой стороны, только такие успехи дают им шанс достичь поставленной цели.

2. По нашему мнению, опыт, приобретенный международным сообществом при решении вопросов о признании Восточного Тимора и Эритреи, вполне может быть использован для внесения поправок в Устав ООН. Данные поправки позволили бы именно этому главному органу управления международными отношениями взять на себя миссию признания новых государств на основе единых для всех критериев. Во всяком случае, мы не исключаем именно такой результат кодификации международно-правовых норм в сфере проблематики международно-правового признания.

3. Другой не менее, а возможно и более продуктивный вариант мог бы состоять в том, чтобы передать решение вопросов признания новых государств Международному суду ООН, также с внесением поправок в его Статут и Регламент. В идеале любое государственное образование, претендующее на признание в качестве государства, должно иметь право обратиться в независимый и беспристрастный международный орган с просьбой о вынесении решения по существу своих претензий. Соответственно решение упомянутого международного органа о признании или о непризнании нового государства должно, очевидно, быть обязательным не только для всех членов международного сообщества, но и для международного сообщества в целом. Последнее особенно важно: если вердикт о признании нового государства обязателен, то по логике вещей за ним должен последовать прием нового государства в ООН. В этом контексте прием государства в ООН будет выглядеть как высшая и универсальная форма его международного признания.

А каковы же критерии или базовые характеристики, необходимые для того, чтобы то или иное временно «непризнанное» государство могло с большой долей вероятности рассчитывать на свое признание? **По нашему мнению, таких основных критериев три:**

- 1. Критерий эффективности.**
- 2. Критерий соответствия воли народа.**
- 3. Критерий выполнения международных обязательств.**

Эффективность властвования есть не что иное, как фактическое осуществление власти в государстве к моменту его признания. Критерий эффективности самым жестким образом увязывается с критерием соответствия сформировавшейся государственной власти суверенной народной воле. Лишь правительство, выражающее волю народа и эффективно осуществляющее свою власть, имеет право требовать от участников международно-правового общения своего признания. А критерий выполнения международных обязательств как раз выводит нас на проблематику имплементации базовых норм международного права в текущее законодательство временно непризнанного государства, что было нами детально рассмотрено в предыдущей главе документа в контексте Приднестровской Молдавской Республики.

Авторы данного документа в отношении ПМР все же считают категории «непризнанное государство» или «самопровозглашенное государство» неточными, и в своей теоретической и практической сфере используют более точное определение – **«государство de facto»**. По нашему мнению **понятия «самопровозглашенного государства», «непризнанного государства» и «государства de facto» следует строго разграничивать**. И это разграничение имеет не только сугубо теоретическое, но и прикладное значение.

«Самопровозглашенное государство» – это образование, которое само себя провозгласило, но не более того. Оно не сумело создать полноценные институты власти, организовать эффективный контроль над обозначенной в качестве «своей» территории. Примеры таких образований только на территории бывшего Советского Союза в эпоху его распада можно приводить десятками.

«Непризнанное государство» – это образование, прошедшее хотя бы и краткий период становления государственности, который завершился ее провалом либо силовой ликвидацией. На наш взгляд, к таковым можно отнести не сумевшую создать эффективные органы власти и управления Биафру в Нигерии, хорватскую Республику Герцег-Босна на территории Боснии и Герцеговины. К этой же группе можно отнести, например, Республику Сербская Краина и Республику Сербская, которые создали относительно полноценные органы власти и управления, но были ликвидированы в результате внешнего вмешательства.

И, разумеется, к категории «непризнанных государств» нельзя отнести Тайвань, который признали 26 суверенных субъектов международного права, или Западную Сахару (Сахарскую Арабскую Республику), признанную более 40 странами. Эти государства не признаны ООН, но имеют вполне солидное, во всяком случае, в количественном отношении, политическое признание.

«Государства de facto» – иное дело. Эти образования не просто были провозглашены. Они существуют в течение длительного времени, демонстрируя уверенную и стабильную внутри- и внешнеполитическую динамику. Таким образом, **«государства de facto» – это не какие-то пиратские республики, отдельные неподконтрольные территории, а стабильные и состоявшиеся государства в подлинном смысле этого слова.** С одним только исключением – их суверенитет не признан мировым сообществом и отдельными его представителями. Именно к этой группе государств относится уже отметившая свое 16-летие Приднестровская Молдавская Республика, равно как и Тайвань, Западная Сахара, Северный Кипр.

Итак, как уже указывалось нами выше, **согласно демократической декларативной теории признания, государство становится субъектом международного права в силу самого факта своего появления в качестве суверенного государства.**

Но вместе с тем было бы неверным отрицать важные международно-правовые последствия, которые влечет за собой акт признания. Не конституируя само по себе нового государства, признание имеет большое как политическое, так и юридическое значение. Признание облегчает существование нового государства, ведет к нормализации политических и экономических отношений с другими государствами, выводит это новое государство из международной изоляции. Признанному государству легче в полной мере реализовать свою международную правосубъектность как следствие обретения им суверенитета. В свою очередь, недемократическая конститутивная теория сознательно принижает значение вестфальского государственного суверенитета, как неотъемлемого свойства любого государства (в том числе и государства *de facto*) как субъекта международного права, ставит его возникновение в зависимость от желания, воли, а то и произвола других государств.

Авторы данного документа настаивают на том, что каждое новое государство имеет право на международное признание. Это вытекает из Устава ООН, его принципов как основных принципов современного международного права, согласно которым все государства обязаны развивать дружественные отношения между собой, уважать принципы суверенного равенства и самоопределения народов. Международно-правовое признание не должно использоваться в качестве орудия давления и вмешательства во внутренние дела в отношении тех, кому оно предназначено. Отказ от признания новых суверенных государств, всякий нажим на другие государства с целью заставить их не признавать независимое государство, заинтересованное в признании, несовместимы с международными принципами мирного сосуществования государств.

Какие же формы международного признания существуют на данный момент? На данный момент существуют две формы официального признания государств: де-факто (*de facto*) и де-юре

(de jure). Различие между ними заключается в объеме правовых последствий, которые они за собой влекут для признающего и признаваемого в их взаимных отношениях: при признании де-факто объем наступающих правовых последствий уже. Тем не менее, обе данные формы признания являются юридическими, поскольку влекут за собой определенные правовые последствия для признаваемой стороны, хотя и в разном объеме. Следует отметить, что никаких точных и универсальных ориентиров и тем более норм, определяющих это различие или основания для использования одной или другой формы признания, нет. Практика показывает, что в основе их использования лежат, увы, исключительно политические и геополитические соображения ведущих держав мира, еще раз подтверждая старую мысль о том, что признание – правовой институт с весьма резко выраженной политической направленностью его действия.

1. Признание де-юре – признание полное и окончательное. Оно предполагает установление между субъектами международного права международных отношений в полном объеме и сопровождается, как правило, заявлением об официальном признании и установлении дипломатических, консульских и других официальных отношений. Практика государств выработала определенные способы оформления полного юридического признания. Оно, как правило, является выраженным, что означает фиксацию признания и желание установить дипломатические и иные связи непосредственно в официальном документе.

2. Признание де-факто – особая юридическая форма признания. Оно является неполным, так как возникающие отношения между признающим и признаваемым государствами не доводятся до уровня дипломатических отношений. Признание де-факто – это, своего рода, выражение неуверенности в том, что данное государство достаточно долговечно или жизнеспособно. В случае признания де-факто, могут устанавливаться только консульские или торгово-экономические отношения с признаваемым

мой стороной, а весьма часто могут не устанавливаться даже такие формы отношений. Как правило, данный вид признания носит временный и переходный к признанию де-юре характер. Принято считать, что признание де-факто носит скорее политический, нежели правовой характер, поскольку выражает реализацию тактических соображений уже существующих государств по отношению к вновь возникающему образованию. Разумеется, этой формой также пользуются, когда хотят подготовить почву для установления отношений между государствами либо когда государство считает признание де-юре преждевременным. Следует также отметить, что признание де-факто открывает огромный простор для произвольного определения его последствий. Неслучайно ведущие мировые игроки в своей внешнеполитической деятельности не решаются расстаться с признанием де-факто как с весьма гибким дипломатическим орудием и предпочитают его сохранить в качестве резерва (например, взаимоотношения США и Тайваня).

3. Признание «ad hoc» (разовое, на данный случай, в данной ситуации, по конкретному делу) – признание не юридическое, а фактическое, неофициальное. Оно осуществляется в форме постоянных или эпизодических контактов, как на правительственном, так и неправительственном уровнях. Как правило, тут государства вступают в официальный контакт друг с другом вынужденно, для решения каких-либо конкретных вопросов, но, вместе с тем, либо обоюдно не желают официально и юридически признавать друг друга, либо это нежелание наблюдается только у одной стороны данных правоотношений. Иногда целью таких контактов может быть даже заключение международных договоров. Например, четыре участника переговоров об окончании войны во Вьетнаме (США и три вьетнамские стороны) подписали в 1973 году известные Парижские соглашения, хотя некоторые из них друг друга не признавали. Разумеется, отсутствие признания в таких случаях не должно отражаться на юридической силе договора.

Авторы данного документа считают, что ни в коем случае нельзя недооценивать значение такой формы международно-правового признания как признание «**ad hoc**». **Данная форма признания хотя и не влечет за собой выходящих за рамки «данного случая» правовых последствий, но в каждом таком конкретном случае, во-первых, осуществляется вступление в правовые отношения с «непризнанным» государством как с полноценным субъектом международного права, а во-вторых, результатом данного разового взаимодействия, как правило, являются долгосрочные и общеобязательные международно-правовые документы.**

Не будем также забывать, что международно-правовое признание Приднестровской Молдавской Республики также начиналось с весьма умеренной формы признания «**ad hoc**» в 1992 году во время борьбы за прекращение вооруженной агрессии со стороны Республики Молдова. Даже суверенные границы Приднестровского государства де-факто, фактически, были имплементированы в структуру международного права через «**ad hoc**» соглашения о прекращении огня. Полноценные международно-правовые соглашения, в том числе и с Республикой Молдова, которые вывели ситуацию вокруг признания ПМР с признания «**ad hoc**» на юридическое признание «**de facto**», были заключены только через несколько лет после первых вынужденных форм «**ad hoc**» признания образца 1992 года.

Данные соглашения о прекращении огня не имеют предельного срока действия и ни одна сторона не вправе денонсировать их. Для авторов данного документа является очевидным, что принцип запрета на угрозу силой или ее применения может и должен быть отнесен в равной степени также и ко всем стабильным де-факто государствам. Однако практика показывает, что мало просто провозгласить тот или иной принцип – надо еще сделать так, чтобы он действовал. В случае военного нападения **Статьей 51 Устава ООН** и процедурой, установленном в **Главе VII Устава ООН** предусмотрено неотъемлемое право на самооборону.

В случае вооруженного нападения государство, подвергшееся агрессии, вправе применить силу в целях законной самообороны. Формулировка «**неотъемлемое право**» указывает на то, что право на самооборону является нормой обычного права и, таким образом, применяется ко всем государствам.

Следует указать, что не у всех государств де-факто на постсоветском пространстве наблюдалась столь позитивная динамика движения от «**ad hoc**» признания до признания «**de facto**». В случае с Нагорным Карабахом, например, заключив в мае 1994 года соглашение о прекращении огня, Азербайджан признал необходимость участия Нагорно-Карабахской Республики в подписании данного соглашения. Последующее исключение Нагорного Карабаха из числа участников переговорного процесса по урегулированию данного регионального конфликта создало беспрецедентно абсурдную ситуацию, когда одна из сторон признает военную правосубъектность оппонента, но в то же время не ведет с ним переговоры, не признавая его политическую правосубъектность в послевоенный период.

Нам абсолютно очевидно, что проблема так называемых «непризнанных государств» (государств **de facto**) – важный показатель сегодняшней способности ООН и ОБСЕ содействовать решению «замороженных конфликтов» не насилием, а путем переговоров и политико-правового регулирования. Последнее возможно лишь в условиях гарантированного невозобновления военных действий и укрепления мер доверия между сторонами конфликта при активном участии самих де-факто государств. Но главное в рамках данной проблематики, как мы уже говорили, международному сообществу необходимо вернуться к скорейшей выработке правовых критериев признания всех существующих на Земле государств **de facto**, народы которых реализовали свое неотъемлемое право на самоопределение.

Проблема Приднестровья, как и других так называемых «непризнанных *de jure*» в дипломатическом отношении государств *de facto*, представляет собой совокупность взаимосвязанных по-

литических, экономических и правовых вопросов. Понятно, что успешное развитие фактических отношений в любой сфере международного сотрудничества все равно требует наличия развитой международной правовой базы. Так или иначе, такая правовая база международной правосубъектности Приднестровской Молдавской Республики постепенно формируется. В качестве примеров мы можем привести межпарламентское сотрудничество, международное сотрудничество в сфере образования, в сфере экономической интеграции, в правоохранительной сфере и т.д. Все эти виды сотрудничества основываются на договорах, соглашениях, протоколах, указах, распоряжениях, то есть на юридических документах, которые нами будут подробно проанализированы в контексте международной правосубъектности ПМР в следующей главе документа.

Но уже сейчас авторы данного документа готовы предложить некую модель трансформации международно-правового признания государств *de facto* в сторону полноценного разрешения вышеобозначенной проблемы.

По нашему мнению, целесообразно теорию признания так называемых «непризнанных» государств рассматривать не в качестве трехзвенной: «*ad hoc*» – «де-факто» - «*de jure*», которая ныне существует, а в качестве четырехзвенной. Эти четыре звена признания выглядят следующим образом: «*ad hoc*» – «де-факто» – «*de jure*» – дипломатическое признание.

Принципиальным моментом здесь является тот содержательный момент, что признание «*de jure*» и дипломатическое признание разделяются. Признание «*de jure*» означает, что государство, которое является членом ООН рассматривает свои отношения с государством, которое не является членом ООН как с признанным, во всей возможной совокупности правовых отношений на двусторонней основе, не открывая в тоже время официального дипломатического представительства. В то же время применение принципа признания «*de jure*» существенно облегчит процесс внешней легитимации «непризнанных» государств,

развитие контактов с ними в любой сфере на двусторонней основе.

Таким образом, по мнению авторов данного документа, является очевидным, что главное препятствие для интеграции *de facto* государств в состав международного сообщества – это именно фактический, а не имитационный характер их государственности. Спустя 16 лет после распада Советского Союза, эти образования начинают впервые восприниматься не только в качестве последствий этнополитических конфликтов на территории постсоветского пространства, но и как самостоятельные политические сущности.

В связи с этим представляется необходимым, во-первых, постараться убедить ведущих мировых лидеров в том, что *de facto* государства являются жизнеспособными образованиями, а во-вторых, что существование *de facto* государств есть сам по себе стабилизирующий фактор. Разрушение их инфраструктуры будет гораздо большей проблемой, чем их существование.

Глава 7

Международная договорная правосубъектность ПМР: ключевая форма фиксации юридического признания «de facto»

Разумеется, что прозвучавший ранее тезис авторов данного документа о том, что молодая государственность Приднестровья прошла в своем развитии путь от разовой формы признания со стороны Республики Молдова «ad hoc» и до юридической формы признания «заслуживает более пространный анализ. По нашему мнению, именно аспекты международной договорной правосубъектности ПМР являются ключевыми и базовыми для подтверждения правоты вышеизложенного тезиса. Ибо только стабильные и динамично развивающиеся международно-договорные отношения могут зафиксировать тот непреложный факт, что вынужденная форма разового признания международной правосубъектности ПМР образца 1992 года со стороны потерпевшей поражение в военной агрессии против Приднестровья Республики Молдова постепенно сменилась полноценной юридической формой признания «de facto», причем уже не только со стороны сопредельного государства. Первоначальным гарантом данного признания международной правосубъектности ПМР выступила **Российская Федерация**, взявшая на себя еще в 1992 году роль посредника в переговорах о прекращении огня между РМ и ПМР. Позднее к Российской Федерации в качестве гарантов международной правосубъектности ПМР подключились еще **Украина и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)**.

Прежде чем приступить к анализу договорно-правовой базы международной правосубъектности Приднестровья нам следует указать на самую легальную дефиницию «международного договора». Разумеется, что субъектами права международных договоров могут являться исключительно субъекты международного

права. С формированием **Организации Объединенных Наций** и созданием в ее рамках **Комиссии международного права** кодификация права международных договоров стала одной из главных задач, поставленных перед данной комиссией. Комиссия разработала проект статей о праве международных договоров, и на созванной под эгидой ООН конференции, состоявшейся в 1968 - 1969 годах, была принята *Венская конвенция о праве международных договоров* 1969 года. Эта конвенция, окончательно вступившая в силу в 1980 году, касается договоров, заключенных между государствами.

Категория «международный договор» определяется *Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года как «международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования»*. Тут, прежде всего, имеется в виду практика использования таких международно-правовых наименований, как «договор», «соглашение», «протокол», «меморандум» и т.п. Все они согласно вышеуказанному легальному определению являются видовыми вариантами родового понятия «договор».

Международные договора заключаются для конкретного и четкого определения взаимных прав и обязанностей сторон договора. Договорная форма закрепления международных отношений обуславливает стабильность как глобального международного правопорядка, так и его региональных сегментов. Разумеется, что весьма весомая база международных договоров ПМР не только наглядно фиксирует ее полноценную международную правосубъектность, но и является серьезным фактором в деле стабилизации ситуации в этом стратегически важном европейском регионе.

Международный договор характеризуется как основной источник международного права благодаря трем обстоятель-

ствам. **Во-первых**, договорная форма позволяет достаточно четко сформулировать правомочия и обязательства сторон, что благоприятствует толкованию и применению договорных норм. **Во-вторых**, договорным регулированием охвачены ныне все без исключения области международных отношений, государства последовательно заменяют обычаи договорами. **В-третьих**, договоры наилучшим образом обеспечивают согласование и взаимодействие международных норм и норм внутригосударственного законодательства. Вполне закономерно государства, заключая Венскую конвенцию о праве международных договоров, признали **«все возрастающее значение договоров как источника международного права и как средства развития мирного сотрудничества между нациями, независимо от различий в их государственном и общественном строе»**.

Разумеется, что в условиях отсутствия результативной международно-правовой кодификации института признания государств именно международная договорная правосубъектность для государств де-факто, по сути, выполняет функцию признания. А история международной правосубъектности Приднестровской Молдавской Республики, имеющей уже более чем 15-летнюю историю, является хрестоматийной для анализа данного института.

а) Высший межгосударственный уровень договорной правосубъектности ПМР

Уже в самом первом историческом документе, положившем начало международной правосубъектности Приднестровья, а именно в *«Соглашении о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова»* от 21 июля 1992 года, где подписантом от имени приднестровской стороны выступила Российская Федерация в лице Президента РФ Бориса Ельцина, ПМР фиксируется в качестве полноценной **«стороны конфликта»**, а сам конфликт подлежит

своему урегулированию в соответствии с принципами Устава ООН и Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. С момента подписания данного соглашения категории **«ad hoc признания»** конфликтующие стороны, а второй конфликтующей стороной была определена согласно данному соглашению Республика Молдова, взяли на себя обязанность предпринять все меры к полному прекращению огня, а также любых вооруженных действий друг против друга. Важным результатом данного соглашения также стало создание объединенной контрольной комиссии, состоящей из представителей трех сторон (ПМР, РМ и РФ), участвующих в урегулировании конфликта.

А уже к 1994 году ситуация с признанием ПМР со стороны РМ **«ad hoc»** трансформируется в полноценное юридическое признание **«de facto»**, где приднестровская сторона уже не выступает объектом разовой договоренности, а полноценным партнером Республики Молдова, имеющим международно-правовую правосубъектность заключать с РМ соглашения на самом высоком межгосударственном уровне. Начало данному процессу, безусловно, положило совместное *Заявление руководителей Молдовы и Приднестровья от 28 апреля 1994 года*. В данном документе по сравнению с вышеупомянутым документом 1992 года был значительно расширен круг международно-правовых документов, которые являются для обеих сторон ключевыми и приверженность которым стороны данного заявления считают необходимым публично отметить. Кроме ранее упомянутых Устава ООН и документов Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе появляется знаковое упоминание о **Всеобщей декларации прав человека и о Пактах об экономических, социальных, культурных, гражданских и политических правах**. Впервые также в тексте документа упоминается о важной роли миссии ОБСЕ в деле урегулирования взаимоотношений между ПМР и РМ. Чрезвычайно важная текстуальная позиция о том, что **обе стороны данного Заявления стремятся «занять достойное место в сообществе демократических правовых государств»**

позволяет нам считать, что именно данное совместное Заявление от **28 апреля 1994 года** впервые дало всему миру новый и чрезвычайно важный информационный импульс. И этот импульс был связан с международным договорно-правовым документом, в котором содержалось публично выраженное желание молодого суверенного Приднестровского государства обрести полноценный международно-правовой статус и занять достойное место в системе общеевропейского сообщества. Согласно данному Заявлению ПМР и РМ договорились:

- о необходимости поэтапной программы становления и реализации государственно-правовых отношений;
- о необходимости создания системы взаимных гарантий, в том числе и международных по полному и безусловному выполнению достигнутых договоренностей;
- безотлагательно и без предварительных условий начать процесс переговоров по всему комплексу вопросов, представляющих взаимный интерес;
- наладить взаимовыгодные связи в экономической, торговой, кредитно-финансовой и других сферах деятельности в интересах населения.

Данное Заявление было подписано за молдавскую сторону Президентом РМ Мирчей Снегуром, а за приднестровскую сторону Президентом ПМР Игорем Смирновым. Данные подписи были заверены подписями представителя миссии ОБСЕ Р.С. Сэмюэла и Полномочного представителя Президента РФ В. Васева.

В развитие Заявления от 28 апреля 1994 года уже в следующем году, а именно **5 июля 1995 года** в столице ПМР г. Тирасполь на высшем представительном уровне подписывается **Соглашение о поддержании мира и гарантиях безопасности между Республикой Молдова и Приднестровьем**, согласно которому:

1. Республика Молдова и Приднестровье обязуются не применять во взаимных отношениях военную

силу и не оказывать политическое, экономическое или иные формы давления друг на друга.

2. Стороны будут воздерживаться от участия на двухсторонней или многосторонней основе в союзах, блоках или иных организациях, направленных против одной из сторон.
3. Республика Молдова и Приднестровье обращаются к Российской Федерации, Украине и ОБСЕ быть гарантами соблюдения настоящего соглашения.

Подлинные экземпляры данного соглашения хранятся в Секретариате ОБСЕ, который направил Приднестровью, Республике Молдова, России и Украине их заверенные копии. И вновь за Молдову данный документ подписал Президент РМ Мирча Снегур, а за приднестровскую сторону Президент ПМР Игорь Смирнов. Данные подписи были заверены подписями Главы ОБСЕ М. Вайгантом и Полномочным Представителем Президента РФ В. Васевым.

Важным шагом в развитии международной правосубъектности ПМР на высшем межгосударственном уровне явилось **Протокольное решение по разрешению возникших проблем в области деятельности таможенных служб Республики Молдова и Приднестровья** от 7 февраля 1996 года. Несмотря на то, что данный международный договор носит межведомственный характер и был подписан соответствующими руководителями таможенных служб ПМР (В. Синяев) и РМ (В. Кунев), его значение и степень важности трудно переоценить, что было засвидетельствовано утверждающими подписями на данном Протокольном решении Президентов ПМР (И. Смирнов) и РМ (М. Снегур), а также полномочных представителей ОБСЕ (М. Вайгант), России (Ю. Карлов) и Украины (Е. Ливицкий). В рамках данного Протокольного решения были определены технические аспекты взаимодействия таможенных органов ПМР и РМ, а также аспекты

оформления таможенных грузов, следующих из Приднестровья. Все таможенные грузы, следующие из ПМР, согласно данному международно-правовому документу, осуществляют таможенные органы Приднестровья, используя при этом свои собственные печати и штампы. Стороны также договорились произвести взаимный обмен нормативными документами, регламентирующими таможенную деятельность соответствующих служб Сторон, а также осуществлять оперативный обмен информацией между таможенными органами Сторон с целью выявления и пресечения нарушений таможенных правил и контрабандных операций.

По мнению авторов данного документа, основополагающим шагом в деле формирования полноценной международно-договорной правосубъектности Приднестровья явился *Протокол согласованных вопросов*, подписанный в Тирасполе Президентами ПМР и РМ 11 марта 1996 года. Согласно данному Протоколу:

- 1. Приднестровье принимает Основной закон (Конституцию).**
- 2. Приднестровье принимает законы и нормативные акты.**
- 3. Приднестровье имеет свою символику (флаг, герб, гимн).**
- 4. В Приднестровье в качестве официальных языков используются молдавский, украинский и русский языки.**
- 5. Приднестровье решает вопросы экономического, социального и культурного развития в интересах населения, проживающего на его территории.**
- 6. Приднестровье имеет право самостоятельно устанавливать и поддерживать международные контакты в экономической, научно-технической и культурной областях, а в других областях – по согласию сторон.**

7. Республика Молдова и Приднестровье обеспечивают свободную, беспрепятственную деятельность средств массовой информации на своих территориях в соответствии с действующим законодательством.

Данный Протокол, подписанный на высшем межгосударственном уровне, заверили своими подписями также представитель ОБСЕ (М. Вайгант), России (Ю. Карлов) и Украины (Е. Левицкий).

А уже **8 мая 1997 года** во исполнение вышеуказанного Протокола в столице РФ г. Москва подписывается на высшем межгосударственном уровне полноценный *Меморандум об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем*, явившийся своеобразной квинтэссенцией и результатом целого этапа развития и становления международно-правовой правосубъектности Приднестровской Молдавской Республики. Стороны данного международно-правового документа, подтверждая приверженность принципам ООН, ОБСЕ и общепризнанным нормам международного права, а также договоренностям, ранее достигнутым между Республикой Молдова и Приднестровьем, сознавая ответственность за обеспечение гражданского мира, межнационального согласия, укрепление стабильности и безопасности в данном регионе Европы, при посредничестве Российской Федерации, Украины и Миссии ОБСЕ договорились по целому ряду актуальных проблем своего межгосударственного взаимодействия. В данном Меморандуме еще раз было четко зафиксировано суверенное право Приднестровья **самостоятельно устанавливать и поддерживать международные контакты в экономической, научно-технической и культурной областях**. Стороны Меморандума еще раз подтвердили свои обязательства не прибегать во взаимных отношениях к применению силы или угрозы силой. Любые разногласия между ними, согласно данному Меморандуму, будут решаться исключительно мирными средствами, путем переговоров и консультаций

при содействии и посредничестве Российской Федерации и Украины, как стран-гарантов выполнения достигнутых договоренностей, ОБСЕ и при содействии СНГ. И вновь данный Меморандум был завизирован подписями Президента РМ Мирчи Снегура и Президента ПМР Игоря Смирнова.

Во исполнение Меморандума от 8 мая 1997 года *Протоколом рабочей встречи руководства Республики Молдова и Приднестровья от 24 мая 1997 года* фиксируется, что стороны начинают формировать рабочие группы для выработки проектов соглашений по следующим направлениям:

- о внешнеэкономической деятельности;
- о взаимодействии таможенных служб;
- по вопросам образования;
- по борьбе с преступностью.

10 ноября 1997 года на межправительственном уровне заключается очередной международный договорно-правовой документ - *Соглашение об организационных основах социально-экономического сотрудничества между Республикой Молдова и Приднестровьем*. Стороны соглашения вновь подчеркнули, что всестороннее развитие культурного и социально-экономического сотрудничества между ПМР и РМ является *важнейшей предпосылкой для урегулирования отношений между ними*. Стороны данного двухстороннего соглашения договорились создать специальные постоянно действующие Комиссии по социально-экономическому сотрудничеству между Республикой Молдова и Приднестровьем. Комиссия Республики Молдова и Комиссия Приднестровья составляют **Объединенную комиссию Сторон** по социально-экономическому сотрудничеству между Республикой Молдова и Приднестровьем. Среди основных задач данной Объединенной межгосударственной Комиссии: **разработка и обсуждение механизмов, форм и методов осуществления на практике основных направлений социально-экономического**

сотрудничества между ПМР и РМ, подготовка и проведение совместных мероприятий, семинаров, встреч, связанных с развитием торгово-экономического и социально-культурного сотрудничества между ними. Заседания Объединенной комиссии проводятся поочередно в столицах РМ и ПМР - Кишиневе и Тирасполе. При этом, председательствует на заседании председатель той Комиссии, на территории которой проводится заседание.

Избрание Президентом Республики Молдова Петру Лучински вновь оживило межгосударственные отношения между Приднестровьем и сопредельной Республикой Молдовой. Для народа Приднестровья сопредельное государство Молдова все меньше и меньше ассоциировалось с вооруженным агрессором образца 1992 года и все больше и больше с дружественным и миролюбивым соседом, искренне желающим нормализации межгосударственных отношений и стабилизации ситуации в данном регионе Европы.

20 марта 1998 года в украинском городе Одесса состоялась исторически важная встреча между Президентом Украины Леонидом Кучмой, Президентом Республики Молдова Петру Лучински, Председателем Правительства Российской Федерации Виктором Черномырдиным и Президентом Приднестровья Игорем Смирновым. По результатам данной встречи в присутствии Главы Миссии ОБСЕ был подписан **Протокол о некоторых первоочередных шагах по активизации политического урегулирования приднестровской проблемы**. Стороны данного многостороннего международно-правового соглашения отметили, что в последнее время были отмечены определенные сбои, затяжки в проработке наиболее актуальных политических вопросов урегулирования ситуации в Приднестровском регионе. Было также предложено сосредоточить усилия на углублении взаимного доверия и сотрудничества между ПМР и РМ, а также на определении механизма внешних и внутренних гарантий приднестровского урегулирования.

В тот же день **20 марта 1998 года** этими же полномочными представителями Приднестровья, Молдовы, России и Украины было подписано четырехстороннее международно-правовое **Соглашение о мерах доверия и развитии контактов между Республикой Молдова и Приднестровьем**. Согласно данному соглашению, руководители Республики Молдова и Приднестровья, стремясь приблизить полномасштабное урегулирование международно-правового конфликта, а также в целях создания благоприятной атмосферы для восстановления взаимопонимания и облегчения контактов между людьми, договорились безотлагательно осуществить ряд мер. Прежде всего, было решено **в двухмесячный срок сократить численный состав миротворческих сил Республики Молдова и Приднестровья в зоне безопасности ориентировочно до 500 военнослужащих с каждой стороны со штатной боевой техникой и вооружениями**. Кроме того, Комиссии по координации и обеспечению переговорного процесса было поручено разработать в двухмесячный срок согласованные предложения относительно **поэтапного сокращения числа установленных пограничных постов между Республикой Молдова и Приднестровьем и другие меры с целью создания благоприятного режима для перемещения людей, товаров и услуг**. По мнению авторов данного документа, данное решение совершенно очевидно находилось и находится в контексте современных тенденций формирования общеевропейского пространства с минимализацией разнообразных пограничных и таможенных постов. Путь к единой Европе, таким образом, Приднестровская Молдавская Республика и Республика Молдова начали прокладывать совместно еще в 1998 году. Кроме того, Приднестровье и Молдова подтвердили в данном Соглашении свои обязательства неукоснительно соблюдать и непосредственно защищать права и свободы человека в соответствии с принципами и нормами международного права, а также высоко оценили посредническую деятельность Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в вопросах приднестровского урегулирования.

Активизация посреднических усилий Украины и лично Президента Леонида Кучмы привела **16 июля 1999 года** к организации Киевской встречи на высшем межгосударственном уровне, которая увенчалась *Совместным Заявлением участников Киевской встречи по вопросам нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем*. Президент Украины Леонид Кучма, Президент Республики Молдова Петру Лучински, Председатель Правительства Российской Федерации Сергей Степашин, Президент Приднестровской Молдавской Республики Игорь Смирнов и представитель Действующего председателя ОБСЕ Кай Эйде выразили в данном Заявлении удовлетворение состоявшейся встречей в Киеве, которая позволила обсудить состояние процесса приднестровского урегулирования и наметить пути устранения причин, тормозящих его поступательное развитие. Было отмечено, что при отсутствии исторических, религиозных, национальных и иных противоречий не существует объективных преград для достижения политического решения проблемы.

Избрание Президентом Республики Молдова Владимира Воронина, к сожалению, не придало динамики межгосударственным отношениям Приднестровской Молдавской Республики и Республики Молдова. Однако в 2001 году казалось, ровным счетом ничто не предвещало осложнений. Одним из первых документов, связанных с политической волей нынешнего Президента Молдовы на развитие межгосударственного диалога с ПМР, является сделанное в Кишиневе *Совместное заявление руководителей Республики Молдова и Приднестровья* от 9 апреля 2001 года. В данном Заявлении Президент РМ Владимир Воронин и Президент ПМР Игорь Смирнов заявили о необходимости осуществить гармонизацию налогового и таможенного законодательства сторон, упразднить таможенные и налоговые посты, установленные при въездах в Приднестровье со стороны Республики Молдова. Обсудив проблему взаимного признания

действия на территории РМ и Приднестровья документов, выдаваемых компетентными органами сторон, достигнута договоренность о необходимости ускорения работ по согласованию этого перечня и подписанию совместного Протокола. Стороны выразили приверженность принципам мирного политического урегулирования, взаимосогласованных решений и равенству сторон в переговорном процессе, а также заявили о том, что они исходят из необходимости скорейшей разработки и подписания итогового документа о всеобъемлющем урегулировании отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем, а также соглашения о мерах доверия, взаимных и внешних гарантиях.

Позитивный импульс от апрельской 2001 года встречи на высшем уровне руководителей ПМР и РМ позволил в этом же году организовать еще несколько встреч Президента ПМР Игоря Смирнова и Президента РМ Владимира Воронина, в результате которых было подписано несколько важных двухсторонних международно-правовых документов. Так, например, в рамках встречи на высшем межгосударственном уровне, состоявшейся **16 мая 2001 года**, был подписан целый ряд двухсторонних документов:

1. **Протокол встречи руководителей Республики Молдова и Приднестровья.**
2. **Протокол о взаимном признании действия на территории Приднестровья и Республики Молдова документов, выдаваемых компетентными органами Сторон.**
3. **Протокольное Решение о гармонизации налогового и таможенного законодательств.**
4. **Протокольное Решение о гарантиях привлечения и защиты иностранных инвестиций и сотрудничестве в области инвестиционной деятельности.**
5. **Протокольное Решение о мерах по содействию беспрепятственной деятельности на территории Республики Молдова и Приднестровья средств массовой информации, распространению периодических изданий и теле-радиопрограмм.**

Протокол встречи руководителей Республики Молдова и Приднестровья от 16 мая 2001 года, совершенный в г. Тирасполе, касался, прежде всего, проблематики взаимоотношений между ПМР и РМ в энергетическом комплексе. Накопившиеся многочисленные долги Молдовы перед Приднестровьем было предложено в данном протоколе оформить в виде государственного долга Приднестровью, то есть **Правительству Республики Молдова было предложено выйти с предложением в Парламент Республики Молдова об оформлении задолженности агентов Республики Молдова в качестве государственного долга Приднестровью**. Кроме того, молдавской стороне было предложено подготовить график погашения данной задолженности перед энергетическим комплексом Приднестровья и, прежде всего, перед приднестровской «Молдавской ГРЭС».

Также в данном протоколе было предложено начать **взаимодействие Торгово-промышленных палат Республики Молдова и Приднестровья**, а также соответствующим органам исполнительной власти обоих государств было предложено **внести согласованный проект Протокольного решения о взаимодействии между ПМР и РМ в области почтовой связи и телекоммуникаций**. Важным пунктом выше указанного протокола явился вопрос о возмещении Приднестровью со стороны Молдовы ущерба, полученного во время вооруженного конфликта 1992 года. Стороны поручили соответствующим органам исполнительной власти рассмотреть и внести согласованный проект по этому вопросу до 15 июня 2001 года. И, наконец, последним пунктом повестки дня был **вопрос о взаимодействии Национального банка Молдовы и Приднестровского Республиканского банка**. Стороны поручили Национальному банку Молдовы и Приднестровскому Республиканскому банку рассмотреть и внести проект **Протокольного решения о взаимодействии в срок до 1 июля 2001 года**.

Протокол о взаимном признании действия на территории Приднестровья и Республики Молдова документов, выдаваемых

компетентными органами Сторон, от 16 мая 2001 года, явился серьезным шагом вперед в деле нормализации гражданского документооборота между двумя странами. С целью реализации *Совместного заявления руководителей Республики Молдова и Приднестровья* от 9 апреля 2001 года, руководствуясь положениями Меморандума «Об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем» от 8 мая 1997 года, Приднестровская Молдавская Республика и Республика Молдова договорились о том, чтобы признавать на территории ПМР и РМ действие следующих документов, выдаваемых компетентными органами Сторон:

- а) свидетельств о регистрации актов гражданского состояния;
- б) удостоверений личности и паспортов;
- в) водительских удостоверений, свидетельств о регистрации автотранспортных средств и номерных знаков;
- г) документов об образовании;
- д) документов, выдаваемых и удостоверяемых нотариальными учреждениями;
- е) свидетельств о государственной регистрации юридических лиц;
- ж) трудовых книжек, документов о трудовом стаже, пенсионных документов, а также документов, подтверждающих право на льготы (при условии их действия на территориях Сторон);
- з) удостоверений, разрешений, лицензий, сертификатов и иных документов, выдаваемых соответствующими органами.

Согласно данному Протоколу, учреждения юстиции Приднестровья и Молдовы по просьбе должны предоставлять друг другу сведения о действующем или действовавшем на их терри-

тории законодательстве и о практике его применения. Стороны также обязались пересылать друг другу без перевода и бесплатно копии актовых записей о регистрации актов гражданского состояния и иных документов, касающихся личных или имущественных прав, или интересов граждан запрашиваемой стороны и иных лиц, проживающих на ее территории. Также **Парламенту Республики Молдова и Верховному Совету Приднестровья было предложено рассмотреть вопрос о порядке исполнения на территории Республики Молдова и Приднестровья исполнительных документов, выдаваемых судебными органами сторон.**

Протокольное Решение о гармонизации налогового и таможенного законодательства от 16 мая 2001 года постановило:

1. Принять за основу для регламентирования Сторонами импортно-экспортных операций налоговое и таможенное законодательство с учетом требований Всемирной Торговой Организации и Всемирной Таможенной Организации, а также законодательств государств-участников СНГ и Европейского сообщества.

Создать экспертную рабочую группу по изучению законодательств и внесению в срок до 15 июля 2001 года предложений по изменению налогового и таможенного законодательств Сторон.

2. В срок до 31 декабря 2001 года привести законодательства Сторон в соответствие с режимом беспрепятственного перемещения физических лиц, а также товаров и услуг по всей территории Республики Молдова и Приднестровья, после чего упразднить расположенные при въездах и выездах с обеих сторон внутренние таможенные и налоговые посты.

3. Рассмотреть вопрос о вводе с 1 сентября 2001 года совместного таможенного контроля на Государственной границе между Республикой Молдова и Украиной.

Протокольное Решение о гарантиях привлечения и защиты иностранных инвестиций и сотрудничестве в области инвестиционной деятельности от 16 мая 2001 года постановило, что

«деятельность иностранных инвесторов и предпринимателей на территории Приднестровья гарантируется законодательством Республики Молдова, Приднестровья и нормами международного права». А также данное соглашение поручило соответствующим органам ПМР и РМ внести согласованные предложения по гармонизации инвестиционного законодательства Республики Молдова и Приднестровья. Для координации действий в области инвестиционной деятельности было решено создать совместную постоянную рабочую группу в составе комиссии по социально-экономическому сотрудничеству между Республикой Молдова и Приднестровьем, образованной соглашением от 10 ноября 1997 года *«Об организационных основах социально-экономического сотрудничества между Республикой Молдова и Приднестровьем».* Стороны данного решения также обратились к дипломатическим, консульским, торговым и иным представительствам зарубежных государств на территориях Республики Молдова и Приднестровья с просьбой исходить из положений настоящего Протокола при работе с гражданами и экономическими агентами своих стран.

Протокольное Решение о мерах по содействию беспрепятственной деятельности на территории Республики Молдова и Приднестровья средств массовой информации, распространению периодических изданий и телерадиопрограмм от 16 мая 2001 года, в свою очередь, постановило, что **компетентные органы сторон обеспечат трансляцию теле- и радиопрограмм Республики Молдова на территорию Приднестровья и теле- и радиопрограмм Приднестровья на территорию правобережья Днестра.** Также было установлено, что Государственная компания «Телерадио-Молдова», и Телевидение и Радио Приднестровья будут сотрудничать на паритетной, договорной основе, руководствуясь принципами взаимности в своей деятельности. Кроме того, уполномоченные органы ПМР и РМ, согласно данному Протокольному Решению, должны были обеспечить распространение периодических изданий Республики Молдо-

ва на территории Приднестровья и периодических изданий Приднестровья – на территории Республики Молдова.

Следующая встреча на уровне Глав государств между Президентом РМ и Президентом ПМР состоялась в Кишиневе **20 июня 2001 года**. Президенты двух сопредельных государств поручили соответствующим государственным органам в обозначенный срок внести предложения по **гармонизации законодательства Республики Молдова и Приднестровья в части создания единой системы деятельности Торгово-промышленных палат, в том числе выполнения публичных функций в полном объеме**. В ходе данной встречи руководителями органов внутренних дел Республики Молдова и Приднестровья было также подписано *Протокольное Решение «О дополнительных мерах по повышению эффективности взаимодействия органов внутренних дел Республики Молдова и Приднестровья»*.

Следующая встреча Президента ПМР Игоря Смирнова и Президента РМ Владимира Воронина состоялась **8 августа 2001 года** в Тирасполе. В тот же день было подписано чрезвычайно важное *Соглашение о порядке реализации протокольных решений, соглашений и иных документов, подписанных между Приднестровьем и Республикой Молдова*. С целью реализации достигнутых договоренностей между Приднестровьем и Республикой Молдова в ходе переговорного процесса, Стороны договорились о нижеследующем:

1. Протокольные решения, соглашения и иные документы вступают в силу со дня подписания руководителями Приднестровья и Республики Молдова, или иными уполномоченными ими лицами, если иное не предусмотрено самим актом, и принимаются к исполнению на территориях Сторон.

2. В течение 10 дней с момента подписания протокольных решений, соглашений и иных документов в пределах своей компетенции Стороны издают нормативно-правовые или распорядительные акты, обеспечивающие выполнение принятых Сторонами обязательств.

3. Нормативно-правовые или распорядительные акты должны предусматривать сроки и порядок выполнения протокольных решений, соглашений и иных документов, подписанных руководителями Приднестровья и Республики Молдова или иными уполномоченными ими лицами.

Данное Соглашение также заверили своими подписями представители стран-гарантов – России (Новожилов) и Украины (Левицкий), а также Глава Миссии ОБСЕ Уильям Хилл.

Пожалуй, именно август 2001 года стал пиком в межгосударственных двухсторонних отношениях ПМР и РМ на высшем уровне. Дальнейший спад данной активности был отмечен перестройкой переговорного процесса об урегулировании приднестровского конфликта в формат пятисторонних консультаций и переговоров: **Приднестровье, Молдова, Россия, Украина и ОБСЕ**. Данное решение было оформлено **20 февраля 2002 года** на Братиславской встрече посредников в приднестровском урегулировании (Россия, Украина, ОБСЕ) с представителями Приднестровья и Молдовы.

Новая инициатива **гарантов «Об организации переговорного процесса по приднестровскому урегулированию»** состояла в том, чтобы создать в существующем пятистороннем формате переговоров так называемое **«Постоянное совещание по политическим вопросам в рамках процесса по приднестровскому урегулированию»**. Заседание данного «Постоянного совещания на уровне представителей по политическим вопросам» должны были проводиться, как правило, не реже одного раза в два месяца. Место их проведения – Кишинев, Тирасполь, Москва, Киев, Вена или иное по предварительной договоренности. Встречи отраслевых экспертов Республики Молдова и Приднестровья вместе с представителями посредников от Российской Федерации, Украины и ОБСЕ должны были проходить два раза в месяц поочередно в Кишиневе и Тирасполе.

Следует отметить, что на протяжении последних 5 лет прошло достаточно много «Постоянных совещаний на уровне пред-

ставителей по политическим вопросам», однако их смысловая нагрузка наглядно показывает, что такая форма переговорного процесса практически завела ситуацию в тупик. Особенно наглядно это проявилось после сознательного провала Молдовой в 2003 году подписания так называемого «Меморандума Козака», в результате чего РМ утратила, возможно, свой последний шанс сформировать с Приднестровской Молдавской Республикой единое федеративное государство.

Важным международно-правовым документом в деле становления договорной правосубъектности ПМР явился *Протокол рабочей встречи Руководителя Администрации Приднестровья и исполняющего обязанности Премьер-министра Украины по вопросам торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества*, подписанный **20 июня 1997 года**. Документ подписали **Президент (в документе – Глава Администрации) ПМР Игорь Смирнов** и **Исполняющий обязанности Премьер-министра Украины Владимир Дурдинец**. Среди прочего стороны договорились всемерно содействовать созданию механизма финансового взаимодействия и таможенного сотрудничества в целях улучшения внешнеэкономических и торговых отношений, а также устанавливать и развивать долговременные и всесторонние торгово-экономические, правовые, научно-технические и культурные связи на принципах равенства, взаимной выгоды, взаимопонимания, уважения и доверия.

Авторы данного документа также считают, что помимо межпрезидентских форм международной договорно-правовой деятельности на высшем уровне следует отдельно выделить и **межпарламентские соглашения. 14 марта 2000 года между Парламентом Республики Молдова (Думитру Дьяков) и Верховным Советом Приднестровья (Григорий Маракуца)** было подписано *Соглашение о сотрудничестве*. Стороны договорились о введении парламентского контроля за ходом переговорного процесса между руководством республики Молдова и Приднестровьем. Стороны также обязались приложить все усилия для на-

хождения приемлемого, с точки зрения интересов сторон и норм международного права, варианта участия Верховного Совета Приднестровья в работе международных парламентских организаций.

Интересной международно-договорной новацией явилось подписание **23 мая 2006** года *Протокола по итогам рабочей встречи Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Александра Жукова с Президентом Приднестровья Игорем Смирновым*. Как видим, высший межгосударственный уровень международного договора в этом случае – президентско-правительственный. Подписание данного комплексного документа, предусматривающего установление прямых связей между Россией и Приднестровьем в различных областях, ознаменовало качественно новый этап развития российско-приднестровского взаимодействия. **Стоит особо отметить, что подписание Протокола состоялось в разгар экономической блокады Приднестровской Молдавской Республики со стороны Республики Молдова, препятствовавшей реализации права Приднестровья на самостоятельную внешнеэкономическую деятельность, гарантированную вышеприведенным межгосударственным соглашением между ПМР и РМ.** При этом, авторы данного документа считают важным подчеркнуть, что на протяжении многих лет до этого Российская Федерация, используя институты Содружества Независимых государств (СНГ), всячески тормозила процесс обретения ПМР своей суверенной независимости и полноценной международной правосубъектности, юридически некорректно трактуя международно-правовой принцип «территориальной целостности».

Чрезвычайно интересными формами проявления международной договорной правосубъектности ПМР являются также и договоры, подписанные **Правительством Приднестровья** с рядом **административных субъектов Российской Федерации и Украины**. Среди них следует выделить:

– Протокол о торгово-экономическом, научно-техническом

и культурном сотрудничестве между Вологодской областью и Приднестровской Молдавской Республикой, подписанный **1 сентября 1998 года Правительством ПМР (В. Синев)** и Администрацией Вологодской области (**Российская Федерация**) (В. Грачев);

– *Соглашение «О торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между Приднестровьем и Одесской областью (Украина)»*, подписанное **23 июля 1998 года, за Правительство ПМР – Президентом ПМР Игорем Смирновым и Главой Одесской областной государственной администрации Сергеем Гриневецким;**

– *Соглашение «О социально-экономическом, научно-техническом, правовом и культурном сотрудничестве между Приднестровьем и Винницкой областью Украины»*, подписанное **7 августа 1997 года за правительство ПМР – Президентом ПМР Игорем Смирновым и Главой Винницкой областной государственной администрации Анатолием Матвиенко;**

– *Соглашение «О принципах торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между Правительством Приднестровской Молдавской Республики и Администрацией Санкт-Петербурга»*, подписанное **16 июня 1997 года за Правительство ПМР – Президентом ПМР Игорем Смирновым и за Администрацию Санкт-Петербурга – Дмитрием Сергеевым.**

Отдельное международно-правовое значение имеют соглашения на высшем официальном уровне между **ПМР и Гагаузской Республикой** (в составе Молдовы). Тут, прежде всего, следует выделить *Договор о дружбе и сотрудничестве между ПМР и Гагаузской Республикой* от **26 января 1993 года** и *Соглашение «О торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между ПМР и Гагаузской Республикой»* от **4 января 2001 года.**

б) Специализированный межведомственный уровень международной договорной правосубъектности ПМР

В развитие высшего межгосударственного уровня международно-правовой договорной правосубъектности Приднестровской Молдавской Республики довольно активно в ситуации пролонгированного государства «**de facto**» развивался и межведомственный договорно-правовой процесс, который, в свою очередь, также выступал весомым фактором в деле фиксации юридического признания ПМР «**de facto**».

Особую роль в развитии данного уровня международной договорной правосубъектности сыграл **Конституционный суд Приднестровской Молдавской Республики**, который заключил целый ряд международно-правовых договоров о сотрудничестве с рядом полномочных судебных органов некоторых субъектов Российской Федерации. Среди них следует выделить: *Договор о сотрудничестве между Конституционным судом Приднестровской Молдавской Республики и Конституционным судом Республики Коми, заключенный в г. Тирасполь 12 марта 2007 года*, *Договор о сотрудничестве между Конституционным судом Приднестровской Молдавской Республики и Конституционным Судом Республики Северная Осетия-Алания, заключенный в Тирасполе 27 марта 2007 года*, *Договор о сотрудничестве между Конституционным судом Приднестровской Молдавской Республики и Конституционным судом Республики Саха (Якутия), заключенный в Тирасполе 17 апреля 2007 года*, *Договор о сотрудничестве между Конституционным судом Приднестровской Молдавской Республики и Уставным судом Санкт-Петербурга, совершенный в Тирасполе 20 апреля 2007 года*, а также *Протокол о сотрудничестве между Конституционным судом Республики Адыгея и Конституционным судом Приднестровья*. Предметом всех таких договоров является взаимовыгодное научно-информационное сотрудничество и взаимодействие между Сторонами, которое выражается в обмене правовой информации

ей, документами, материалами, в организации совместных научно-практических мероприятий, участии в семинарах и конференциях, обмене практическим опытом в области конституционного судопроизводства.

Значительной международно-правовой договорной активностью отличается **Министерство промышленности Приднестровья**. Свидетельством этого может служить, в частности, *Протокол о развитии сотрудничества и взаимопонимания между Министерством регионального развития Российской Федерации и Министерством промышленности Приднестровья от 22 декабря 2006 года*. Стороны соглашения договорились об осуществлении обмена информацией в сферах строительства и жилищно-коммунального хозяйства. Министерство регионального развития РФ обязалось оказывать содействие в доступе уполномоченных лиц Министерства промышленности Приднестровья к фонду технических, нормативных и других документов, действующих в сферах строительства и жилищно-коммунального хозяйства. Стороны данного соглашения также обязались осуществлять обмен положительным опытом по развешиваемым и реализуемым целевым программам в сфере строительства и жилищно-коммунального хозяйства.

Еще ранее, **5 декабря 2006 года** был подписан **Протокол о взаимодействии в сферах технического регулирования и метрологии между Министерством промышленности и энергетики Российской Федерации и Министерством промышленности Приднестровья**. Стороны договорились осуществлять постоянное информационное взаимодействие по вопросам предоставления и обмена информацией о нормативных разработках в сферах технического регулирования и метрологии, значимых результатах процедур оценки соответствия, выпуске и поставках продукции, не прошедшей процедуру оценки соответствия по причинам несоответствия требованиям безопасности. Признавая роль нормативной базы в сферах технического регулирования и метрологии в тенденциях устранения технических барьеров в

торговле, Министерство промышленности и энергетики Российской Федерации обязалось оказывать содействие в формировании и ведении соответствующей нормативной в Приднестровье разработке и формировании перспективных целевых программ и концепций развития.

А 6 декабря 2006 года был подписан еще один международно-правовой межотраслевой договор – *Протокол о развитии сотрудничества между Министерством транспорта Российской Федерации и Министерством промышленности Приднестровья*. Стороны данного соглашения наметили осуществление сотрудничества в рамках своей компетенции в следующих областях:

- развитие на взаимовыгодной основе перевозок пассажиров и грузов;
- содействие прямым экономическим связям транспортных предприятий и создание совместных предприятий;
- инвестиционная политика в области транспорта.

По взаимному согласованию будут организовываться встречи для проведения консультаций на уровне ответственных сотрудников ведомств, создаваться экспертные или рабочие группы для рассмотрения специальных вопросов с привлечением представителей других учреждений или частных лиц. Для реализации целей настоящего Протокола будет осуществляться обмен необходимой информацией.

Достаточно активным выглядит в международно-договорном направлении и **Министерство просвещения Приднестровья** (в прошлом – Министерство народного образования Приднестровья). 30 мая 2000 года был подписан *Меморандум о сотрудничестве между Министерством образования Российской Федерации и Министерством народного образования Приднестровья*. Стороны Меморандума подтвердили важность взаимовыгодного сотрудничества в области образования в интересах наиболее полного удовлетворения потребностей людей в получении качественного образования. Стороны договора обязались способствовать: разработке и внедрению в образовательный про-

цесс стандартов образования, отвечающих современным международным стандартам, а также развитию согласованного нормативно-правового и учебно-методического обеспечения образовательного процесса. Стороны соглашения обязались развивать сотрудничество также и в области обмена опытом, подготовки специалистов, повышения квалификации и проведения совместных научных исследований, содействовать дальнейшему обмену научной и педагогической литературой, участию научных работников, преподавателей и педагогов Приднестровья в международных конгрессах, семинарах, симпозиумах и конференциях, проводимых в Российской Федерации. Также Стороны соглашения договорились о взаимодействии в деле совершенствования структуры образовательной отрасли, стандартизации учебного процесса, повышения качества образования, улучшения его инструкторно-методической и нормативно-правовой базы.

К обозначенному выше Меморандуму Стороны соглашения также приложили совместно подписанный *Протокол встречи по вопросам сотрудничества между Министерством образования Российской Федерации и Министерством народного образования Приднестровья*. Стороны обязались продолжить работу по систематизации имеющихся договоров о сотрудничестве между субъектами Российской Федерации и Приднестровьем в области образования и способствовать заключению новых договоров о сотрудничестве в этой сфере.

17 июля 2006 года был также подписан *Меморандум о сотрудничестве в области культуры и искусства* между **Министерством просвещения Приднестровья и Федеральным агентством по культуре и кинематографии Российской Федерации на 2006 – 2010 годы**. Стороны соглашения обязались содействовать развитию сотрудничества в области театра, музыки, хореографии, изобразительного искусства, литературы, народного творчества и в других областях культуры и искусства. Стороны способствуют организации гастролей, обмену делегациями писателей, художников, композиторов, скульпторов, творческих

и театральных деятелей; проведению художественных выставок; установлению связей между творческими союзами обоих государств. Стороны содействуют сотрудничеству в области кинематографии и совместного кинопроизводства с учетом законодательства Сторон о защите авторских прав, способствуют обмену кинофильмами на некоммерческой основе, а также взаимному проведению кинофестивалей и презентации аудиовизуальной продукции. Стороны также, согласно Меморандуму, содействуют развитию связей в области образования и научно-исследовательской деятельности в сфере культуры, в том числе, и путем обмена нормативно-правовыми актами, регулирующими данную сферу. Для осуществления конкретных проектов заинтересованные организации Сторон разрабатывают и заключают соответствующие программы и протоколы. В период действия данного Меморандума Стороны решили обмениваться делегациями для обсуждения и согласования вопросов двустороннего сотрудничества и обмена опытом.

Чрезвычайно активную роль в формировании международной договорно-правовой базы правосубъектности ПМР играет **Торгово-промышленная палата Приднестровья. 14 сентября 2001 года** было заключено *Соглашение о сотрудничестве* между **Торгово-промышленной палатой Приднестровья и Белорусской торгово-промышленной палатой по оказанию услуг**. Согласно данному Соглашению, Стороны будут заниматься организацией деловых контактов предпринимателей, проведением выставок, ярмарок, семинаров, симпозиумов, конференций и других мероприятий для ознакомления деловых кругов с экономикой и экспортными возможностями обеих стран, а также на основе отдельных договоренностей организовать обучение и стажировку специалистов. Стороны, подписавшие Соглашение, в рамках их компетенции будут стремиться развивать сотрудничество для более эффективного содействия предприятиям, организациям и фирмам своих стран в вопросах развития и углубления всех форм внешнеэкономической деятельности, включая развитие туристиче-

ческих связей. Также Стороны договорились предоставлять друг другу информацию о законодательных актах в области внешне-экономической деятельности, состояния и перспективах развития экономики своих стран, в том числе о номенклатуре экспорта и импорта, предприятиях и фирмах – потенциальных партнерах, проводимых ярмарках и выставках, а также по другим вопросам, представляющим взаимный интерес.

11 декабря 2002 года в украинском городе Херсон было подписано *Соглашение о сотрудничестве* между **Торгово-промышленной палатой Приднестровья и Херсонской Торгово-промышленной палатой** (Украина). Стороны соглашения договорились поощрять развитие прямых контактов между предприятиями, объединениями и организациями, фирмами и предпринимателями Приднестровья и Херсонской области; содействовать дальнейшему развитию двустороннего сотрудничества и обеспечения участия в нем широкого круга субъектов хозяйственной деятельности: малых, средних фирм и предприятий. Также была достигнута договоренность о том, что все документы, предусмотренные в международной практике в области торгово-экономических отношений и выдаваемые Сторонами Соглашения, взаимно признаются и, в случае необходимости, ими подтверждаются. Стороны решили, что необходимо рассмотреть и решить вопросы открытия на территории ПМР и Херсонской области (Украина) своих филиалов, представительств, смешанных палат, других структур, содействующих развитию международного делового сотрудничества.

28 сентября 2006 года было заключено *Соглашение о сотрудничестве* между **Торгово-промышленной палатой города Пловдив** (Болгария) и **Торгово-промышленной палатой Приднестровья**. В соглашении подчеркивалось, что Стороны исходят из того, что их взаимодействие по развитию торгово-экономических отношений между Приднестровьем и городом Пловдив должно строиться на долговременной основе, с соблюдением принципов равноправия, партнерства, взаимной выгоды и учета

интересов друг друга. Стороны в рамках своей компетенции и в соответствии с законодательством своих стран договорились о сотрудничестве по следующим направлениям развития внешне-экономических связей:

- **содействие в организации и проведении торгово-экономических миссий, форумов, деловых встреч, обменов делегациями и других мероприятий для ознакомления деловых кругов с экономикой и экспортными возможностями своих стран;**
- **содействие в организации участия предприятий, организаций и предпринимателей в специализированных ярмарочно-выставочных мероприятиях, проводимых на территории Сторон;**
- **содействие в поиске потенциальных партнеров (в том числе при создании совместных предприятий), продвижении продукции и услуг предприятий, организаций и предпринимателей, расположенных на территории Сторон.**

Стороны также договорились о том, что данное Соглашение является основой для заключения Сторонами договоров (соглашений) в конкретных областях сотрудничества. Оно не затрагивает обязательств каждой из Сторон по заключенным ими договорам (соглашениям) с третьими лицами и поэтому не может быть использовано в ущерб интересам какой-либо из них или служить препятствием для выполнения его участниками взятых обязательств.

В силу целого ряда объективных причин **Военное ведомство ПМР** не может рассматриваться как очень активный субъект международной договорно-правовой деятельности. Однако и оно 8 августа 2001 года в городе Тирасполь подписало со своими коллегами из **Военного ведомства Республики Молдова** международно-правовое **Протокольное Решение между военными ведомствами Республики Молдова и Приднестровья об укреплении мер доверия**. Стороны, в частности, договорились о

том, чтобы для организации взаимодействия Сторон установить прямые линии связи между руководителями военных ведомств, главными штабами и оперативными дежурными Сторон. Также достигнута договоренность осуществления взаимного оповещения об учениях и других мероприятиях, проводимых с участием войск (вооруженных формирований) Сторон, приглашении представителей Сторон в качестве наблюдателей на проводимые учения.

Министерство юстиции ПМР, в свою очередь, 6 марта 2001 года заключило с Автономно-территориальным образованием в составе Республика Молдова – Гагаузия (Гагауз Ери) международно-правовой Договор (на уровне органов юстиции Сторон Договора) «О взаимном признании действия на территории Гагаузии и Приднестровья документов, выдаваемых компетентными органами сторон». Стороны соглашения договорились о том, что они:

- признают юридическую силу актов гражданского состояния, выдаваемых их компетентными органами; признают юридическую силу документов, выдаваемых и удостоверяемых нотариальными учреждениями;
- признают юридическую силу паспортов, удостоверений личности, свидетельств регистрации, лицензий и разрешений, водительских удостоверений, свидетельств о регистрации автотранспортных средств, номерных знаков и других документов, выдаваемых органами внутренних дел, и принимают их к исполнению;
- признают юридическую силу сертификатов, протоколов и иных документов, выдаваемых органами сертификации, метрологии, стандартизации и аккредитации;
- признают юридическую силу сертификатов подтверждения страны происхождения, выдаваемых их Торгово-промышленными палатами;
- признают юридическую силу и принимают к исполнению документы, выдаваемые и удостоверяемые органами статистики, налоговыми и таможенными службами...

Данный Договор был подписан в столице Гагаузии, городе **Комрате** министром юстиции ПМР Виктором Балала, **Уполномоченным Президентом ПМР Игорем Смирновым и Начальником управления юстиции Гагауз-Ери Георгием Калчу, уполномоченным Исполкомом Гагаузии.**

Безусловным ведомственным лидером ПМР в деле становления государственной международной правосубъектности является **Министерство здравоохранения и социальной защиты ПМР.** Вот только ряд международно-правовых договоров данного Министерства:

Протокол о совместных действиях между органами здравоохранения Республики Молдова и органами здравоохранения Приднестровья в области охраны здоровья населения, подписанный 18 марта 2004 года;

Протокол о развитии сотрудничества и взаимоотношений по вопросам социальной защиты между Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Министерством здравоохранения и социальной защиты Приднестровья, подписанный 25 декабря 2006 года.

Однако, основная новация данного Министерства Приднестровья состоит прежде всего в том, что оно впервые начали активно заключать договоры с международными общественными организациями, в том числе с международными частными структурами.

По мнению авторов данного документа, следует указать на то, что *Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года* презюмирует возможность заключения договоров между государствами и другими субъектами международного права или между такими другими субъектами международного права. Появление в XX веке большого числа межправительственных международных организаций и возрастание их роли в международных отношениях повлекли договорное оформление их отношений как с государствами, так и между собой. В результате, не только появилось большое число таких договоров, но была

выработана определенная международная практика, касающаяся заключения, действия и прекращения данной категории договоров. Это вызвало, в свою очередь, необходимость подготовки и принятия специальной конвенции. В этих целях в 1986 году на созванной в Вене под эгидой ООН конференции была принята Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями, которая, являясь результатом кодификации и прогрессивного развития международного права, содержит положения, учитывающие специфику договоров с участием международных организаций.

В развитие вышеуказанной Венской конвенции 1986 года Министерство здравоохранения и социальной защиты ПМР заключило уже целый ряд такого рода международных соглашений. Среди них:

– *Меморандум о взаимодействии между Министерством здравоохранения и социальной защиты Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) и Международной организацией «Врачи без границ» – Нидерланды («Medecins Sans Frontieres» – MSF)*, подписанный **27 апреля 2006 года**;

– *Трехсторонний Договор о сотрудничестве между Министерством здравоохранения и социальной защиты Приднестровской Молдавской Республики, Государственным учреждением «Каменская центральная районная больница» (ПМР) и UNFPA (United Nations Population Fund – Фонд по Народонаселению ООН)*;

– *Соглашение между Министерством здравоохранения и социальной защиты Приднестровской Молдавской Республики и компанией «Молдова Холдинг» ЛТД (Израиль) 2003 года.*

Интересным международно-договорным документом является также *Протокол между Пенсионным фондом Российской Федерации и Пенсионным фондом Приднестровья о развитии сотрудничества и взаимопомощи по вопросам регулирования отношений в сфере пенсионного обеспечения*, заключенный в

Москве **1 декабря 2006 года**. Стороны данного соглашения провозгласили свое стремление к созданию благоприятных условий для осуществления в рамках своей компетенции сотрудничества в следующих областях:

- государственного пенсионного обеспечения;
- пенсионного страхования;
- управление средствами государственного пенсионного обеспечения (страхования).

По мнению авторов данного документа, главным в том, что объединяет этот большой массив разнообразных международно-правовых договоров с участием ПМР является то, что каждый из них явился весомой составляющей в деле формирования полноценной международной правосубъектности суверенного Приднестровского государства. Не дожидаясь международного признания, связанного с установлением полноценных дипломатических отношений, молодое Приднестровское государство активно сформировало свою собственную международную правосубъектность, что является решающей предпосылкой для полноправного включения Приднестровской Молдавской Республики в структуру мирового и, прежде всего, европейского сообщества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этом, 2007 году свершилось очень важное историческое и дипломатическое событие: впервые в резолюцию ООН было внесено упоминание о Приднестровской Молдавской Республике. Было отмечено, что сложившаяся конфликтная ситуация настоятельно требует своего международно-правового разрешения. Какое будет решение ООН – покажет будущее. Впереди упорная и длительная дипломатическая борьба, но то, что международное сообщество уже признало существование суверенного Приднестровского государства в качестве факта наличного бытия, уже позволяет нам надеяться на позитивное решение приднестровской проблемы.

Для авторов данного документа так называемая «**приднестровская проблема**» – это, прежде всего, проблема грубейшего игнорирования, вот уже на протяжении многих лет, базовых международно-правовых норм и принципов. Грубейшее игнорирование неотъемлемого права приднестровского народа на самоопределение вызвало вооруженную агрессию 1992 года, равно как и длительную нестабильность в данном европейском регионе.

Разумеется, авторы не считают, что ситуация глобально может измениться сразу после выхода в свет данного исследования. Однако, наши моральные и этические императивы со всей объективностью обязывали нас осуществить этот юридический труд, который, совершенно очевидно, станет еще одним небольшим, но важным кирпичиком в деле строительства нашего общего европейского дома. Дома, где небольшая суверенная республика на Днестре станет желаемой и родной.

Авторы данного документа хотят в заключение поблагодарить всех тех, кто осуществил добровольную помощь в деле его подготовки и презентации. Мы посвящаем этот наш коллективный труд всем тем народам, которые продолжают героическую борьбу за свое национальное и социальное освобождение. Мы посвящаем этот труд героическому и многострадальному народу Приднестровья, по праву заслужившему быть свободным. Мы посвящаем этот труд всем друзьям свободы, равенства и братства.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
РАЗДЕЛ I	
Система принципов международного права – юридическая основа государственной независимости ПМР.....	8
Глава 1	
Принцип суверенитета и суверенного равенства государств – фундаментальная основа государственной независимости ПМР.....	13
Глава 2	
Взаимосвязанные принципы невмешательства во внутренние дела и отказа от применения силы или угрозы силой – международно-правовые гарантии реализации суверенитета ПМР.....	26
Глава 3	
Принцип самоопределения народов – онтологическая база и ключевая юридическая гарантия независимости Приднестровья	40
Глава 4	
Принцип самоопределения народов и принцип территориальной целостности государств: конфликт или гармония? (Приднестровский срез проблемы).....	62
Глава 5	
Принцип всеобщего уважения прав человека и аспекты международного гуманитарного права: контекст Приднестровского урегулирования.....	86
РАЗДЕЛ II	
Международная правосубъектность ПМР – вопросы теории и практики формирования.....	119
Глава 6	
Международно-правовое признание ПМР: теоретические и прикладные аспекты проблемы.....	119
Глава 7	
Международная договорная правосубъектность ПМР: ключевая форма фиксации юридического признания «de facto»	142

Научное издание

Патрик Брюно

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И НЕЗАВИСИМОСТЬ ПМР

Редактор: А. Кочетков

Корректоры: И. Чайка, Т. Розенкова

Сдано в набор 20.08.07. Подписано в печать 24.08.07
Формат 70х90 1/16. Усл. п.ч. 11. Тираж 1000 экз. Заказ 1549.

Отпечатано с готового оригинал-макета на Бендерской типографии “Полиграфист”
Министерства информации и телекоммуникации ПМР
3200, г. Бендеры, ул. Пушкина, 52.